
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

Вестник культурологии

Научный журнал

№ 1 (116)
2026

Выходит 4 раза в год
Издается с 1992 года

Учредитель

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Редакция

Гл. ред. *О.В. Кулешова* – кандидат филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Технический редактор и секретарь издания *Т.Н. Гончарова*,
ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Г.Н. Андреева – кандидат юридических наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
А. Главачек – доктор педаг. наук, Карлов университет, Прага, Чехия
Т.В. Володина – доктор филол. наук, Центр изучения белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия
А.В. Дроздова – доктор культурологии, Гуманитарный университет, Екатеринбург, РФ
И.А. Едошина – доктор культурологии, Костромской государственной университет
им. Н.А. Некрасова, Кострома, РФ
Д.Н. Замятин – доктор культурологии, Высшая школа урбанистики ВШЭ, Москва, РФ
А.В. Костина – доктор культурологии, доктор философии, Институт фундаментальных
и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
Т.Н. Красавченко – доктор филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
О.С. Крюкова – доктор филол. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
И.В. Леонов – доктор культурологии, Санкт-Петербургский государственный
институт культуры, Санкт-Петербург, РФ
И.И. Лисович – доктор культурологии, кандидат филологических наук, РАНХиГС
при Президенте РФ, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
С.В. Мельник – доктор философских наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Н.Т. Пахсарьян – доктор филол. наук, ИНИОН РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
Е.В. Сальникова – доктор культурологии, Государственный институт искусствознания,
Москва, РФ
А.Б. Старостина – кандидат филос. наук, Институт востоковедения РАН, Москва, РФ
У. Фрёшле – доктор филол. наук, Технический университет Дрездена, Дрезден, Германия
А.И. Шамина-Великанова – доктор культурологии, Центр изучения религий РГГУ, Москва, РФ
В.Г. Щукин – доктор гуманитарных наук, Ягеллонский университет,
Институт восточнославянской филологии, Краков, Польша

Вестник Культурологии включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки)

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-74023

ISSN 2658-3291

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.00

© ИНИОН РАН, 2026

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Herald of Culturology

Academic journal

N 1 (116)
2026

Published since 1992
4 Issues per year

Founders:

Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

The editor of the Herald of Culturology:

Chief editor *Olga Kuleshova* – PhD in Philology, INION RAN, Moscow, Russia

Tatyana Goncharova – Secretary and Technical editor of the publication,
INION RAN, Moscow, Russia

Editorial board:

Galina Andreeva – PhD in Law, INION RAN, Moscow, Russia

Antonin Glavachek – Doctor of Sciences in Pedagogy, Charles University, Prague, Czech Republic

Tatyana Volodina – Doctor of Sciences in Philology, Center for the Study of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Alla Drozdova – Doctor of Sciences in Culturology, Humanities University, Yekaterinburg, Russia

Irina Edoshina – Doctor of Sciences in Culturology, Kostroma State University named after
N.A. Nekrasov, Kostroma, Russian Federation

Dmitriy Zamyatin – Doctor of Sciences in Culturology, HSE Graduate School of Urban Studies,
Moscow, Russia

Anna Kostina – Doctor of Sciences in Culturology, Doctor of Sciences in Philosophy, Institute
of Fundamental and Applied Research, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russia

Tatyana Krasavchenko – Doctor of Sciences in Philology, INION RAN, Moscow, Russia
Olga Kryukova – Doctor of Sciences in Philology, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Ivan Leonov – Doctor of Sciences in Culturology, St. Petersburg State Institute of Culture,
St. Petersburg, Russia

Inna Lisovich – Doctor of Sciences in Culturology, Candidate of Philological Sciences, RANEPa under
the President of the Russian Federation, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

Sergey Melnik – Doctor of Sciences in Philosophy, INION RAN, Moscow, Russia

Natalya Pakhsaryan – Doctor of Sciences in Philology, INION RAN, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia

Ekaterina Salnikova – Doctor of Sciences in Culturology, State Institute of Art Studies, Moscow, Russia

Aglaya Starostina – PhD in Philosophy, Institute of Oriental Studies PAH, Moscow, Russia

Ulrich Freschle – Doctor of Sciences in Philology, Technical University of Dresden, Dresden, Germany

Anna Shmaina-Velikanova – Doctor of Sciences in Culturology, Center for the Study
of Religions, RSUH, Moscow, Russia

Vasily Shchukin – Doctor of Sciences in Humanities, Jagiellonian University, Institute
of East Slavic Philology, Krakow, Poland

The Herald of Culturology is included in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.10.1. Theory and history of culture, art (cultural studies),

5.10.1. Theory and history of culture, art (philosophical sciences)

The publication is included in the Russian science citation index

ISSN 2658–3291

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.00

© INION RAN, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД: КУЛЬТУРА, ПАМЯТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>Родькин П.Е.</i> Территориальный бренд и поэтика городской репрезентации.....	9
<i>Федотова Н.Г.</i> Культурный код города: особенности эмпирического исследования.....	27
<i>Жильцова А.Ю., Шарма Е.И.</i> Опыты горожанства: сравнительное исследование на примере российской молодежи 90 х г.р.....	44
<i>Коренева Е.В., Соколова В.М.</i> Образ мегаполиса в современной литературной журналистике Аргентины	55

ТОПОФОБНЫЕ МЕСТА ГОРОДА

<i>Сафрон Е.А.</i> Городские легенды и былички о топофобных локациях Петрозаводска: особенности поэтики через призму суггестивности.....	67
--	----

ЭССЕ

<i>Вилейкис А.</i> Городская среда спальных районов и эффект «ламповости»: повседневная привязанность vs. топофобия.....	80
--	----

МАТЕРИАЛЫ

<i>Пепеляева С.В., Шарова М.Ю.</i> Город как образовательное пространство: разработка инклюзивной музейной программы для детей с РАС (на примере Нижегородского государственного художественного музея)	90
---	----

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Столярова В.К.</i> Концептуализация понятия «экологическая культура»	105
<i>Яцкевич А.А.</i> Метод лингвокультурологического поля (на примере исследования понятия «l'artdebienmanger» во французском языке)	120

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

<i>Михайлова Т.А., Оленева Н.В.</i> «Книга из Келлса»: текст в тексте	137
<i>Душенко К.В.</i> Зеленая нечисть во французской словесности и популярной культуре (XVIII– начало XX в.)	160
<i>Минц М.М.</i> Особенности изучения воображаемой реальности на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина	182
<i>Абилова Ф.А.</i> Меч как элемент национального мифа в романе Э. Берджесса «Железо, ржавое железо»	198

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

<i>Горбани Х.</i> Сиях и Мобарак: сравнительный анализ двух образов в традиционном иранском театре	211
<i>Ли Гуан</i> Трансформация концепта «свобода» в современной китайской популярной музыке: эволюция в контексте массовой культуры	221

ЦИФРОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фархутдинов П.Э.</i> Проблематика цифровых коммуникаций в условиях культурной и языковой фрагментированности Ближнего Востока на примере Катара	240
--	-----

CONTENTS

CITY: CULTURE, MEMORY AND EVERYDAY LIFE

<i>Rodkin P.E.</i> Place Brand and the Poetics of Urban Representation	9
<i>Fedotova N.G.</i> City Cultural Code: Peculiarities of Empirical Research	27
<i>Zhiltsova A.Y., Sharma E.I.</i> Experiences of Urbanism: a Comparative Study on the Example of Russian Youth Born in the 90s	44
<i>Koreneva E.V., Sokolova V.M.</i> The Image of the Metropolis in Contemporary Literary Journalism in Argentina	55

TOPOPHOBIC PLACES IN THE CITY

<i>Safron E.A.</i> Urban Legends and Tales about Topophobic Petrozavodsk Locations: Features of Poetics through the Prism of Suggestiveness ..	67
--	----

ESSAY

<i>Vileikis A.</i> The Urban Environment of Residential Microdistricts and the “Cozy Intimacy” Effect: Everyday Attachment vs. Topophobia ...	80
---	----

MATERIALS

<i>Pepelyaeva S.V., Sharova M.Yu.</i> The City as an Educational Space: Developing an Inclusive Museum Program for Children with ASD (Case Study of the Nizhny Novgorod State Art Museum).....	90
--	----

THEORY OF CULTURE

<i>Stolyarova V.K.</i> Conceptualization of the Concept of “Ecological Culture”	105
---	-----

<i>Yatskevich A.A.</i> The Method of the Linguacultural Field (Using the Example of the Study of the Concept of “L’art de Bien Manger” in French)	120
---	-----

CULTURE AND LITERATURE

<i>Mikhailova T.A., Oleneva N.V.</i> “The Book of Kells”: the Text within the Text	137
<i>Dushenko K.V.</i> Green Evil Spirits in French Literature and Popular Culture (18th – Early 20th Centuries).....	160
<i>Mints M.M.</i> Special Aspects of the Study of Imaginary Worlds, through the Example of Fiction by J. R. R. Tolkien	182
<i>Abilova F.A.</i> The Sword as an Element of the National Myth in the Novel by E. Burgess “Any Old Iron”	198

POPULAR CULTURE

<i>Ghorbani H.</i> Siah and Mobarak: a Comparative Analysis of Two Characters in Traditional Iranian Theater	211
<i>Li Guang</i> Transformation of the Concept of “Freedom” in Modern Chinese Popular Music: Evolution in the Context of Popular Culture	221

DIGITAL RESEARCH

<i>Farkhutdinov P.E.</i> Challenges of Digital Communications in the Culturally and Linguistically Fragmented Middle East Region: a Case Study of Qatar	240
---	-----

ГОРОД, КУЛЬТУРА, ПАМЯТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК

7.04.

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.01

*Родькин П.Е.**

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНД И ПОЭТИКА ГОРОДСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ©

Аннотация. Репрезентация города в социокультурном пространстве получает разные проявления и формы выражения в изобразительном искусстве, архитектуре, медиа и т.п. В качестве одного из актуальных направлений отражения и фиксации образа города концептуализируется его бренд. Визуальная бренд-идентификация города выполняет функции репрезентации и формирует собственной социокультурный «слой», который дополняет и одновременно конкурирует с существующими формами городской идентичности. Поэтика городской репрезентации в территориальном брендинге раскрывает городскую идентичность через конструктивные решения, типология которых выделяется в настоящем исследовании.

Ключевые слова: брендинг территорий; бренд-идентификация; городская идентичность; городское пространство; символическая инфраструктура; репрезентация города

Поступила: 23.06.2025

Принята к печати: 11.08.2025

**Родькин Павел Евгеньевич* – кандидат искусствоведения, доцент Школы коммуникаций Факультета креативных индустрий НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия; prdesign@yandex.ru

Rodkin Pavel Evgenievich – PhD in Art History, Associate Professor in the School of Communications at the Faculty of Creative Industries of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; prdesign@yandex.ru

© Родькин П.Е., 2026

Для цитирования: Родькин П.Е. Территориальный бренд и поэтика городской репрезентации // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 9–26. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.01

Rodkin P.E.

Place Brand and the Poetics of Urban Representation

Abstract: Representation of the city in the socio-cultural space receives different manifestations and forms of expression in fine arts, architecture, media, etc. As one of the actual directions of reflection and fixation of the image of the city its brand is conceptualized. Visual brand identity of the city performs the functions of representation and forms its own socio-cultural “layer”, which complements and at the same time competes with the existing forms of urban identity. The poetics of urban representation in place branding reveals urban identity through constructive solutions, a typology of which is highlighted in this study.

Keywords: place branding; brand identity; urban identity; urban space; symbolic infrastructure; representation of the city

Received: 23.06.2025

Accepted: 11.08.2025

For quoting: Rodkin P.E. Place Brand and the Poetics of Urban Representation // Herald of Culturology. – 2026. – No. 1(116). – P. 9–26. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.01

Введение

Городское пространство как предмет исследований самых разных дисциплин и одновременно среда обитания современного общества отличается сложностью, которая обусловлена его многослойностью. Соответственно репрезентация города в социокультурном пространстве получает разные проявления и формы выражения в изобразительном искусстве, архитектуре, медиа и т.п. Одним из актуальных направлений отражения и фиксации образа города является его бренд, который получает распространение в массовой культуре и коммуникации и оказывает влияние на формирование современной городской идентичности. Визуальная *бренд-идентификация* города, под которой в дизайне понимается визуальная айдентика (логотип и фирменный стиль), как неотъемлемая часть единой системы бренда

[Родькин, 2018], выполняет функции репрезентации и коммуникации знаков и объектов городской идентичности.

Бренд города из чисто рыночного инструмента извлечения стоимости из городской среды и культурного наследия превращается в самостоятельный социокультурный феномен, который проблематизируется через его смыслопорождение и формообразование. Территориальный бренд критически зависим от смысла (содержания), к которому, в отличие от продуктового и корпоративного брендинга, общество предъявляет повышенные требования и который может для него быть неприемлем [Родькин, 2020]. Городская бренд-идентификация формирует еще один, неклассический, социокультурный «слой» территориальной идентичности, который дополняет и одновременно конкурирует с уже существующими формами ее отражения и выражения в культуре и повседневной жизни. Каждый такой слой дополняет и соотносится с другими, но вместе с тем «вытесняет» их и переформатирует тем самым «экзистенциальный интерфейс» города. Бренд-идентификация является специфическим репрезентативным и коммуникативным языком, релевантным и понятным массовому обществу и массовому человеку. Его исследование имеет теоретическую и практическую значимость для конструирования современной (актуальной) городской идентичности и репрезентации городских субъектов.

Исследование современной территориальной бренд-идентификации в городском пространстве и явлениях повседневной жизни является продолжением и развитием проблем формирования территориальной идентичности и ее репрезентации в визуальной культуре и массовой коммуникации. Актуальность феномена брендинга территорий заключается в качественном расширении структуры городского пространства на объектном уровне, его медиатизации и появлении новых социокультурных практик, связанных с повседневным опытом коммуникации между этими объектами и аудиторией. Изменение структуры городского пространства и городской идентичности через интеграцию в нее новых физических и символических объектов вызывает изменение отношений между всеми акторами социального и коммуникативного пространства.

Брендинг территорий образует устойчивый паттерн, в рамках которого сформировались разные типы концептуальных и конструктивных решений репрезентации городской идентичности. Выделение типологии и анализ воздействия актуальных типов городской бренд-идентификации на структуру городского и социокультурного пространства, с одной стороны, и влияние поэтики городской идентичности на сам бренд, с другой, представляет практическую значи-

мость для ее конструирования и развития. Данная оптика также значительно обогащает дисциплинарное поле исследований, включающих проблематику культурной идентичности, способствуя глубокому пониманию ее предмета.

Городская идентичность и территориальный бренд

Репрезентация позволяет в генерализованном виде выразить городскую идентичность в ее системных и частных проявлениях. Одним из доминирующих подходов к концептуализации понятия идентичности является конструктивистский подход в социологии, который рассматривает идентичность как предмет и продукт конструирования с помощью коммуникативных технологий и культуры [Чернявская, 2011, с. 73]. Идентичность в современном обществе не возникает спонтанно, при этом масштаб ее конструирования и производства варьируется от всей страны или макрорегиона, до «малой родины» и небольших местных сообществ [Романова, 2023]. Как отмечают исследователи, территориальная идентичность является ключевым элементом формирования символического капитала территории [Федотова, 2015]. В культуре каждой страны, региона или города существует «стержневой символ», который создает конфигурацию взаимодействия общества и природного ландшафта [Розенберг, 2011]. Проблема заключается в том, что территориальная идентичность нуждается в системах наглядной репрезентации, специальных маркерах и идентификаторах, выполняющих коммуникативные функции и формирующие устойчивый образ территории в культурном, социальном и рыночном пространстве. Идентичность всегда должна выражаться в конкретной форме материального объекта, визуального или ментального образа.

В пространстве массовой коммуникации образ территории представляет собой конструкт, который существует в сознании определенной целевой аудитории и внедряется и воспроизводится с помощью рекламы, пиара, маркетинга и брендинга в информационно-коммуникационном пространстве. Образ территории, то есть ее представление (и представление о ней) является борьбой и единством реального и идеального (желаемого) образа реальности. Образ территории не тождественен действительности. Проектная деятельность в области территориального брендинга является формированием репрезентации территории, созданием потребительски желаемого и идеального образа. Наиболее близким к понятию образа является «имидж» (англ.: image), который, как указывает американский социолог Кеннет Болдинг явля-

ется «впечатлением о вещи», но не самой вещью. Болдинг отмечает, что между конкретным явлением и его «имиджем» всегда существует «разрыв в достоверности» [Boulding, 1956]. Поэтому имидж можно определить как образ, сконцентрированный на каком-то одном его аспекте явления, специально сконструированная коммуникативная система. Как отмечают Роберт Говерс и Фрэнк Го: «Проецируемый образ места включает в себя все маркетинговые коммуникации, исходящие от маркетологов места». Вопрос об идентичности, по мнению Говерса и Го, заключается в определении того, «что включает в себя место, и как мы определяем его идентичность и проецируем ее соответствующим образом, используя нарративы и визуальные эффекты» [Govers, Go, 2009, p. 19]. Исследователи отмечают, что территориальная идентичность состоит не только из физического культурного наследия, но и из символов и репрезентаций. Территориальный бренд с этой точки зрения – это дискурс и способ конструирования смыслов, которые оказывают влияние на действия как внешней аудитории, так и местных жителей [Govers, Go, 2009, p. 15].

Бренд-идентичность отличает «мягкость» и «гибкость», которая позволяет создавать в буквальном смысле любые образы, символы и знаки, конечно, на практике подобная гибкость имеет объективные пределы, связанные с уже существующими и устоявшимися формами. Как уже было отмечено, аудитория крайне придирчиво и ревностно относится к смысловому содержанию данных образов и символов. Современная городская идентичность является многослойным явлением, которое включает множество элементов. Территориальный бренд образует «слой», который не может быть исключен из современного социокультурного пространства.

Бренд территории, или бренд места (англ.: place branding) включает в себя национальный, страновой, региональный и городской уровни. Фактически любая территориальная единица и субъект вне зависимости от его качественных и количественных характеристик сегодня может подвергаться *брендированию*. Концептуализации бренда территории в целом основываются на теоретической базе продуктового и корпоративного бренда. Сам бренд и брендинг является многомерным явлением, включающим как материальные, так и нематериальные элементы, которые «в совокупности создают уникальный набор ассоциаций в общественном сознании» [Aaker, 1996, p. 68]. Брендом является не только непосредственно товар или услуга, но и имплицированный в них намеренно смысл, его эмоциональная и когнитивная обработка (восприятие) аудиторией. Территориальные идентификаторы конструируются таким

образом, чтобы вызывать определенный отклик и оказывать запланированное воздействие. Соответственно, брендинг территорий относится к деятельности по развитию регионов, городов или местных сообществ с целью запуска позитивных ассоциаций и отличий территории от других [Eshuis, Klijn, Braun, 2014, p. 154–155]. Территориальный бренд, таким образом, можно определить как «упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанной с данным местом» [Котлер, Асплунд, Рейн, Хайдер, 2005, с. 205].

В рыночном измерении бренд территории может быть определен в качестве символической и смысловой конструкции, предназначенной для создания добавленной стоимости территории, понимаемой в этой логике как «товар» или «продукт». Однако такой «продукт», в отличие от сферы потребления, не может быть создан «с нуля», территория и территориальная идентичность жителей имеет собственную историю и живое культурное наследие. Ключевые авторы и практики в области брендинга территорий, такие как Саймон Анхольт и Кейт Динни, всегда подчеркивали важность культурной составляющей бренда территорий [см., напр.: Anholt, 2007; Dinnie, 2011]. Территориальный бренд выходит за узкие рыночные рамки вследствие необходимости взаимодействия с реальным социокультурным пространством; эффект от воздействия территориального бренда на идентичность отличается гораздо большей сложностью, чем сам бренд. Бренд города и городская бренд-идентификация отличаются большей предметностью, концентрированностью и «осязаемостью» по отношению к целевым аудиториям по сравнению с региональной или национальной идентичностью. Бренд города производится в городской среде и инфраструктуре, мероприятиях, массовых коммуникациях, потребительских продуктах и т.п.

Символическая инфраструктура города как «носитель картинки»

Основой формирования городской репрезентации является сам город, городская среда и пространство, природный и культурно-исторический ландшафт. Городское пространство имеет сложную и многослойную структуру, в которой разные исследователи выделяют собственные «единицы». Такими единицами выступают различные объекты городской среды, ее архитектурные и урбанистические паттерны, особенно если они поддаются символизации в качестве знаковой формы коммуникации. Одним из свойств города является со-

здание и концентрация структур социальной власти, каждый из субъектов которой нуждается в символическом выражении. Майкл Манн выделяет четыре ее источника: идеологический, экономический, военный и политический [Манн, 2020]. Определенно этот список не конечен – типология источников власти может быть расширена, например, за счет культурной власти, выходящей за рамки инфраструктурной власти. Последнюю Манн определяет, как институциональную возможность государства реализовывать свои решения, но в условиях резко увеличивающейся значимости самых разнообразных инфраструктур в жизни социума понятие «инфраструктурная власть» нуждается в переосмыслении. Для современных городов – средоточия социальной власти – инфраструктура является самостоятельной сферой, не сводимой исключительно к экономике и политике. Бренд города выступает в двояком качестве, как сквозная инфраструктура для объектов городской среды и как интерфейс экономической и культурной власти. Этот символический и коммуникационный интерфейс конкурирует с более традиционными репрезентативными элементами, например с архитектурой, которая рассматривает город с точки зрения определенной формы.

Гйoko Муратовски вообще предлагает рассматривать архитектуру как одну из форм территориального брендинга [Muratovski, 2012]. В этом же направлении движутся многие исследователи. Мюдже Риза, Насие Доратли и Мукаддес Фасли анализируют, как монументальные или знаковые здания становятся основополагающим фактором формирования бренда города. Авторы определяют культовые здания как символы статуса, делая вывод о том, что иконическая архитектура оказывает положительное влияние на образ города, а также положительно влияет на удовлетворенность жизнью его жителей [Riza, Doratli, Fasli, 2012]. Как пишет Лесли Склер, культовая архитектура и архитектурные иконы непосредственным образом связаны с формированием локальной, общегородской, национальной, а также и транснациональной идентичности, которая, создается с помощью распространения определенного имиджа. Данный процесс, как замечает Склер, значительно ускорился в эпоху глобализации, «поскольку количественное нарастание визуальной доступности с помощью электронных средств коммуникации привело к качественным изменениям в формировании виртуальных образов на глобальном и транснациональном уровнях, коллективная память каким-то образом становится более реальной, когда дело касается архитектуры и других внешних форм» [Склер, 2022, с. 280]. Склер иллюстрирует эту

ситуацию на следующем примере: очертания Оксфорда с древними шпилями, если очистить его от дымящих труб, представляют собой идеальный архитектурный профиль, который воспроизводится на открытках и электронных изображениях, широко используемых для его маркетингового продвижения. Свой вклад в городскую панораму вносят корпоративная архитектура и урбанистические мегапроекты, представляющие характерный паттерн современности. Культовый архитектурный силуэт большого горда, отмечает Склер, имеет две функции: «Во-первых, он должен сформировать чувство принадлежности к этому городу и гордости у тех, кто идентифицирует себя с этим городом, зачастую независимо от достоинств или популярности отдельных образующих его зданий. Во-вторых, он служит опознавательным знаком города (со знаком плюс или минус) для посторонних людей» [Склер, 2022, с. 283–284]. Проблема заключается в том, что общественное пространство города отличается разнообразием, множеством как связанных, так и существующих отдельно друг от друга объектов и систем. Необходима их качественная селекция, основанная на структурировании городского пространства, которое должно учитывать и использовать различные его макро - и микро-уровни и пространственные «единицы» измерения.

Структура и концепция общественного пространства у Шарона Зукина включает в себя: (1) социальное пространство; (2) культурную идентичность [локальное / глобальное; общественное / частное; однородность / разнообразие]; (3) географические сообщества; (4) физическую безопасность [социальное взаимодействие; визуальную репрезентацию] [Зукин, 2018, с. 48]. Но по мере масштабирования данная структура будет усложняться, и включать все новые и новые компоненты. Кристофер Александер описывает и формализует структуру архитектурного и городского пространства с помощью языка шаблонов или коммуникативных паттернов, насчитывающих более 250 примеров. К шаблонам городского пространства относятся: рынок, рабочий квартал, местный муниципалитет, высотные доминанты, карнавалы, кладбища, сады, водоемы, дзен-пейзаж, магазины, кафе и рестораны, пивные, уличная еда, пешеходная улица, «какой-то объект посередине» (как выражается Александер), балконы, колонны и др. Зафиксированные паттерны, как подчеркивает Александер, не являются изолированной «языковой единицей», они образуют «сетевые» взаимосвязи. Некоторым паттернам присущи повторяемые и универсальные элементы и решения, обладающие определенной степенью инвариативности, то есть универсальными

характеристиками, которые «сохраняются при любых возможных вариантах решения конкретной проблемы» [Александр, Исикава, Силверстайн, 2014, с. 22] организации и дизайна городской среды. Паттерны, таким образом, складываются и образуют язык проектирования физического пространства, а также символического пространства в медиа и бренд-идентификации.

Другие исследователи выделяют собственные элементы структуры городского пространства. Риман Мохаммед Рехан на примере города Штутгарта выделяет: (1) исторические здания; (2) знаковую архитектуру; (3) общественные пространства; (4) парки; (5) достопримечательности; (5) современные улицы [Rehan, 2014]. Кевин Линч обозначает пять материальных элементов, влияющих на создание образа города у человека: (1) пути (улицы, железные дороги, пешеходные тропы и другие пути передвижения людей); (2) границы (четкие переходные зоны или линейные границы, например береговые линии и зеленые зоны); (3) районы (кварталы и общины, обладающие особым характером); (4) узлы (стратегические точки встречи: площади, перекрестки, железнодорожные станции); (5) ориентиры (материальные объекты, служащие точками отсчета маршрута) [Линч, 1982, с. 51–53]. Выделяя важность городских «носителей картинки» на основе классификации Линча, Герт-Ян Хосперс замечает: «Линч и его коллеги отметили интересную особенность: благодаря своей необычайной “картинности” (то есть легкости, с которой город оказывает влияние на сознание людей), некоторые города западают в память сильнее других. “Края” и “ориентиры”, в особенности для туристов, служат “носителями картинки”, потому что их легко найти, узнать и запомнить» [Хосперс, 2013, с. 47–48]. Следует подчеркнуть, что понятия «картинность» и «картинка», которыми оперирует Хосперс, не носят негативных значений поверхностности или недостоверности, напротив, их следует рассматривать в качестве функционального операционного элемента городской среды в ее экзистенциальном, репрезентативном и медийном качестве. В информационном обществе носитель уже неотделим от картинки. Таким образом, современная городская инфраструктура включается в бренд и одновременно образуется самим брендом в качестве ее нового паттерна.

Примером того, как знаковые и повседневные объекты городской среды используются в бренд-идентификации и как она, в свою очередь, организует городскую среду является бренд португальского города Порту (White Studio, 2014). Бренд-идентификация Порту выстраивается на основе символизирующих город и его жителей икон-

ках, которые можно сложить в бесконечный геометрический узор. Выбор иконок был основан на данных опроса горожан, который провели разработчики, чтобы понять, с чем у жителей ассоциируется город [Gorgogova, 2019]. Как отмечают сами разработчики, одной из задач была фокусировка на объектах, которые составляют образ города, ведь «если спросить кого-то: “Какой у вас Порту?” количество ответов будет бесконечным. Нам казалось, что мы должны дать каждому жителю свой собственный Порту», – говорили они. Таким образом, номенклатура иконок увеличилась от первоначальных 20 значков до 70 и больше. Город обладает целым набором самых разных объектов и достопримечательностей, включающих как старину, так и современность. «Таким образом, нам стало ясно, что Порту должен быть гораздо больше, чем просто иконка, гораздо больше, чем один логотип. Ему нужна была сложность. Ему нужна была жизнь», – пишут они [Porto. City identity ... , 2017]. Иконки были разработаны на основе сетки, которая могла бы соединять их друг с другом, создавая непрерывное «панно» из плитки. В систему бренд-идентификации Порту включены как исторические объекты и знаковая архитектура, наподобие Дома Музыки (Рэм Колхас, 2005), так и повседневное общественное пространство. В этом, в частности, выражается выделенная особенность брендинга, который может быть построен на любом, без исключения, объекте городской среды и инфраструктуры. Каждый символ можно рассматривать как по отдельности, так и все вместе. Дизайнеры попытались создать открытую и многогранную визуальную систему. Бренд-идентификация Порту привлекла внимание исследователей. Беатрис Касаис и Патрисия Монтейро с помощью проведенных фокус-групп проанализировали восприятие жителями созданного бренда. Результаты исследования показали, что, несмотря на частичное участие в создании айдентики города, жители хотели бы внести более активный вклад в коммуникационную стратегию бренда. Горожане согласны с тем, что бренд Порту соответствует их ощущению идентичности места, но считают, что стратегия направлена на привлечение туристов, а не на укрепление привязанности жителей к месту [Casais, Monteiro, 2019]. Однако Ана Мириам Ребело, Хейтор Альвелос и Альваро Домингес описывают общественный консенсус не столь радужно. Опираясь на дискурсивную теорию гегемонии, они показали, что в противовес консенсусному нарративу, который был определен городскими властями, бренд предлагает неполную карту городской динамики, что делает необходимым разработку альтернативных репрезентаций,

которые бросали бы вызов гегемонистским дискурсам. Чтобы следовать парадигме плюрализма и гражданского общества, исследователи рекомендуют использовать слово «репрезентация» вместо слова «идентичность» [Rebelo, Alvelos, Domingues, 2022]. Несмотря на критику номенклатуры объектов идентичности Порту, визуальная бренд-идентификация представляет собой целостную и законченную систему, которая интегрирована в городское пространство.

Формы выразительности и типология городской бренд-идентификации

Каждый город обладает определенным набором объектов и образов, служащих «маркерами», благодаря которым он идентифицируется во вне, и вокруг которых выстраивается идентичность жителей, но нуждающимися в средствах выражения в визуальной коммуникации. Значение визуального языка, его визуально-графических, пластических и стилевых особенностей заключается в том, что сам объект, его значения и репрезентация в существенной степени зависят от выбранных разработчиком выразительных и конструктивных средств графического дизайна. Сложность и коммуникативная «двойственность» объектов городской среды проявляется при их воспроизводстве в визуальной айдентике. Как отмечает американский дизайнер Пол Рэнд, «будучи иллюстративным инструментом, логотип может выступать в двойной роли: служить идентификатором и одновременно воплощать художественную идею» [Рэнд, 2013, с. 152]. Территориальная бренд-идентификация, таким образом, должна не только идентифицировать определенную территорию через связанный с ней конкретный объект, но и создавать определенное впечатление или сумму впечатлений о нем посредством передаваемой эстетической информации. Бренд-идентификация, таким образом, «воспроизводит» как реальный объект, например, в виде архитектурного сооружения, так и знак, символ и образ места, тем более что, как настойчиво подчеркивает социолог Джон Урри, туристический опыт имеет фундаментальный визуальный и зрелищный характер [Urqu, 2002].

Объекты городской инфраструктуры «переносятся» в бренд-идентификацию и выступают для нее как источник содержания и смыслового наполнения и тем самым дополняют и расширяют символическое пространство. Поэтика городской репрезентации в территориальном брендинге раскрывает тему городской идентичности через ряд приемов выразительности. Типология городской репрезен-

тации в брендинге территорий была составлена на основе анализа бренд-идентификации 65 городов мира и России. В качестве основных и наиболее устойчивых типов сегодня можно выделить три:

1. *Изобразительная бренд-идентификация*, которая отражает и воспроизводит знаковые городские достопримечательности;

2. *Абстрактная бренд-идентификация* на основе абстрактных изобразительных элементов и геометрических форм;

3. *Шрифтовая / типографическая бренд-идентификация* в виде монограмм, аббревиатур, шрифтовых блоков и словесных конструкций.

К первому типу относится бренд-идентификация городов: Нюрнберга (wir Design, 2011), Берлина (Metadesign, 2005), Братиславы (Мартин Жилинский, 2005), Абрантеса (Пауло Кастаншо, 2012; Муниципалитет города, 2017) и др. Данные решения выстраиваются вокруг знаковых достопримечательностей этих городов – Нюрнбергского замка, Бранденбургских ворот, Братиславского Града, шпиля собора Святого Винсента, которые служат их «визитной карточкой». Вследствие широкой представленности достопримечательностей в массовой культуре и коммуникациях возникает мгновенный эффект узнавания, так, например, бренд-идентификации Парижа (Grapheine, 2016) (практически все ее версии) воспроизводят узнаваемый силуэт Эйфелевой башни. В качестве изобразительных форм могут использоваться символы, значимые для культуры страны в целом, например, в айдентике Гонконга, изображающей дракона (Алан Чан, 2001, 2010). Ко второму типу относится бренд-идентификация городов: Нордкина (Neue Design Studio Oslo, 2010), Сан-Пауло (Ромуло Кастильо, 2011), Сиднея (Moon, 2010) и др. В абстрактной бренд-идентификации не используются реальные объекты, вместо них используются как сложные, так и простые геометрические фигуры и формы, которые наделяются более «закрытой» семантикой, требуют отдельного объяснения. Городская репрезентация не ограничивается исключительно изобразительными формами. К третьему типу относится бренд-идентификация городов: Сен-Дидье-О-Мон-д'Ора (Grapheine, 2015), Канзаса (Willoughby Design, 2012), Ганновера (Dievision Agentur fur Kommunikation, 2011), Праги (Najbrt, 2011), Брно (Design Centre of the Czech Republic, 2004), Мельбурна (Landor Australia, 2009) и др. Шрифтовая бренд-идентификация достаточно популярна в России, к ней можно отнести бренд-идентификацию Перми (Студия Артемия Лебедева, 2009), Мурманска (LINII, 2015), Рязани (Студия Артемия Лебедева, 2022), а также ряд неофициальных проектов, например, Коломны

(Артлетика, 2014). Шрифт и типографика при этом могут выступать как единственный элемент дизайна.

Шрифтовая бренд-идентификация является одним из популярных и распространенных выразительных средств, которое имеет свою типологию и различные конструктивные и визуально-графические решения [см.: Родькин, 2019]. В шрифтовой бренд-идентификации из территориальной репрезентации исключаются изобразительные элементы, которые воспроизводят реальные объекты и достопримечательности территории в виде визуальных образов и символов. Если такие элементы присутствуют в ее конструкции, как например в айдентике Денвера (Design&image, 2007, официально с 2013), то они образуют второй или даже третий план коммуникативного сообщения. Фактически в шрифтовой айдентике происходит своего рода реверсия значения текста и образа. Если в рамках базовых отношений текста и образа в художественном произведении происходит «освобождение» изображения от текста, то, как отмечает Оскар Батчман, в шрифтовой бренд-идентификации, наоборот, текст (слово, надпись, монограмма и т.п.) освобождается от изображения, причем в экстремальных, с точки зрения смысловых рамок, условиях [Bätschmann, 1998, p. 14]. Шрифт в городском пространстве в виде навигации, рекламы, табличек, граффити и т.п. не является чем-то «внешним» по отношению к среде, он становится неотъемлемой частью городской культуры. Данный паттерн заявляет свои права в бренд-идентификации и выводится в ней на новый коммуникативный уровень – репрезентации, равнозначной изобразительным и знаковым формам. Шрифтовая бренд-идентификация сама становится такой знаковой формой и символом.

Заключение

Выделенная типология городской бренд-идентификации описывает сложившуюся структуру и проектные подходы в современной городской репрезентации в пространстве массовой коммуникации и территориального брендинга. В рамках ребрендинга и редизайна бренд-идентификация может менять один тип на другой (как например, в случае с айдентикой Канзаса или Берлина), но сама типологическая рамка остается неизменной. Также следует отметить, что количественное увеличение выборки городской бренд-идентификации не приводит к принципиальному изменению зафиксированной структуры. Практическая значимость типологии заключается в том, что выделенные типы могут служить дедуктивными единицами как

для исследователей, так и для разработчиков и прежде всего дизайнеров в области городской бренд-идентификации.

В брендинге территорий дизайнер отталкивается от реальной среды, объект бренд-идентификации необходимо обнаружить, зафиксировать и перенести из физического и ментального в коммуникативное пространство визуальными средствами, однако сам объект является результатом творческого конструирования. Абстрактную и шрифтовую бренд-идентификацию в этом отношении можно проблематизировать в рамках объектно-ориентированной парадигмы, как объект, равный реальным объектам. Городская репрезентация, таким образом, отражает не только действительность, в ее материальном измерении, но и *реальность* бренда в ее социокультурном и медийном измерении. Бренд-идентификация не только отражает реальность, но формирует и конструирует ее. Бренд-идентификация в городской среде может носить инвазивный характер, меняя и дополняя городской ландшафт, как например, в случае с графической скульптурой «Я♥(...)» установленной практически во всех российских городах и служащих для них официальным и общественным объектом репрезентации [Родькин, 2023]. Фактически городской бренд и городская среда образуют симбиоз, который усиливает внутреннюю многослойность современного городского пространства.

Таким образом, анализ бренд-идентификации в контексте проблемы городской репрезентации позволяет сделать выводы о том, что:

- современный городской бренд обладает сложившейся структурой и типологией, отличающейся стабильностью и универсальностью применительно к городам мира;
- бренд-идентификация в городской среде, в ее физическом и коммуникативном измерении формирует устойчивый паттерн и самостоятельный «слой», который существует и развивается наряду с историческими формами репрезентаций социальных субъектов;
- территориальная бренд-идентификация является не только рыночным инструментом, но и актуальным социокультурным феноменом, выходящим за рамки собственно маркетинга и брендинга вследствие сложности и многомерности социальной среды.

Городская репрезентация является емкой и гибкой системой, процесс символического расширения и культурного обогащения которой не может быть искусственно «заморожен» в рамках какого-то художественного направления, стиля или техники. Поиск ее актуальных выразительных форм является проектной и исследовательской задачей для множества вовлеченных в нее субъектов.

Список литературы

Александр К., Исикава С., Силверстайн М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство. – Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. – 1096 с.

Зукин Ш. Культуры городов. – 2-е изд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города коммуны, регионы и страны Европы. – Санкт-Петербург : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 376 с.

Линч К. Образ города. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.

Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.1. История власти от истоков до 1760 года. 2-е изд. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 776 с.

Родькин П.Е. Графическая скульптура «Я♥(...)» в структуре городского культурно-исторического ландшафта и социокультурного пространства: к проблеме коммуникативной инвазивности // Экономические и социальные проблемы России. 2023. – № 4(56). – С. 153–166. – DOI: 10.31249/espr/2023/04.11.

Родькин П.Е. Бренд-идентификация территорий: не потерять смысл // Концепции в современном дизайне : Сборник материалов II Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Москва, 03–12 декабря 2020 года. – Москва : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. – С. 70–73.

Родькин П.Е. Основные приемы шрифтовой бренд-идентификации территорий // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА им. С.Г. Строганова. 2019. – № 4–2. – С. 263–272.

Родькин П.Е. Брендинг территории: к проблеме репрезентации и бренд-идентификации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. – Т. 12, № 4. – С. 25–34. – DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10402.

Романова Н.В. Формирование культурной идентичности территории российской провинции (на примере города Муром) // Общество: философия, история, культура. 2023. – № 4. – С. 180–184. – DOI: 10.24158/fik.2023.4.27.

Розенберг Н.В. Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. – № 4 (20). – С. 79–85.

Рэнд П. Дизайн: форма и хаос. – Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2013. – 244 с.

Склер Л. Проект «Икона». Архитектура, города и капиталистическая глобализация. – Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2022. – 560 с.

Федотова Н.Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. – №. 7 (90). – С.105–108.

Хосперс Г.-Я. Брендинг города и «взгляд туриста» // Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С. 47–48.

Чернявская О.С. Осмысление понятия территориальной идентичности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. – № 4. – С. 70–76.

- Aaker D. Building Strong Brands. – New York : Free Press, 1996. – 380 p.
- Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – 134 p.
- Bätschmann O. Text and Image: Some General Problems // Word & Image: A Journal of Verbal/Visual Enquiry. 1998. – Vol. 4, № 1. – P. 11–24. – DOI: 10.1080/02666286.1998.10436215.
- Boulding K. The Image. Knowledge in Life and Society. – MI : University of Michigan Press, 1956. – 175 p.
- Casais B., Monteiro P. Residents' Involvement in City Brand Co-creation and Their Perceptions of City Brand Identity: a Case Study in Porto // Place Branding and Public Diplomacy. 2019. – Vol. 15, № 4. – P. 229–237. – DOI: 10.1057/s41254-019-00132-8.
- Dinnie K. City Branding: Theory and Cases. – Palgrave Macmillan UK, 2011. – 239 p.
- Eshuis J., Klijn E.-H., Braun E. Place Marketing and Citizen Participation: Branding as Strategy to Address the Emotional Dimension of Policy Making? // International Review of Administrative Sciences. 2014. – Vol. 80, № 1. – P. 151–171. – DOI: 10.1177/0020852313513872.
- Gorgorova Yu.V. City Brands: Identity in the Urban Environment // IOP Conference Series : Materials Science and Engineerin. 2019. Vol. 698, № 3. – P. 033030. – DOI: 10.1088/1757-899X/698/3/033030.
- Govers R., Go F. Place Branding: Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – xiv + 324 p. – DOI: 10.1007/978-0-230-24702-4.
- Muratovski G. The Role of Architecture and Integrated Design in City Branding // Place Branding and Public Diplomacy Advance Online Publication. 2012. – Vol. 8, № 3. – P. 1–13. – DOI:10.1057/pb.2012.12.
- Porto. City Identity. Behance (2017). – URL: <https://www.behance.net/gallery/33338423/Porto> (date of access: 06.05.2025).
- Rebelo A.M., Ahelos H., Domingues Á. The City Is Not a Brand: A Critical Analysis of the Narrative and Appropriations of “Porto” // Martins N., Brandão D. (eds.) Advances in Design and Digital Communication II. DIGICOM 2021. Springer Series in Design and Innovation. 2022. – Vol. 19. Springer, Cham. – P. 639–653. – DOI: 10.1007/978-3-030-89735-2_52.
- Rehan R.M. Urban Branding as an Effective Sustainability Tool in Urban Development // HBRC Journal. 2014. – Vol. 10, № 2. – P. 222–230. – DOI: 10.1016/j.hbrej.2013.11.007.
- Riza M., Doratli N., Fasli M. City Branding and Identity // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. № 35. – P. 293–300. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.02.091.
- Urry J. The Tourist Gaze. 2-nd edn. – London : Sage Publications, 2002. – 184 p.

References

- Alexander, C., Ishikawa, S., Silverstein, M. *Yazyk shablonov. Goroda. Zdaniya. Stroitel'stvo* [A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction]. Moscow, Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva Publ., 2014. 1096 p. (In Russ.)
- Zukin, S. *Kul'tury gorodov* [The Cultures of Cities]. 2-nd edn. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 424 p. (In Russ.)

Kotler, F., Asplund, C., Rein, I., Haider, D. *Marketing mest: privilechenie investitsij, predpriyatij, zhitelej i turistov v goroda kommuny, regiony i strany Evropy* [Marketing Places Europe. How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe]. Saint Petersburg, Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge Publ., 2005. 376 p. (In Russ.)

Lynch, K. *Obraz goroda* [The Image of The City]. Moscow, Strojizdat Publ., 1982. 328 p. (In Russ.)

Mann, M. *Istochniki social'noj vlasti: v 4 t. T. 1. Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda. 2-e izd.* [The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760]. 2-nd edn. Moscow, "Delo" RANEP Publ., 2020. 776 p. (In Russ.)

Rod'kin, P.E. Graficheskaya skulptura «Ya♥(...)» v strukture gorodskogo kul'turno-istoricheskogo landshtafta i sociokul'turnogo prostranstva: k probleme kommunikativnoj invazivnosti [Graphic Sculpture «I♥(...)» in the Structure of the Urban Cultural and Historical Landscape and Sociocultural Space: Toward the Problem of Communicative Invasiveness]. In *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*. no. 4 (56), 2023, pp. 153–166. DOI: 10.31249/espr/2023/04.11. (In Russ.)

Rodkin, P.E. Brend-identifikaciya territorij: ne poteryat' smysl [Place Brand Identity: Do Not Lose the Meaning]. In *Koncepcii v sovremennom dizajne : Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 03–12 dekabrya 2020 goda* [Concepts in Modern Design: Collection of Materials from the II All-Russian Scientific Online Conference with International Participation, Moscow, December 03–12, 2020]. Moscow, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Rossijskij gosudarstvennyj universitet imeni A.N. Kosygina (Tekhnologii. Dizajn. Iskusstvo)» Publ., 2020, pp. 70–73. (In Russ.)

Rodkin, P.E. Osnovnye priemy shriftovoj brend-identifikacii territorij [Basic Techniques Place Brand-identification Based on Fonts]. In *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA im. S.G. Stroganova*, no. 4–2, 2019, pp. 263–272. (In Russ.)

Rodkin, P.E. Brending territorii: k probleme reprezentacii i brend-identifikacii [Place Branding: the Problem of Representation and Brand-identification]. In *Sovremennyye problemy servisa i turizma*, Vol. 12, no. 4, 2018, pp. 25–34. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10402. (In Russ.)

Romanova, N.V. Formirovanie kul'turnoj identichnosti territorii rossijskoj provincii (na primere goroda Murom) [Formation of Cultural Identity of the Territory of the Russian Province (on the Example of the City of Murom)]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 4, 2023, pp. 180–184. DOI: 10.24158/fik.2023.4.27. (In Russ.)

Rosenberg, N.V. Regional'naya identichnost': rol' prirodnyh i kul'turnyh faktorov [Regional Identity: the Role of Natural and Cultural Factors]. In *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, no. 4 (20), 2011, pp. 79–85. (In Russ.)

Rand, P. *Dizajn: forma i kaos* [Design, Form, and Chaos]. Moscow, Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva Publ., 2013. 244 p. (In Russ.)

Sklair, L. *Proekt "Ikona". Arhitektura, goroda i kapitalisticheskaya globalizaciya* [The Icon Project: Architecture, Cities, and Capitalist Globalization]. Moscow, Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva Publ., 2022. 560 p. (In Russ.)

Fedotova, N.G. Territorial'naya identichnost' kak simvolicheskij resurs regiona [Place Identity as a Symbolic Resource of the Region]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* Publ., no. 7 (90), 2015, pp. 105–108. (In Russ.)

- Hospers, G.J. Branding goroda i "vzglyad turista" [City Branding and the "Tourist's Eye"]. In Dinnie, K. *Branding territorij. Luchshie mirovye praktiki [City Branding. Theory and Cases]*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013, pp. 47–48. (In Russ.)
- Chernyavskaya, O.S. Osmyslenie ponyatiya territorial'noj identichnosti [Making Sense of the Concept of Place Identity]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 4, 2011, pp. 70–76. (In Russ.)
- Aaker, D. *Building Strong Brands*. New York, Free Press Publ., 1996. 380 p.
- Anholt, S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2007. 134 p.
- Bätschmann, O. Text and Image: Some General Problems. In *Word & Image: A Journal of Verbal/Visual Enquiry*. Vol. 4, no. 1, 1998, pp. 11–24. DOI: 10.1080/02666286.1988.10436215.
- Boulding, K. *The Image. Knowledge in Life and Society*. MI, University of Michigan Press Publ., 1956. 175 p.
- Casais, B., Monteiro, P. Residents' Involvement in City Brand Co-creation and Their Perceptions of City Brand Identity: a Case Study in Porto. In *Place Branding and Public Diplomacy*. Vol. 15, no. 4, 2019, pp. 229–237. DOI: 10.1057/s41254-019-00132-8.
- Dinnie, K. *City Branding: Theory and Cases*. Palgrave Macmillan UK Publ., 2011. 239 p.
- Eshuis, J., Klijn, E.-H., Braun, E. Place Marketing and Citizen Participation: Branding as Strategy to Address the Emotional Dimension of Policy Making? In *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 80, no. 1, 2014, pp. 151–171. DOI: 10.1177/0020852313513872.
- Gorgorova, Yu. V. City Brands: Identity in the Urban Environment. In *IOP Conference Series : Materials Science and Engineerin*. Vol. 698, no. 3, 2019, pp. 033030. DOI 10.1088/1757-899X/698/3/033030.
- Govers, R., Go, F. *Place Branding: Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2009. xiv + 324 p. DOI: 10.1007/978-0-230-24702-4.
- Muratovski, G. The Role of Architecture and Integrated Design in City Branding. In *Place Branding and Public Diplomacy Advance Online Publication*. Vol. 8, no. 3, 2012, pp. 1–13. DOI: 10.1057/pb.2012.12.
- Porto. City Identity. Behance (2017). URL: <https://www.behance.net/gallery/33338423/Porto> (date of accesse: 06.05.2025).
- Rebelo, A.M., Alvelos, H., Domingues, Á. The City Is Not a Brand: A Critical Analysis of the Narrative and Appropriations of "Porto". In Martins, N., Brandão, D. (eds). *Advances in Design and Digital Communication II. DIGICOM 2021. Springer Series in Design and Innovation*. Vol. 19, 2022. Springer, Cham, pp. 639653. DOI: 10.1007/978-3-030-89735-2_52.
- Rehan, R.M. Urban Branding as an Effective Sustainability Tool in Urban Development. In *HBRC Journal*. Vol. 10, no. 2, 2014, pp. 222–230. DOI: 10.1016/j.hbrej.2013.11.007.
- Riza, M., Doratli, N., Fasli, M. City Branding and Identity. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, no. 35, 2012, pp. 293–300. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.02.091.
- Urry, J. *The Tourist Gaze. 2-nd edn*. London, Sage Publications, 2002. 184 p.

Федотова Н.Г.*

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ^①

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей эмпирического исследования культурного кода города. Обращение к культурному коду открывает перспективу изучения города как символического пространства, насыщенного образами, ассоциациями и впечатлениями горожан. Исследования культурного кода города как системы смыслов, объединяющей разные знаковые системы города (природу, историю, архитектуру), сферы и уровни их функционирования (мифологический, философский, повседневный) позволяют дешифровать город как целое, выявляя его уникальность. Автор не только определяет направления эмпирического анализа культурного кода города, демонстрирует значимость такого рода исследований посредством изучения глубинных представлений горожан о своем городе, но и рассказывает об опыте проведения эмпирического исследования культурных кодов Великого Новгорода и Санкт-Петербурга. Статья открывает перспективу дальнейших эмпириче-

**Федотова Наталья Геннадьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; fedotova75@mail.ru*

Fedotova Natalia Gennadievna – DSc in Culturology, Professor of the Department of Cultural Studies of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; fedotova75@mail.ru

© Федотова Н.Г., 2026

^①Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation project number 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

ских исследований культурных кодов российских городов, знание о которых представляют собой интеллектуальный ресурс в процессах формирования городской идентичности и позиционирования города во внешней среде.

Ключевые слова: город; культурный код; культурная память города; образ города, городская идентичность

Поступила: 31.07.2025

Принята к печати: 03.09.2025

Для цитирования: Федотова Н.Г. Культурный код города: особенности эмпирического исследования // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 27–43. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.02

Fedotova N.G.

City Cultural Code: Peculiarities of Empirical Research

Abstract. The article is devoted to identifying the peculiarities of the city's cultural code empirical research. The appeal to the cultural code opens up the prospect of exploring the city as a symbolic space, saturated with citizens' images, associations and impressions. Studies of the city's cultural code as a system of city meanings, combining different city's iconic systems (nature, history, architecture), spheres and levels of their functioning (mythological, philosophical, everyday) allows to decipher the city as a whole, revealing its uniqueness. The author not only defines the city cultural code's empirical analysis directions, demonstrates the significance of this kind of research by studying the citizens' deep ideas about the city but also cites the experience of conducting the Veliky Novgorod and St. Petersburg's cultural code empirical study. The article opens up the prospect of the Russian cities' cultural code for further empirical studies, the knowledge of which is an intellectual resource in the processes of forming urban identity and positioning the city in the external environment.

Keywords: cultural code; cultural memory of the city; image of the city, urban identity

Received: 31.07.2025

Accepted: 03.09.2025

For quoting: Fedotova N.G. City Cultural Code: Peculiarities of Empirical Research // Herald of Culturology. – 2026. – No. 1(116). – P. 27–43. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.02

Современный культурологический дискурс в последние годы получил новый вектор развития в связи с актуализацией исследований, связанных с культурным кодом. Понятие «культурный код» сложилось в рамках семиотического и знаково-символического направлений культурологических исследований, которые акцентируют внимание на процессах кодирования и декодирования текстов города. В частности, как полагает Ю.М. Лотман, коды являются инструментами интерпретации и дешифровки текстов культуры «во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды» [Лотман, 1996, с. 165]. Вместе с тем научный интерес к кодированию реальности характерен и для постструктурализма, где культурный код есть не что иное как открытая система и способ интерпретации окружающей действительности, поскольку именно он позволяет «читателю» понимать и осмысливать тексты с определенной позиции и с учетом культурных особенностей. Как полагает У. Эко, код – это «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко, 2006, с. 83]. В связи с тем, что код связывает знак и значение в процессах коммуникации, его можно интерпретировать как символического посредника между человеком и реальностью, который выполняет задачу передачи смыслов.

По мнению Ж. Бодрийяра, код представляет собой главную категорию семиотики, которая позволяет «упорядочить и редуцировать» [Бодрийяр, 2000, с. 12], или, говоря иначе, использовать определенные знаковые формы для восприятия и познания информации. Поэтому именно культурный код на основе системы смыслов упорядочивает и обеспечивает понимание человеком разнообразных текстов в едином контексте.

Важным аспектом культурного кода как концепта является его тесная связь с культурой, что выражено в самом понятии и, в частности, слове «культурный», отсылающем к процессам сохранения и трансляции культурных ценностей, норм, традиций. Поэтому нередко исследователи подчеркивают, что важными элементами культурного кода как упорядоченного множества «взаимосвязанных между собой стандартов, ограничений, предписаний и установок по отношению к разным видам деятельности» [Аванесова, Купцова, 2008, с. 41] являются те «образы и представления», которые формируются постепенно в рамках многообразных сфер жизни людей [Савицкий, 2019, с. 69]. Соответственно, культурный код можно сравнить с ментально устойчивым и культурно обусловленным фреймом в виде об-

разов, символов, концептов, который задает векторы для осмысления, категоризации, оценки, понимания реальности.

Чаще всего исследователи изучают культурный код в контексте национальный культуры и межкультурной коммуникации, и это объясняется, в частности, выраженным характером данного типа культуры, основанном на имеющемся мощном слое коллективной памяти и национальной идентичности. В данном аспекте культурный код есть не что иное, как «устоявшаяся форма осмысления культурной реальности и исходящие из этого понимания сценарии поведения и речения, принятого в том или ином обществе» [Алексеев-Апраксин, Гэн Бяо, 2021, с. 58], а его отсутствие делает знаки недоступными для понимания или искажает понимание. Вместе с тем культурный код, исходя из данной позиции, представляет собой двустороннюю сущность, аккумулирующую «два базовых процессуальных компонента: трансляцию и интерпретацию культурной информации» [Батыршин, 2024 с. 51].

В рамках культурологии понятие «культурный код» понимается значительно шире и может интерпретироваться как система смыслов, несущая с помощью символических средств комплексную информацию о той или иной культуре (культурный код массового и элитарного, культурный код этноса), которая может раскрываться через самые различные культурные практики и сферы деятельности. В частности, мы можем рассматривать театр как особый культурный код «для современного русского языка, культуры и языкового сознания» [Ефремов, 2019, с. 401] или сказку как культурный код, «который несет в себе универсальные для характеристики ментальности и специфически национальные черты» [Злотникова, Жукова, 2019, с. 165].

Исходя из этого, мы считаем, что концепт «культурный код» является весьма эвристичным и для таких направлений исследований в гуманитарной науке, которые связаны с исследованием города и его культуры.

Исследования города через образы, символы и ментальные среды проводились не только зарубежными учеными [Lynch, 1960; Soja, 2003], но и российскими. В частности, В.Н. Топоров считал, что город следует изучать с «помощью интуитивного постижения целого или путем вживания в усваиваемые ... образы...» [Топоров, 2003, с. 7]. Или, как пишет Н.П. Анциферов, город следует осмыслять не в частях или «фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности...» [Анциферов, 1991, с. 2]. Возвращаясь к семиотической методологии, отметим, что она является весьма востребованной среди современных исследователей и предполагает дешифровку города как целого. Согласно Ю.М. Лотману, город – это

«котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 2000, с. 325].

Поскольку культурный код является системой смыслов, которая через символические средства хранит и транслирует общую информацию о том или ином месте, сообществе и культуре, а его дешифровка представляется способом познания этой реальности, то культурный код города, соответственно, структурируется вокруг города как особого социокультурного феномена. Культурный код города формируется постепенно, он образуется посредством сохранения или актуализации образов прошедших эпох, в результате их репрезентации в городской топонимике, памятниках, череде событий. Символические средства, через которые мы читаем и познаем города, многообразны и включают те знаковые системы, с помощью которых происходит репрезентация их уникальности, в частности, архитектурный облик, который нередко становился объектом исследования в семиотике города.

Таким образом, культурный код города – это относительно устойчивая система смыслов в виде образов, концептов, символов, объединяющая разные знаковые системы города (природу, историю, архитектуру), позволяющая осмысливать, дешифровывать город как целое, понимать его уникальность и отличие от других городов. Между тем данное определение является предварительным, поскольку подобная массивная конструкция смыслов, которые образуют культурный код города, предполагает и иные аспекты ее структурирования, включает различные культурные практики, с помощью которых он генерируется и проявляется. В частности, дешифровка культурного кода города предполагает наличие разных уровней функционирования этих смыслов – от мифологического до экспертного и повседневного. Кроме того, культурный код города можно представить как неструктурированную матрицу смыслов, которая упорядочивается с помощью концепта культурной памяти, когда определенные пласты воспоминаний, зафиксированные в исторических нарративах и местах памяти города, накладывают свой отпечаток на его общее восприятие. Однако в данной работе акцент будет сделан лишь на одном направлении исследований культурного кода города, который положен в основу данного определения и предполагает наличие определенной структуры смыслов, выявленной в ряде исследований отечественных авторов.

Выявление смысловой структуры культурного кода города происходит с целью его изучения, то есть осуществления дешифровки этого кода посредством выявления относительно устойчивой системы смыслов города в виде образов, концептов, символов, позволяю-

щей осмыслять город как целое, понимать его уникальность и отличие от других городов.

В современных научных работах представлены различные аспекты исследований культурного кода города, включая его природные [Вьюгина, Авдониная, 2021] или пространственные характеристики [Камалова, 2021; Булыгина, 2017]. При этом в исследовательский фокус попадают и те факторы, которые оказывают влияние на формирование культурного кода города, в частности, геополитическое положение города, его международные связи [Мусалитина, 2023] и культурные практики, например, открытие музейных центров или мемориальных комплексов [Зыкова, 2024]. Такие исследования можно назвать эпизодичными и малочисленными, что объясняется новизной данного вектора гуманитарного дискурса. Тем не менее, они создают теоретический каркас для выявления структуры смыслов культурного кода города, которая может стать основой для проведения эмпирических исследований в этой области.

Ранее нами была предпринята попытка обобщить исследования в рамках выявления структуры культурного кода города, и представлен один из возможных вариантов концептуализации процесса структурирования смыслов, которые участвуют в кодировании города, куда вошли, в частности, такие смысловые блоки, как природно-климатические факторы, пространственные аспекты города, гении места, исторические события и художественные практики [Федотова 2022]. В связи с этим данная структура смыслов культурного кода города будет взята нами за основу в данной работе.

Между тем теоретические исследования культурного кода города являются лишь первичным звеном в его познании, особенно применительно к каждому конкретному городу. Комплексное изучение культурного кода отдельного города позволяет ученым раскрывать единую смысловую структуру, выявлять доминирующие образы, которые воздействуют на процессы его осмысления как целого со стороны человека. В этом случае акценты исследователя смещаются от изучения отдельных вопросов его функционирования в целостный контекст общих смыслов и структуру взаимосвязанных образов, с помощью которых он воспринимается и переживается на коллективном уровне.

Согласимся со специалистами, которые считают, что при изучении города особое место занимают такие исследования, которые направлены на познание процесса «восприятия городского пространства самими горожанами» [Борисова, 2019, с. 26], что актуализирует эмпирический анализ культурного кода города путем выявления глубинных смыслов,

с помощью которых город представляется теми, кто в нем проживает. В этом случае исследования культурного кода города могут проводиться не только на фундаментальном уровне, но и посредством эмпирического анализа мнений, представлений, ассоциаций горожан, которые, так или иначе, связаны с процессами функционирования культурного кода города. При этом следует учитывать, что культурный код «это не то, что проговаривается или четко осознается, а то, что скрыто от понимания», но может проявляться [Тарбаева, 2022, с. 113]. Иными словами, культурный код города не лежит на поверхности мнений, а скрыт в глубине коллективных представлений и ценностных установках горожан, культурных смыслах, несущих для человека символическую информацию о городе, составляющих основу культурной памяти города и городской идентичности. Иными словами, культурный код имеет ментальную природу, он структурирован многочисленными образами, с помощью которых город воображается и осмысливается.

И в рамках семиотики также существует устойчивая позиция о том, что культурный код города генерируется теми, кто является его носителем, то есть человеком, поскольку только он способен наделить смыслом окружающее пространство и декодировать заложенные смыслы. По мнению Р. Барта, каждому жителю «следует попытаться расшифровать город», в котором он находится, «начав с поиска личного взаимопонимания» [Barthes, 1997, p. 171]. В связи с этим, главным инструментом «выявления культурного кода города является интерпретация тех представлений о городе, которые имеют его жители» [Спешилова, Аванесов, 2023, с. 233].

Отметим отсутствие устоявшихся методологических стратегий эмпирических исследований культурного кода города, раскрывающих алгоритмы и способы определения тех актуальных и/или латентных смыслов, с помощью которых структурируются процессы комплексного восприятия города со стороны человека. Такого рода исследования помогут понять – с помощью, каких образов горожане осмысливают и воспринимают город, выявлять семантически насыщенные для горожан элементы города и городской среды, ассоциации, связанные с городом в целом, уникальные места и события, которые являются ценными для жителей города, символизируют город, отражают его стиль и характер. И полученное таким образом знание может стать важнейшим интеллектуальным ресурсом не только в процессах укрепления городской идентичности, но и в контексте разработки современных стратегий развития города.

Исходя из этого эмпирическое исследование культурного кода города может осуществляться на разных уровнях и с помощью разных методик, каждая из которых дает свои результаты. Среди таких, в частности:

а) структурированное интервьюирование горожан как основных носителей коллективных представлений о своем городе, которые на ментальном уровне хранят и транслируют культурный код города в разнообразных городских практиках;

б) качественный опрос стейкхолдеров или экспертный опрос, который может проводиться, в том числе путем глубинного интервьюирования респондентов, являющихся носителями непосредственного знания о городе, часто связанного с профессиональной сферой интересов, которая касается тех или иных аспектов культурного кода города (со стороны науки, искусства, медиа, церкви, власти и так далее);

в) дискурсивный анализ городских текстов, которые непосредственно связаны с процессами трансляции и репрезентации культурного кода города.

В рамках данной работы рассмотрим опыт проведения эмпирического исследования на основе структурированного интервьюирования горожан с целью выявления доминирующих образов, с помощью которых происходит осмысление города как целого. Методика интервью была выбрана нами с целью получения качественной первичной информации от горожан, которая бы включала определение контекстов, сопряженных с мнением респондентов. Тогда как разработанная структура интервью предполагает возможность проведения сравнений и корреляций в ответах респондентов как одного города, так и разных.

Эмпирическое исследование было нами проведено в 2024 году в Великом Новгороде и Санкт-Петербурге. Выбор данных городов обусловлен, во-первых, выраженной фактурой культурного наследия двух городов, что позволило работать с большим количеством аутентичных смыслов и богатым материалом уникальных образов. Во-вторых, с целью выявления корреляций между спецификой города и его культурным кодом в выборку попали два разных по количеству жителей города одного Северо-Западного региона: а) город-миллионник (Санкт-Петербург) и б) большой город с населением до 250 тысяч человек (Великий Новгород).

В исследовании приняли участие, соответственно, 52 жителя Великого Новгорода и 50 жителей Санкт-Петербурга с квотой по

возрасту, времени проживания в городе, полу, сфере занятости. В качестве респондентов выступили мужчины и женщины с небольшим перевесом последних (более 60 % респондентов женского пола), половина из которых являются коренными новгородцами и петербуржцами (более 40 % проживают свыше 10 лет и более 30 % проживают всю жизнь в городе). В выборку респондентов попали, прежде всего, люди среднего и старшего среднего возраста от 35 до 60 лет, однако, весомый блок интервьюеров составила молодежь (в Великом Новгороде – 29 %, в Санкт-Петербурге – 46 %) и представители серебряного возраста (27 % в Великом Новгороде и 19 % в Санкт-Петербурге). Сфера занятости респондентов включает в себя науку и образование, культуру, здравоохранение, промышленность и производство, экономику и финансы; чуть меньше представителей архитектуры и дизайна, пенсионеров и тех, кто занят в других сферах деятельности.

Структура чек-листа для интервью была разработана нами, в-первых, с учетом структуры тех смыслов, которые «задают кодирование городской реальности» [Федотова, 2022, с. 10] и составляют концептуальную основу культурного кода города. Соответственно первый блок вопросов был направлен на выявление тех структурных элементов культурного кода, которые мы обосновали ранее не теоретическом этапе исследования культурного кода города (природные характеристики, известные личности, пространственные аспекты и пр.). Во-вторых, вопросы других четырех блоков позволили расширить поле исследования смыслов, вокруг которых структурируется культурный код города. С одной стороны, в перечень вопросов для интервьюирования горожан были включены такие из них, которые позволили определить ключевые образы и отличительные символы города. Данный шаг обосновывается тем, что вопросы первого блока характеризуются определенной направленностью и предусматривают конкретную область смыслов, тогда как культурный код города может включать в себя (или не включать) общие смыслы, непривязанные напрямую к выявленным нами структурным элементам кода. С другой стороны, культурный код города во многом зависит, как было сказано ранее, от тех образов прошлого, которые составляют культурную память города, что обусловило включение в чек-лист интервью вопросов, связанных с памятью. Наконец, ряд вопросов направлен на то, чтобы раскрыть идентификационные маркеры культурного кода города, что позволило выявить корреляции исследуемого феномена с городской идентичностью.

В результате нами был разработан чек-лист интервью из 18 открытых вопросов, которые относятся к пяти блокам:

– структурные элементы кода (примеры формулировок вопросов: «Какие наиболее известные личности и персонажи ассоциируются у вас с Санкт-Петербургом? Какова их ценность для Вас, и чем именно они известны?»);

– ключевые образы города (примеры формулировок вопросов: «Как бы Вы охарактеризовали Великий Новгород одной фразой и почему?»; «Какие ассоциации, эмоции и образы вызывает у Вас выражение «Санкт-Петербург»? Как Вы можете это объяснить?»);

– символы города (примеры формулировок вопросов: «Как Вы считаете, что должно являться символом Великого Новгорода? Почему?» «Какие места в городе, по вашему мнению, являются самыми значимыми и символизируют дух Великого Новгорода в наибольшей степени, отражают его характер?»);

– память города (примеры формулировок вопросов: «Какие образы или факты прошлого являются самыми яркими в истории Санкт-Петербурга? Достаточно ли они отражены в городской среде?»);

– идентичность (примеры формулировок вопросов: «Как вы думаете, есть ли у новгородцев какие-либо примечательные свойства или особенности поведения, отличающие их от жителей других городов?»; «Какие события, места, достижения Санкт-Петербурга вызывают у вас чувство гордости за город?»).

Обработка первичной информации, собранной у респондентов в результате структурированного интервьюирования, может проводиться по-разному, в зависимости от методик анализа полученных данных и целей исследования: от комплексного результата и выявления общих контуров культурного города при опоре на анализ мнений горожан до получения срезов по конкретному аспекту культурного кода. В частности, полученный нами массив данных является эмпирической основой для выявления ценности тех или иных образов в структуре культурного кода города, например, образов советского прошлого. Следовательно, мы можем ответить на следующие вопросы: представлены ли образы советского прошлого в культурном коде города? Какова их ценность по сравнению с другими эпохами? С помощью, каких практик, событий, фактов, мест памяти происходит осмысление и формируется значимость этих образов?

С целью получения количественных и качественных результатов исследования массив полученных данных подвергался контент-

анализу. Кроме того, методика контент-анализа эмпирических материалов включала в себя следующие шаги:

а) кластеризации и типологизации обнаруженных смыслов и выявления ценностных, установок, убеждений горожан по отношению к тем или иным образам и практикам (качественный анализ);

б) выявления доминирующих, наиболее значимых смыслов культурного кода города через слова-маркеры (количественный анализ) с помощью определения количества упоминаний ключевых семантических групп слов.

В качестве иллюстрации воспользуемся результатами проведенного нами эмпирического исследования культурного кода Великого Новгорода и Санкт-Петербурга на основе интервьюирования горожан и рассмотрим варианты обработки полученных данных.

Во-первых, одним из структурных элементов культурного кода является так называемый «гений места», который интегрирует в себе смыслы прошлого, связанные с наиболее значимой для города известной личностью, и актуализирует их в настоящем за счет ценности его жизни, деятельности, достижений. В чек-лист интервьюера были включен прямой вопрос об известных личностях, которые непосредственно ассоциируются с городом и духовно связаны с ним. Как показало исследование, выявление такой личности как гения места на основе представлений горожан существенно отличается в изучаемых нами городах.

Так, в Санкт-Петербурге подтвердилась гипотеза о наличии явного гения места, поскольку имя Петра I было упомянуто подавляющим большинством респондентов в вопросе о значимых личностях города. Более того, упоминания о Петре I было в других ответах, посвященных выявлению культурного кода города. В частности, на основателя города петербуржцы указывали в вопросах, которые раскрывали ключевые символы Санкт-Петербурга, а также о значимых событиях прошлого и об образах, которых хранят дух и характер города. Также заметим, что в Санкт-Петербурге нами выявлены три наиболее значимых для горожан слоя культурной памяти города, один из которых непосредственно связан с Петром I и с основанием города (*«Петербург был основан Петром Первым, это начало империи, начало флота и влияния на море»* - цитата респондента). Основным символом Санкт-Петербурга, как свидетельствуют результаты интервьюирования петербуржцев, по количеству упоминаний в ответах, является Медный всадник, который также символизирует его основателя – Петра I. К символам города респонденты также отнесли

Петропавловскую крепость и Корабль, которые непосредственно связаны с деятельностью Петра I. Вместе с тем некоторые горожане также отметили и других известных личностей, связанных с Санкт-Петербургом, питающих город своей славой. Среди них, в частности, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Екатерина II.

В Великом Новгороде, как показало эмпирическое исследование культурного кода города посредством интервьюирования горожан, одного гения места, который бы отличался особой значимостью и духовной ценностью для города, скорее нет. Однако в городе есть определенный «пантеон героев», то есть несколько известных и наиболее значимых для горожан личностей, связанных так или иначе с Великим Новгородом, образы которых входят в структуру культурного кода города.

Наибольшее количество упоминаний на вопрос о значимых для города и для горожан личностях связано с Александром Невским: около трети респондентов отметило его как фигуру, с которой духовно связан город. Об Александре Невском упоминали новгородцы, в частности, в контексте его военных побед (*«Александр Невский и его победы над шведами и немецкими рыцарями»* – цитата респондента), а также в ответах на вопрос о символах города и о том, с чем ассоциируется у горожан выражение «Великий Новгород». Александра Невского и Ледовое побоище отметили новгородцы и в вопросе о том, какие события прошлого являются самыми важными и яркими для современных новгородцев. Наконец, Александр Невский вызывает чувство гордости у респондентов за город наряду с иными известными личностями Великого Новгорода (*«горжусь тем, что наша земля связана с именами Рахманинова, Достоевского, Державина, Александра Невского, Рюрика, Щусева»*, – цитата респондента).

Похожей является ситуация и с ответами респондентов в Великом Новгороде относительно Ярослава Мудрого, Садко и Рюрика, образы которых также являются частью культурного кода Великого Новгорода, исходя из результатов проведенного нами эмпирического исследования. Ярослава Мудрого упоминали в своих ответах новгородцы в прямом вопросе об известных личностях (около четверти всех опрошенных), о ключевых событиях, которые хранит память города, о том, чем известен и чем уникален Великий Новгород, а также о том, какие ассоциации, эмоции и образы вызывает выражение «Великий Новгород». Садко упоминали новгородцы, помимо ответов на прямой вопрос об известных личностях Великого Новгорода, в ответах на вопросы о культурных практиках и событиях,

символических для города (в массиве ответов есть несколько упоминаний о Международном фестивале народного искусства и ремесел «Садко»), которые знают и ценят горожане, о значимых для современников образах городского прошлого («*Купец Садко*», «*Садко и ладья*» – цитаты респондентов). В одном из ответов, которые предполагали дополнительные вопросы, связанные с мемориализацией известных личностей Великого Новгорода, один из респондентов указал, что образ Садко раскрыт очень слабо в городской среде и требуются современные способы повышения его ценности у горожан. На Рюрика указывали респонденты, кроме всего прочего, в контексте известности и уникальности Великого Новгорода («*Известен призыванием Рюрика, призыванием варягов*» – цитата респондента), а также в контексте усиливающихся в последнее время ассоциаций и образов, которые связаны с Рюриковым городищем, известным как место, где стал править первый князь Руси («*самые главные и первые образы, всплывающие в мыслях – это Рюриково Городище (начало начал)*», – цитата респондента), а также как места, которое хранит память основания города и российского государства («*зарождение российской государственности – призывание Рюрика*»). Наконец, Рюрик так же, как и иные известные личности Новгородской земли, является гордостью новгородцев. Вместе с тем респонденты несколько реже, но упоминали также неоднократно и такие имена, как Сергей Рахманинов, Марфа Посадница, Мальчик Онфим, Валентин Янин, Артемий Арциховский, с которыми символически связан Великий Новгород в контексте самых разных аспектов.

Во-вторых, если проанализировать весь контент открытых ответов респондентов из двух городов, то у исследователя имеется возможность выявить образ, символ, концепт, наполненные конкретным смысловым содержанием. И весьма показательны в данном случае разный уровень значимости того или иного аспекта культурного кода города. В частности, определенную актуальность для нас представляет и то, как гастрономические смыслы включены в культурный код города, поскольку именно особенности культуры приготовления и потребления пищи сегодня нередко лежат не только в основе городской идентичности, но и в основе брендинга города в рамках развития культурного и познавательного туризма. Для полноценного исследования гастрономического кода города требуются такие же комплексные исследования, о которых речь шла выше, однако выявить насколько сформированным он является у горожан и какова его значимость в структуре культурного кода в целом позво-

лит и анализ полученных нами данных в результате проведенного интервьюирования.

Респондентам не задавался отдельный вопрос о гастрономическом коде города. Но новгородцы и петербуржцы могли отразить в своих ответах все смыслы, которые основаны на уникальности, самобытности города, которые влияют на его ценность для современных горожан, включая и те, которые связаны с гастрономией. Как показали результаты, в ответах жителей Великого Новгорода не было упоминаний образов, символов, концептов, которые образованы гастрономической культурой города и его кулинарными традициями. Тогда как жители Санкт-Петербурга не только упоминали такие традиции и блюда, но и контекстно указывали на символическую связь их с городом, его историей и культурой. В частности, в ответах на вопрос об известных личностях и персонажах Санкт-Петербурга содержалось указание на рыбу корюшку, которая также была названа респондентами одним из символов города. Действительно, апелляция к корюшке присутствует сегодня во многих культурных практиках Санкт-Петербурга (фестиваль, туристические маршруты), и это позволяет предположить, что данная рыбка, известная петербуржцам еще со времен Петра I, может быть частью культурного кода этого города. В ответах на вопрос о наиболее известных ассоциациях, связанных с Санкт-Петербургом, встретились ответы респондентов, которые упомянули ленинградский рассольник – широко распространенное в питерских трактирах в дореволюционное время блюдо, которое приобрело особую популярность в советское время. Наконец, как показал опрос респондентов, наибольший вес в культурном коде Санкт-Петербурга имеют такие гастрономические образы, которые связаны с петербургскими пышками и культурой потребления кофе. В частности, в ответах интервьюируемых, Санкт-Петербург изредка ассоциируется с пышками и кофе (*«чашка кофе и пышка»* – цитата респондента), причем именно пышки являются одним из гастрономических брендов города, что и отразилось в проведенном нами эмпирическом исследовании. Следует предположить, что образы «пышечного» в Санкт-Петербурге, как указал один из респондентов, являются отнюдь неслучайными в культурном коде, что тесно связано с природными и пространственными характеристиками города – холодный климат, гранитные набережные, дожди и сырость. Санкт-Петербург сегодня, если говорить на языке гастрономических традиций, – запах кофе и вкус пышек (*«сядьте у окна в кофейне и, глядя на холодные питерские улицы, свинцовые тучи, неспешно*

наслаждайтесь мягким вкусом пышек, вдыхая кофейный аромат теплоты и уюта», – цитата респондента).

Таким образом, у исследователя имеется несколько вариантов анализа и интерпретации того массива данных, который может быть получен при изучении культурного кода города путем интервьюирования горожан. Такого рода исследования составляют скорее один из необходимых, но не единственных эмпирических срезов, которые требуются для получения комплексной информации о культурном коде того или иного города: от дискурсивных практик анализа текстов, хранящих ключевые образы, символы, концепты города, до изучения городской семантики.

Список литературы

Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания. 2008. – №1. – С. 30–43.

Алексеев-Апраксин А.М., Гэн Бяо Культурные коды китайского этоса // Asiatica: труды по философии и культурам востока. 2021. – №2 (15). – С. 52–65.

Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: Сборник. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 336 с.

Батыршин Р.И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. – № 1 (77). – С. 46–54.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с.

Борисова О.А. Город в восприятии горожан: от старого до старинного // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 24–29.

Булыгина Т.А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое / The New Past. 2017. – № 3. – С. 82–95.

Вьюгина А.А., Авдонина А.М. Место природной составляющей в культурном коде территории // Ученые записки. 2021. – №4 (40). – С. 6–9.

Ефремов В. Театр как культурный код русского языка // Обучение иностранным языкам. 2019. – № 4 (46). – С. 401–408.

Злотникова Т.С., Жукова В.С. Ментальный и художественный аспекты авторской сказки как культурного кода // Ярославский педагогический вестник. 2019. – № 5. – С. 160–165. – URL: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10536>.

Зыкова Т.В. Национальный центр В.П. Астафьева в овсянке – новый культурный код региона // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. – № 10–2 (97). – С. 11–14. – URL: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-2-11-14>.

Камалова К.В. Вертикальный город. Ретроспектива и современный этап развития многоярусной структуры городского пространства // Academia. Архитектура и строительство. 2021. – №1. – С. 102–109. – URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-102-109/>

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

- Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
- Мусалитина Е.А. Влияние российско-китайского взаимодействия на формирование культурного кода урбанистического пространства Хабаровского края // Ученые записки Комсомольского-на-амуре государственного технического университета. 2023. – № 6(70). – С. 18–25.
- Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 69–77.
- Спешилова Е.И., Аванесов С.С. Визуальная структура городской среды и концепт культурного кода // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2023. – № 4 (38). – С. 221–238. – URL: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-67-39-46>
- Тарбаева В.М. Санкт-Петербург – Архангельск: от моря до моря. Сохранение культурного кода // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. – № 3 (11). – С. 112–128.
- Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : Избр. труды. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. – 612 с.
- Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 10–24. – URL: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-1>
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 544 с.
- Barthes R. Semiology and the Urban // *Rethinking Architecture* / Ed. by N. Leach. – London ; New York : Routledge, 1997. – P. 166–172.
- Lynch K. *The Image of the City*. – Cambridge : The MIT Press. – 1960. – 194 p.
- Soja E. *Writing the City Spatially* // *City*. 2003. – Vol. 7. No 3. – P. 269–280.

References

- Alexseev-Apraksin, A.M., Geng Biao. Kul'turnye kody kitajskogo etnosa [Cultural Codes of Chinese Ethos]. In *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam vostoka [Asiatica: Works on Philosophy and Eastern Cultures]*, no. 2 (15), 2021, pp. 52–65. (In Russ.)
- Antsiferov, N.P. “Nepostizhimyi gorod...”: sbornik. [“Incomprehensible City...”: a Collection]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 336 p. (In Russ.)
- Avanesova, G.A., Kuptsova, I.A., Kody kul'tury: sushhnost' i naznachenie [Culture Codes: Essence and Purpose]. In *Social'ne-gumanitarnye znaniya*, no. 3 (1), 2008, pp. 30–43. (In Russ.)
- Barthes, R. Semiology and the Urban. In *Rethinking Architecture*. Ed. by N. Leach. London; New York, Routledge Publ., 1997, pp. 166–172.
- Baudrillard, J., *Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic Exchange and Death]*. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p. (In Russ.)
- Borisova, O.A. Gorod v vospriyatii gorozhan: ot starogo do starinnogo [City in the Perception of Citizens: from the Old to the Ancient]. In *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, no. 3 (1), 2019, pp. 24–29. (In Russ.)
- Bulygina, T.A. Gorod i ego prostranstvo: popytka istoricheskogo izmereniya [City and Its Space: Attempt Historical Dimension]. In *Novoe proshloe [The New Past]*, no. 3, 2017, pp. 82–95. (In Russ.)
- Eco, U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Missing Structure. Introduction to Semiology]*. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)

Efremov, V. Teatr kak kul'turnyj kod russkogo yazyka [Theater as a Cultural Code of the Russian Language]. In *Obuchenie inostrannym yazykam*, no. 4 (46), 2019, pp. 401–408. (In Russ.)

Fedotova, N.G. Kul'turny'j kod goroda [Cultural Code of the City]. In *Slovo.ru: baltiiskij accent*, no. 13 (4), 2022, pp. 10–24. URL: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-1>. (In Russ.)

Kamalova, K.V. Vertikal'ny'j gorod. Retrospektiva i sovremennyy'j e'tap razvitiya mnogoyarusnoj struktury` gorodskogo prostranstva [Vertical City. Retrospective and Current Stage of Development of the Multi-Tiered Structure of Urban Space]. In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 1, 2021, pp. 102–109. URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-102-109>. (In Russ.)

Lynch, K. *The Image of the City*. Cambridge, The MIT Press. 1960. 194 p.

Lotman, Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]*. Moscow, Yazy'ki russkoj kul'tury` Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)

Lotman, Yu.M. *Semiosfera [The Semiosphere]*. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2000. 453 p. (In Russ.)

Musalitina, E.A. Vliyanie rossijsko-kitajskogo vzaimodejstviya na formirovanie kul'turnogo koda urbanisticheskogo prostranstva Xabarovskogo kraya [The Influence of Russian-Chinese Interaction on the Formation of the Cultural Code of the Urban Space of the Khabarovsk Territory]. In *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-amure gosudarstvenno-technicheskogo universiteta*, no. 6 (70), 2023, pp. 18–25. (In Russ.)

Savitsky, V.M. Kul'turnye kody: sushhnost', sostav i funkcionirovanie v processe obshheniya [Cultural Codes: Essence, Structure and Functioning in The Process of Communication]. In *Diskurs professional'noi kommunikatsii*, no. 1 (4), 2019, pp. 69–77. (In Russ.)

Soja, E. Writing the City Spatially. In *City*. Vol. 7, no 3, 2003, pp. 269–280.

Speshilova, E.I., Avanesov, S.S. Vizual'naya struktura gorodskoj sredy` i koncept kul'turnogo koda [Visual Structure of the Urban Environment and the Cultural Code Concept]. In *PAEHMA. Problemy vizual'noj semiotiki*, no. 4 (38), 2023, pp. 221–238. URL: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-67-39-46> (In Russ.)

Tarbaeva, V.M. Sankt-Peterburg – Arkhangel'sk: ot morya do morya. Sokhranenie kul'turnogo koda [Saint Petersburg – Arkhangelsk: from Sea to Sea. Conservation of Cultural Code]. In *ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*, no. 3(11), 2022, pp. 112–128. (In Russ.)

Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury [The St. Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]*. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2003, 612 p. (In Russ.)

Vyugina, A.A., Avdonina, A.M. Mesto prirodnoj sostavlyayushhej v kul'turnom kode territorii [Role of the Natural Components in the Cultural Code of the Territory]. In *Uchenye zapiski*, no. 4(40), 2021, pp. 6–9. (In Russ.)

Zlotnikova, T.S., Zhukova, V.S. Mental'ny'j i khudozhestvenny'j aspekty` avtorskoj skazki kak kul'turnogo koda [Mental and Artistic Aspects of the Author's Fairy Tale as a Cultural Code]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 5, 2019, pp. 160–165. URL: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10536>. (In Russ.)

Zykova, T.V. The V.P. Nacional'nyj centr V.P. Astaf'eva v ovsyanke – novyj kul'turnyj kod regiona [Astafiev National Center in Ovsyanka – a New Cultural Code of the Region]. In *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2 (97), 2024, pp. 11–14. URL: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-2-11-14>. (In Russ.)

Жильцова А.Ю.*¹, Шарма Е.И.*²

**ОПЫТЫ ГОРОЖАНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ 90-Х Г.Р.®**

Аннотация. Статья посвящена изучению и выявлению обобщающих категорий опыта горожанства в России на примере молодежи 1990 г.р. эмпирическими методами. А также сравнительному исследованию того, какую роль играет опыт городской жизни в профессиональных и жизненных стратегиях молодежи. Целью данного исследования было определить связь между различными опытами становления горожанином и тем, какие эффекты имел этот опыт для человека, общества, деловой и профессиональной среды, государства.

Ключевые слова: опыт горожанства городская идентичность, приобретенный опыт горожанства, естественно сложившийся опыт горожанства, мобильность

Поступила: 22.09.2025

Принята к печати: 03.11.2025

Для цитирования: Жильцова А.Ю., Шарма Е.И. Опыты горожанства: сравнительное исследование на примере российской молодежи 90-х г.р. // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 44–54. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.03

^{*1}**Жильцова Арина Юрьевна** – исследователь, АНО «Институт Современных Городских Исследований», Санкт-Петербург, Россия; hello@cus-institute.ru
Zhiltsova Arina Yurievna – Researcher at the ANO Institute of Modern Urban Studies, Saint Petersburg, Russia; hello@cus-institute.ru

^{*2}**Шарма Екатерина Ивановна** – исследователь, директор АНО Института Современных Городских Исследований, Санкт-Петербург, Россия; hello@cus-institute.ru
Sharma Ekaterina Ivanovna – Researcher and Director at the ANO Institute of Modern Urban Studies, Saint Petersburg, Russia; hello@cus-institute.ru

© Жильцова А.Ю., Шарма Е.И., 2026

Zhiltsova A.Y., Sharma E.I.

Experiences of Urbanism: a Comparative Study on the Example of Russian Youth Born in the 90s

Abstract. The article is devoted to the study and identification of generalizing categories of the experience of urban life in Russia, based on the example of young people born in 1990 using empirical methods. It also provides a comparative analysis of the role of urban life experience in the professional and life strategies of young people. The purpose of this study was to determine the relationship between different experiences of becoming a city dweller and their effects on individuals, society, business and professional environment, and the state.

Keywords: urban experience; urban identity; acquired urban experience; naturally formed urban experience; mobility

Received: 22.09.2025

Accepted: 03.11.2025

For quoting: Zhiltsova A.Y., Sharma E.I. Experiences of Urbanism: a Comparative Study on the Example of Russian Youth Born in the 90s // Herald of Culturology. – 2026. – No. 1(116). – P. 44–54. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.03

Введение

В условиях 2020-х годов в России, когда политическое и материальное пространство города переживает серьезные трансформации под влиянием геополитических и экономических факторов, особенно актуальным видятся задачи эффективного управления ожиданиями будущих горожан. От того, какой выбор они сделают – профессиональный, миграционный, культурный, экономический – зависит будущее важнейших индустрий, вопросы национальной безопасности, крупнейших инфраструктурных проектов, приток инвестиций в тот или иной город.

Как отмечал известный российский урбанист, теоретик и профессор архитектуры В.Л. Глазычев – существует серьезная необходимость локального знания, которое не всегда можно точно воспроизвести из «центра»: «Сейчас перед каждым регионом страны стоит вопрос о штучном выборе городов, которые должны стать точками опоры. Подчеркиваем – штучном выборе. Штучный выбор – это все-

гда вопрос конкретного знания и ориентирования на местности. Успешно реализовать его из центра невозможно»¹.

Указом Президента России В.В. Путина о национальных целях страны, на текущий момент реализуется поддержка почти 200 опорных населенных пунктов по всей стране. К ним относятся не только стратегически важные населенные пункты, отвечающие за национальную безопасность, военные и научные города, работа с которыми не вызывает вопросов у городских управленцев и научного сообщества. Но также к этим приоритетным городам относятся те, что совсем недавно получили «признание» со стороны федерального правительства – агломерации и административные центры, пункты размещения критической инфраструктуры, новых производственных мощностей и туристических комплексов. Все перечисленные функции требуют создания или поддержания полноценного городского пространства, как материального, так и социального, демографического, политического, экономического. На данный момент далеко не каждый опорный населенный пункт обладает данными характеристиками.

Появление задач такого порядка актуализировало вопросы о том, что мы знаем про российских горожан, кто они, насколько гомогенно (или наоборот) это понятие в зависимости от города и региона? Чем обусловлен их выбор места жительства, места приложения труда, как они делают этот выбор? Что в процессе городской жизни является для них значимым, а что второстепенным. Ответить на эти вопросы крайне важно как для профессионального сообщества городских проектировщиков, урбанистов, консалтеров, крупного бизнеса и корпораций, так и для профильных Министерств и ведомств ответственных за исполнение указа Президента.

Основная часть

Данное исследование предпринимает попытку обобщить и раскрыть понятие опыта городской жизни граждан России, который сформировался за последние 35 лет. Мы полагаем, что описание данного опыта даст возможность широкому кругу лиц, работающих

¹ «Сейчас перед каждым регионом страны стоит вопрос о штучном выборе городов, которые должны стать точками опоры» – Интервью В.Л. Глазычева для “National Business” 20.12.2011. – URL: https://www.glazychyev.ru/publications/interviews/2011-12-20_interview_sey4as_shtu4n_vybor.htm (дата обращения: 01.06.2015).

с городами (а именно с городским сообществом), принимать более обоснованные и точные решения. Пока практическая сторона вопроса сводится к очень общему набору методов: социальных, антропологических, экономических и демографических исследований и политических инструментов. Неточности возникают в момент интерпретации результатов, когда нужно принимать решение в отношении городского развития, напрямую связанного с поведением, ожиданиями или волей горожан. Возможно, более основательное понимание профессиональным сообществом того, с каким именно городским обществом оно имеет дело, каковы его глубинные черты, мотивы, традиции, даст больше возможностей для корректных интерпретаций.

В ходе нашего исследования, мы сформулировали две обобщающих категории *опыта горожанства*. Возникновение этих категорий является важным шагом для отечественной урбанистики, ведь таким образом мы узнаем не только как формируется опыт горожанина, что он значит, под воздействием чего возникает, но научимся управлять им и работать с этим знанием, а следовательно, влиять на него. Одной из задач проводимого нами исследования было понять – какую роль в вопросе выбора жизненных траекторий (образовательных, профессиональных) играет опыт горожанства. Для этого был выбран метод глубинного полуструктурированного интервью с двумя категориями респондентов.

К первой категории относятся молодые люди 1988–1990 г.р., родившиеся в крупных городах, таких Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Караганда (также в ходе интервью отмечалось, в каком поколении они являются горожанами) и проживающие на момент прохождения интервью в городе рождения или ином среднем или крупном городе. Данный вид опыта проживания в крупных городах мы обозначили как *естественно усвоенный*.

Ко второй категории респондентов относятся молодые люди 1988–1990 г.р., родившиеся в малом городе, поселке городского типа или сельской местности, таких как деревня в Вологодской области, рыболовецкий посёлок в Хабаровском крае, деревня в Кемеровской области, посёлок городского типа в Ленинградской области, находившиеся там до 17–20 лет и имеющие опыт переезда в крупный или средний город. Данный вид опыта городской жизни мы обозначили как *приобретенный*.

Всего нами было проинтервьюировано 16 человек.

Выбор в качестве респондентов представителей молодежи обусловлен тем, что как отмечают исследователи, именно людей в воз-

расте от 18 до 35 лет связывают с потенциалом изменений общества и его модернизацией, вступлением в «новую жизнь» молодых поколений [Гудков, Зоркая, Кочергина, Пипия, 2023, с. 42].

О необходимости осмысления особенностей опыта городской жизни в России писал такой исследователь как Л.Б. Коган и говорил в своем интервью В.Л. Глазычев. Оба полагали, что культура горожанства испытывает дефицит внимания со стороны современных исследователей и является источником крайне полезного знания о закономерностях и перспективах процесса урбанизации в иногда крайне различных российских регионах и городах. Например, Глазычев так высказывается относительно многообразия этого опыта: «Принципиально важная вещь – признание многоукладности России. Старое слово “многоукладность” хорошо использовали 100 лет назад. Но сейчас повсеместно делается вид, что ее нет. Причем речь идет не только о многоукладности России в целом, но и большинства ее административных регионов, которые на самом деле представляют собой совокупность нескольких в географическом смысле разных стран»¹.

В работах Л.Б. Когана есть проницательная мысль о том, что для граждан, обладающих истинным «городским» мышлением, характерна привычка действовать с позиции понимания интересов общества (городского): «Все законы жизни города у горожанина в крови: он знает, что территорию перед домом нужно содержать в чистоте и порядке, умеет быстро ориентироваться в сложных городских ситуациях, вести себя на улицах, в магазинах, общаться с большим количеством людей. Менталитет горожанина рождается постепенно, со временем» [Коган, 2003б, с. 63–72]. Его рассуждения нашли подтверждение в исследовании карьерной направленности молодежи больших и малых городов Чернякевич о том, что молодежь из больших городов, то есть с естественно усвоенным опытом городской жизни, более ориентирована на служение интересам общества и осознание себя его частью: «Студенты из больших городов более ориентированы на служение, принесение пользы людям, обществу, они в большей степени видят в своей профессии элемент социального служения, для них более важно найти баланс между профессиональ-

¹ «Сейчас перед каждым регионом страны стоит вопрос о штучном выборе городов, которые должны стать точками опоры» – Интервью В.Л. Глазычева для “National Business” 20.12.2011. – URL: https://www.glazychyev.ru/publications/interviews/2011-12-20_interview_sey4as_shtu4n_vybor.htm (дата обращения: 01.06.2015).

ной и личной сферами, чем для студентов из малых городов» [Чернякевич, 2020, с. 198].

Первые Результаты нашей исследовательской работы можно обобщить следующим образом.

Естественно, сложившийся опыт горожанства усиливает значение социальных связей семьи и тех профессиональных ниш, которые занимают члены семьи и близкий круг друзей, коллег и родственников при выборе будущих жизненных позиций (образовательных, профессиональных) молодыми людьми.

Эта ситуация складывается по ряду причин.

Первое. Высокая степень детерминации повседневной, творческой и образовательной деятельности со стороны семьи в дошкольном и школьном возрасте.

Все респонденты с естественно сложившимся опытом горожанства отмечают, что в детстве у них всегда была высокая регулярная, систематическая занятость в различных кружках и школах дополнительного образования, что определенным образом фреймировало их сознание, давало возможность весьма глубоко для такой ранней ступени развития окунуться в различные предметные области – музыку, изобразительное искусство, архитектуру, танцы, спорт и прочее. Развитие интеллектуального потенциала, эстетической насмотренности и вкуса, навыков общения, формального и неформального поведения в обществе – важная часть социализации молодых горожан. Респонденты первой категории отмечали связь между жизнью в большом городе и возможностью уже в детстве получения разнообразного дополнительного образования, когда имеется выбор между десятью и более различными художественными студиями или музыкальными коллективами в различных районах города. У родившихся в городе было более «контролируемое» времяпрепровождение в детстве в отличие от родившихся в деревне, где, по рассказам респондентов, они были в основном предоставлены сами себе в выборе занятия или мест для прогулок.

Второе. Наличие большого разнообразия общественных институтов, на которые опираются социальные и профессиональные связи семьи (специализированные школы, творческие институты, курсы, союзы, профессиональные объединения, кружки при высших школах и организациях и прочее) и благодаря которым укрепляется профилирование семьи (чаще всего известные поколения горожан-предков определяли или влияли на выбор последующих поколений). Этот выбор формировался по большей части из соображений наибо-

лее эффективного приложения способностей и знаний членов семьи, экономической конъюнктуры города и возможности опереться на неформальную поддержку коллег и друзей семьи. Как отмечает ряд исследователей, для формирования положительной городской идентичности «...подтверждено значение места рождения человека. При этом предполагается, что устойчивую идентичность сформирует не столько само место рождения, сколько прохождение основных институтов социализации. Институты социализации транслируют не только нормы, ценности, которые необходимы человеку для успешной адаптации в данном регионе, но и расширяют количество социальных связей, позволяя ощущать поддержку сообщества, определяют автобиографическую память» [Микляева, 2008, с. 8–47].

Третье. Городские жители часто выбирают профессию, основываясь на опыте, знаниях семьи.

Четвертое. Даже при изменении образовательной и профессиональной ниши или города проживания, уровень социальных связей для городской молодежи остается прежним, он редко понижается кардинально и имеет тенденцию скорее возрастать. В данном случае роль социального лифта имеет не полученное образование или карьера, но достижения, которые превосходили уровень достижений социальной группы.

Пятое. У всех, родившихся в городе есть воспоминания об историческом центре города, все или жили в центре или обязательно с родителями выезжали туда на прогулки. То есть связь с городом прослеживается не только на уровне проживания в нем и пользования им, но и на уровне формирования уникальной автобиографической памяти.

Шестое. Горожане с естественно усвоенным опытом горожанства гордятся своими «городскими» корнями, многие знают историю своего рода до 5–6 колена, внимательно относятся к событиям в семье, связанным с городом, хранят память, артефакты и семейные реликвии, связанные с жизнью в городе их предков. Так рассказывает о своей семье один из респондентов «...прапрадед моей бабушки работал в Главном Штабе, он уже жил в Петербурге, его предки – тоже. Его жена происходит вроде бы из рода, который возможно произошел от Ратши, который служил Великому князю Всеволоду, но это нужно узнавать. От того же Ратши вроде бы пошел и род Пушкиных, так что мы возможно родственники с Пушкиным... Еще один из наших предков проектировал мост Петра Великого. Моя прапрабабушка переехала в Петербург из Кутаиси. У нас в семье с

детства все это (история семьи, рода) очень культивируется, может быть это по-снобски конечно... У нас есть альбом с фотографиями очень старинными конца XIX века, все хранится»¹.

Седьмое. Родившиеся в крупном городе, особенно те, у кого в этом городе проживает семья и родственники, реже задумывались о переезде в другой город или страну.

Обратная ситуация складывается среди респондентов, имеющих **приобретенный** опыт горожанства.

Первое. Социальные связи и профессиональные ниши членов семьи не оказывают существенного влияния на выбор молодежи, не определяют его. Хотя у выходцев из деревни прослеживается более осознанное стремление к учебе, а также трудолюбие, заложенное работой с детства в огороде и по хозяйству, более тяжелые условия получения общего или дополнительного образования (удаленность мест учебы от дома, отсутствие достаточного интереса и поддержки со стороны семьи в развитии ребенка на протяжении всего периода взросления). Но при этом выбор профессии или направления развития происходит самостоятельно и осознанно. Люди понимают, что все зависит только от них, и их решение может не совпадать со взглядами семьи или знакомых.

Второе. Поступление в ВУЗ в крупном городе – это трамплин, иногда единственный, который помогает перейти на новый уровень жизни.

Третье. Молодые люди, выросшие в сельской местности и малых городах, пока живут в деревне, идеализируют образ жизни в большом городе, который часто возникает из обращений к массовой культуре – фильмам, ток-шоу и популярной прессе. Для многих впоследствии знакомство с большим городом разрушает идеал, сформированный сериалами и журналами. Наступает разочарование в городском сообществе людей, а неоправданные ожидания заставляют переезжать дальше и дальше по другим городам и странам в поиске идеала.

Четвертое. Переезды из деревни в город могут сформировать, а могут разрушить личность (стресс, смена привычной среды обитания, привычного круга общения и прочее). Наши респонденты в основной массе оказались из категории тех, кого города формировали, развивали и давали импульс к росту в профессии. Большинство респондентов категории приобретенного опыта горожанства не оста-

¹Цитата респондента. – Ж.А.

новились на одной смене места жительства, а продолжили переезжать дальше в более и более крупные города и другие страны.

На основании данных эмпирических исследований мы пришли к двум основным выводам.

Для 16 из 16 респондентов с естественно усвоенным опытом горожанства характерно определяющее значение социальных связей и профессиональных траекторий семьи при выборе будущего направления деятельности, также характерна привязанность к городу на уровне автобиографической памяти, в силу поколенческих связей с местом рождения.

Для 16 из 16 респондентов с приобретенным опытом горожанства данной взаимосвязи не выявлено, социальные связи семьи и профессиональные сферы вторичны по отношению к внешним факторам – примерам из массовой культуры, макроэкономическим тенденциям и эксперименту.

Но обе категории респондентов отмечают, что проживание в городе – это бесконечные «возможности». Респонденты называли разные возможности реализации и жизни в городе, но бесспорным остается вывод о том, что проживание в городе и становление горожанином – это вызов, который порождает возможность выбора.

Заключение

Опираясь на данные выводы, мы видим дальнейшие векторы своего исследования, как эмпирический, так и теоретический, и конкретные задачи: сформулировать более определенно само понятие «горожанство» и расширить теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований в области городской миграции, городской идентичности, феномена горожанства; обобщить и систематизировать данные исследований, сфокусировать исследовательскую оптику на бытовых, повседневных практиках горожан с естественно сложившимся и приобретенным опытом. По результатам текущей работы складывается впечатление, что решение обозначенных в начале статьи задач наталкивает на мысль о своего рода опыте, объединенном особым историческим, социальным, политическим мышлением, который формирует из жителей города разные типы пользователей. Мы находим подтверждение этой мысли в рассуждениях Л.Б. Когана: «Мы были всегда рабочими, крестьянами, интеллигентами. У станков, на заводах, в полях, у кулманов, в своих трудовых коллективах. Мы в городах делали самые разные вещи: варили сталь, производили нефтепродукты, выпускали автомо-

били и станки... Не было только одного – того, ради чего цивилизация, в конечном счете, и создавала города. Наши города формировали ничтожно мало горожан. Ведь не случайно же латинское “*civitas*” означает одновременно и “горожане”, и “граждане”. И вот мы должны теперь построить гражданское общество при гигантском дефиците горожан» [Коган, 2003а, с. 2–7].

В период, когда перед государством стоят масштабные задачи формирования городской трансформации в населенных пунктах (которые очень по-разному готовы к этим изменениям) и задачи осмысления опыта, формирующего городского жителя, то есть человека осознающего себя частью городского сообщества, знающего и понимающего свои права и обязанности в отношении социальной и материальной среды города, становятся как никогда актуальны. В рамках данного исследования мы постарались положить начало некоторым генерализациям и охарактеризовать два типа опыта становления горожанином в России. Также мы хотели показать, как в зависимости от разного опыта, меняется воздействие на горожанина разных факторов таких, как разнообразие социальных институций, профессиональный уклад семьи и микроэкономические факторы при выборе молодежью профессиональных и образовательных траекторий.

Список литературы

Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К. Постсоветская молодежь: предварительные итоги. – Москва : НЛО, 2023. – 320 с.

Коган Л.Б. Что дает городской образ жизни // *Коган Л.Б.* Быть горожанами. – Москва : Мысль, 1990. – С. 16–17.

Коган Л.Б. Требуется горожане // *Городское управление.* 2003а.– № 7. – С. 2–7.

Коган Л.Б. Города и политика: российские уроки. – Обнинск : Институт муниципального управления, 2003б. – 216 с.

Микляева А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : монография / А.В. Микляева, П.В. Румянцев. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 118 с.

Прахова Е.В. Особенности профессионального самоопределения старшеклассников в большом и малом городе / Е.В. Прахова, О.Г. Смирнова // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки.* 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 99–105.

Чернякевич Е.Ю. Карьерная направленность молодых людей из больших и малых российских городов // *Вестник ГУУ.* 2020. – № 4. – С. 197–204.

References

- Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E., Pipiya, K. *Postsovetskaya molodezh': predvaritel'nye itogi* [Post-Soviet Youth: Preliminary Results]. Moscow, NLO Publ., 2023. – 320 p. (In Russ.)
- Kogan, L.B. Chto daet gorodskoj obraz zhizni [What Does the Urban Lifestyle Give?]. In Kogan L.B. *Byt' Gorozhanami* [Being City Dwellers]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, pp. 16–17. (In Russ.)
- Kogan, L.B. Trebuyutsya gorozhane [Citizens are Required]. In *Gorodskoe upravlenie* [City Administration], no. 7, 2003a, pp. 2–7. (In Russ.)
- Kogan, L.B. *Goroda i politika: rossijskie uroki* [Cities and Politics: Russian Lessons]. Obninsk, Institut municipal'nogo upravleniya, 2003b. – 216 p. (In Russ.)
- Miklyaeva, A.V. *Social'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya : monografiya*. A.V. Miklyaeva, P.V. Rumyantseva [Social Identity of a Person: Content, Structure, Mechanisms of Formation : a Monograph. A.V. Miklyaeva, P.V. Rumyantseva]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2008. – 118 p. (In Russ.)
- Prahova, E.V. Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya starsheklassnikov v bol'shom i malom gorode. E.V. Prahova, O.G. Smirnova [Features of Professional Self-determination of High School Students in Large and Small Towns. E.V. Prahova, O.G. Smirnova]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. V. 12, № 2, 2017, pp. 99–105. (In Russ.)
- Chernyakevich, E.Yu. Kar'ernaya napravlennost' molodyh lyudej iz bol'shih i malyh rossijskih gorodov [Career Orientation of Young People from Large and Small Russian Cities]. In *Vestnik GUU*, no. 4, 2020, pp. 197–204. (In Russ.)

Коренева Е.В.*¹, Соколова В.М.*²

ОБРАЗ МЕГАПОЛИСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ АРГЕНТИНЫ[©]

Аннотация. В статье рассмотрены основные социальные, культурные и пространственно-временные составляющие образа латиноамериканского мегаполиса XXI в. Буэнос-Айрес, столица Аргентины, каким его видят авторы современных журналистских хроник, перестал быть городом с централизованной структурой, он трансформировался в полицентрическую модель. Этот город представляет собой сложную территориальную и мультикультурную «мозаику». Анализ противоречий внутри мегаполиса выводит авторов на новое осмысление проблем национальной идентичности.

Ключевые слова: литературная журналистика; аргентинская хроника; образ города; мультикультурализм; национальная идентичность

Поступила: 21.08.2025

Принята к печати: 14.11.2025

Для цитирования: Коренева Е.В., Соколова В.М. Образ мегаполиса в современной литературной журналистике Аргентины // Вест-

^{*1} **Коренева Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; arco2001@yandex.ru

Koreneva Elena Vladimirovna – PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of Spanish Language of Faculty of the Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; arco2001@yandex.ru

^{*2} **Соколова Вероника Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; veronikasokol@yandex.ru

Sokolova Veronika Mikhailovna – PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of Media Linguistics of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, veronikasokol@yandex.ru

© Коренева Е.В., Соколова В.М., 2026

ник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 55–66. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.04

Koreneva E.V., Sokolova V.M.

The Image of the Metropolis in Contemporary Literary Journalism in Argentina

Abstract. The article examines the main social, cultural, and spatial-temporal components of the image of a 21st-century Latin American metropolis. The capital of Argentina, Buenos Aires, as seen by authors of modern journalistic chronicles, has ceased to be a city with a centralized structure, but has turned into a polycentric model. This city is lined up as a complex territorial and multicultural “mosaic”. The analysis of contradictions within the metropolis leads the authors to a new understanding of the problems of national identity.

Keywords: literary journalism; Argentine chronicle; image of the city; multiculturalism; national identity

Received: 21.08.2025

Accepted: 14.11.2025

For quoting: Koreneva E.V., Sokolova V.M. The Image of the Metropolis in Contemporary Literary Journalism in Argentina // Herald of Culture. – 2026. – No.1(116). – P. 55–66. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.04

Город и городская жизнь являются одной из центральных тем аргентинской литературы и журналистики. Во многих произведениях авторы выбирают местом действия Буэнос-Айрес, столицу государства¹. Так, Доминго Фаустино Сармьенто в «Факундо» (*Facundo o Civilización y Barbarie en las pampas argentinas, 1845*)² представляет

¹Подробнее см. Molina J. Buenos Aires, como la sintieron y contaron los grandes de la literatura, 2012. Alonso S. La Ciudad de Buenos Aires en la literatura Argentina, 2017. – URL: <https://www.lanacion.com.ar/buenos-aires/buenos-aires-como-la-sintieron-y-contaron-los-grandes-de-la-literatura-nid1450526/>, <https://www.centrocultural.coop/revista/tangram-buenos-aires/la-ciudad-de-buenos-aires-en-la-literatura-argentina>, Schweblin S. Recorre Buenos Aires a través de la lectura, 2024, – URL: <https://www.nytimes.com/es/2024/09/15/espanol/cultura/buenos-aires-atraves-libros.html>

²«Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики» [Сармьенто, 1988]. Издание подготовили В.Б. Земсков и Н.С. Попрыкина, перевод с испанского Н.С. Попрыкиной.

город как синоним прогресса, победы цивилизации над варварством. В конце XIX в. основоположники модернизма, кубинец Хосе Марти и никарагуанец Рубен Дарио (который жил Буэнос-Айресе с 1893 по 1898 гг.), публикуют свои хроники о городе в аргентинских изданиях *La Nación*, *El Tiempo*, *La Tribuna*, *La Revista Nacional*. Модернистская хроника становится способом изображения городской жизни, продолжая традиции литературы путешествий. Авторы используют «риторику прогулки» для описания города. Субъект превращается в «хрониста-фланера», который является свидетелем реализации проектов урбанизации в центральных районах Буэнос-Айреса.

С 1928 по 1942 гг. журналист Роберто Арльт печатает в газете *El Mundo* серию журналистских хроник «Офорты Буэнос-Айреса» (*Las Aguafuertes porteñas*), где «город прогресса» представлен как город неоновых огней (*luces de neón*) и вечно спешащих служащих (Sanchez, 2016). Спустя десятилетия, Энрике Рааб создает в своих хрониках «рентгеновский снимок общества Буэнос-Айреса середины 1970-х годов» (Moreno, 2015). В текстах Рааба основные символы столицы – Президентский дворец (*La Casa Rosada*), Обелиск (*El Obelisco*), Центральный проспект 2 мая (*La Avenida de El 2 de Mayo*) ассоциируются с коррупцией и диктатурой (например, в хронике “1 мая 1974” (*1 de Mayo de 1974*)).

Другое представление о городе присутствует в произведениях латиноамериканских писателей Габриэля Гарсиа Маркеса, Хуана Карлоса Онетти, Гильермо Кабреры Инфанте, Сальвадора Гармендия. Эти авторы создают «странные города», полные конфликтов между традицией и современностью, далекие от процесса модернизации, пространство деградации, отчуждения и уничтожения человека.

В XXI в. аргентинские писатели-журналисты, представляя образ Буэнос-Айреса как столицы государства, стремятся выявить исторические, политические и культурные доминанты сегодняшней Аргентины. Авторы обращаются к жанру журналистской хроники (*crónica urbana*) как наиболее адекватному для раскрытия данной тематики. Современная журналистская хроника в странах Латинской Америки является частью литературной журналистики, которая объединяет черты литературных и журналистских жанров, а также их языковые ресурсы. Такие хроники называют текстами «долгого дыхания» (*de largo aliento*), они больше по объему и требуют более вдумчивого чтения. По оценке Альваро Сальседо Рамоса, «хроника – это то, что спасает журналистику от старения» [Salcedo Ramos, 2015]. Основные темы хроник о городе – это культурное многообразие, сопоставление

центра и пригородов, внутренние противоречия мегаполиса и социальные конфликты. Нередко статьи в жанре хроники объединяются и издаются впоследствии в формате книги [Коренева, Соколова, 2021].

Испаноязычные исследователи (Angulo Egea, Hercher), анализируя хроники о Буэнос-Айресе, отмечают, что в такого рода текстах городская культура, как правило, представлена как мультикультурное пространство, которое обусловлено непрекращающейся миграцией и сосуществованием множества этнических групп в рамках единой территории¹. Современные аргентинские журналисты – Кристиан Аларкон, Хосефина Лиситра, Себастьян Хачер, Мартин Капаррос, Даниэль Рьера, Хавьер Синай, Родольфо Паласьос, Ана Прието, Соня Будасси, Леонардо Фаччо, Грасиэла Московски, Лучиана Мантеро, Хулиан Городишер, Алехандро Сеселовски – показывают столицу с разных ракурсов, «собирают по кусочкам» образ большого города. Авторы намеренно стараются уйти от имиджа мегаполиса как зеркала глобальных процессов, разрушают стереотипы, укоренившиеся в массовом сознании, и отрицают ярлыки, навязанные прессой отдельным группам жителей столицы: «обитатель трущоб, наркоман» (*villero drogadicto*), «жестокий негр» (*negro violento*), «итальянец-расист» (*tano racista*), «асоциальный пользователь интернета» (*internauta antisocial*) [Angulo Egea, 2013]².

Буэнос-Айрес предстает перед читателем как сложная территориальная мозаика, в которой размываются старые границы между сельскими и городскими районами, а миграция в город усложняет процессы адаптации. Социальная и культурная гибридизация, возникшая в этом мегаполисе, передается с помощью портретов людей, живущих в разных районах. Исследовательница Мария Ангуло Эхеа при сравнительном анализе хроник современных журналистов (Синай, Лиситры, Хачера, Аларкона) о Буэнос-Айресе выделяет четыре городских пространства: территорию трущоб, пригород, рынок нелегальных товаров и «город преступности».

Хавьер Синай в сборнике хроник *Sangre joven. Vivir y morir antes de la adultez* («Молодая кровь. Жить и умереть, так и не повзрослев», 2009)

¹В Буэнос-Айресе проживают потомки европейских иммигрантов (в основном итальянцев и испанцев), коренные народы (в частности, мапуче и кечуа); выходцы из стран Азии и Африки; переселенцы из стран Латинской Америки (в основном из Парагвая и Боливии) и представители других диаспор.

²Подробнее о ярлыках, навязываемых официальной прессой см. *El racismo mediático: un estudio de la prensa en Argentina (1993-2011)* – URL: http://www.scielo.edu.uy/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0797-55382018000200163

собирает шесть историй об убийствах, совершенных молодыми людьми в Буэнос-Айресе. Автор показывает конкретные места, такие как ночной клуб *Teatro* в районе Колехиалес, дешевые пиццерии, танцпол *S'Combro* и ночной клуб *Rescate de San Martín*, полицейский участок, железнодорожный вокзал, тюрьму *Los Hornos* и район *Altos de San Lorenzo de La Plata* и др. как локусы «города преступлений». Хроники включают элементы детективного жанра, но для автора не важна ни сенсационность, ни кровавые детали преступлений. Его тексты раскрывают, скорее, психологию героев и воздействие города на поведение человека. В 2022 г. сборник был переиздан и дополнен новыми текстами. Хроника *Rápido. Furioso. Muerto. El desenlace de Axel Lucero* («Быстрый. Неистовый. Мертвый. Конец Акселя Лусеро»)¹ повествует о том, как юноша 20 лет по прозвищу Негрито оказался в районе Эль Кармен, «на этом всеми забытом клочке земли». После переезда у него появились «отчаянные приятели, которые имели привычку разгуливать с 9-ти миллиметровыми пистолетами или револьверами 38 калибра» и совершали кражи, гоняя на мотоциклах». Быстрому взрослению героя способствовала и окружающая обстановка: «Чем дальше от центра района, тем более удручающий вид – лошади тянут нагруженные мусором тележки, стайки босоногих детей, грязные ручьи, дома из трухлявой древесины или похожие на цементные коробки» (Sinay, 2022). Такая обстановка свидетельствует, скорее, о безысходности и недоступности «достижений прогресса» для значительной части молодых жителей столицы.

Хосефина Лиситра в цикле хроник *Los Otros* («Другие», 2011) рассуждает о суровых условиях жизни в пригородах мегаполиса. Автор описывает два района, разделенных трехсотметровой стеной, возведенной властями города, которая теоретически должна служить для контроля напряженности и сдерживания насилия с обеих сторон. Один район населен *tanos* (так пренебрежительно называют итальянцев – иммигрантов из низших слоев среднего класса, прибывших в Аргентину после Второй мировой войны. В другом районе живут *negros*, бедняки из Боливии, Парагвая, Перу и внутренних районов Аргентины. Этот пригород, по мнению автора, представляет собой «публичное пространство конфликта и социального противостояния» (*espacio público de conflicto y enfrentamiento social*) [Licitra, 2011, p. 16]. Согласно данным статистики, *tanos* и *negros* входят в

¹В 2015 г. за хронику «Быстрый. Неистовый. Мертвый. Конец Акселя Лусеро» (*Rápido. Furioso. Muerto. El desenlace de Axel Lucero*) Синай был удостоен престижной журналистской премии Габриэля Гарсия Маркеса (*El Premio Gabo*).

30% населения страны, живущего за чертой бедности. Атмосфера напряженности, насилия и нищеты на окраинах Буэнос-Айреса служит фоном для описания трагического события (убийства 16-летнего юноши) и усиливает боль, страх, одиночество и безысходность положения матери, потерявшей сына (ее монолог вводится в текст хроники). Несмотря на официальные заверения политиков о “прогрессивном развитии” данной территории, автор обращает внимание на то, что в этом районе «прогресс остановился и отсрочен на неопределенный срок», что и провоцирует дальнейшую конфронтацию [Licitra, 2011, p. 16].

Себастьян Хачер в хронике *Sangre Salada: una feria en los márgenes* («Соленая кровь: ярмарка на окраине», 2011) рассказывает историю крупнейшего в Латинской Америке нелегального рынка – *La Salada* – в пригороде Буэнос-Айреса. Рынок, благодаря которому выживают тысячи семей, в основном иммигрантов, – это пример того, как теневая экономика спасает многих людей от крайней нищеты, в то время как государство бросило их на произвол судьбы. *La Salada* специализируется на копировании брендов, подделке товаров и их продаже по дешевой цене. На рынке царит беззаконие, основанное на насилии и злоупотреблении властью. Существование такого нелегального «города в городе» разрушает имидж процветающей столицы, создаваемый политиками. Герои хроники – охранники, владельцы лавок, профессиональные мошенники, мелкие наркоторговцы – как иммигранты, так и коренные аргентинцы. Разнообразие голосов и диалоги, включенные в текст, характеризуют этот «человеческий улей», которым является *La Salada* в изображении Себастьяна Хачера¹.

Журналист Кристиан Аларкон рассказывает о жизни молодежи в городских трущобах, которые особенно разрослись в Буэнос-Айресе после кризиса 2001 года, об отношении к наркотикам и наркоторговле, о насилии, грабежах, жестоких условиях выживания (*Cuando me muera quiero que me toquen cumbia*, 2003; *El Barrio Fuerte*, 2008). Аларкон использует специальные нарративные стратегии (интервью, многоголосие), с помощью которых передает различные точки зрения: каждый из героев конструирует свою историю, в которую хочет верить. Такая дискурсивная техника отсылает к традициям, заложенным известными ар-

¹Описанию данного района города также посвящена хроника Начо Хирона *La Salada-radiografía de la feria más polémica de Latinoamérica*, 2011

гентинскими журналистами XX в. – Родольфо Хорхе Уолшем и Томасом Элой Мартинесом [Соколова, Коренева, 2023].

Журналистские хроники, посвященные Буэнос-Айресу, с одной стороны, продолжают традицию, сложившуюся в XIX–XX вв., с другой – отражают новую реальность. В этих публицистических текстах столица Аргентины показана как социокультурный феномен, который вбирает в себя как обычаи, образ жизни, музыку, еду, одежду, так и преступления мигрантов. Поликультурный мегаполис – Буэнос-Айрес XXI в. – привлекает людей из других стран Латинской Америки, как в прошлом – европейцев, бежавших от мировых войн. Если в XIX–XX вв. Буэнос-Айрес считался самым «европеизированным» городом Латинской Америки, в особенности, центр города («Буэнос-Айрес – второй Париж»), то в начале XXI в. этот город становится «латиноамериканизированным» (*latinoamericanizado*). Новое смешение этнических групп, религий, мировоззрений, сосредоточенных в одном месте, является предметом исследования современных писателей – журналистов.

Мартин Капаррос поднимает общие проблемы мегаполисов Латинской Америки: в сборнике хроник *Larga distancia* (1992) сравнивает главные латиноамериканские города (Буэнос-Айрес, Лима) с другими мировыми столицами (Мадрид, Москва, Пекин и др.), акцентируя внимание на историческом и политическом контексте через индивидуальную и коллективную память. Латиноамериканские мегаполисы показаны как города в кризисе, ослабленные коррупцией и социальными конфликтами. Прошрое и настоящее в городе связаны между собой: современные отношения пронизаны неравенством, которое, кажется, невозможно преодолеть, и укоренившимися противоречиями. Критик Хесус Мартин-Барберо отмечает, что сцены социальных антагонизмов часто встречаются в изображении города, находящегося в кризисе: «Именно это отсутствие минимального общего пространства выражает два противоположных и в то же время взаимодополняющих образа: один – образ «богатых кварталов», превращенных в крепости посредством всех атрибутов современного технического прогресса, образ как оружие, выставленное напоказ владельцами домов, обнесенных высокими заборами, и другой – целые «народные кварталы», страдающие от грабежей и жестоких разборок между бандами» [Martín-Barbero, 2004, p. 300].

В хрониках сборника *El interior* (2013) Мартин Капаррос рассматривает Аргентину как социально-пространственный конструкт, двигаясь от столицы в глубь страны. В текстах прослеживается идентификация автора с писателями-путешественниками прошлых лет, особенно с

Фаустино Сармьенто [Kowalska, 2023]. Мартин Капаррос ведет заочный диалог с Сармьенто с позиций XXI в., выстраивая бинарное противопоставление центра и периферии, сравнивая столицу с внутренними районами страны (*el interior*)¹. При описании столицы Аргентины автор опирается не только на фактический материал, но и на мифологемы, фольклорные элементы, закрепленные в сознании жителей².

В текстах сборника *El interior* Капаррос устанавливает два уровня «национального»: *lo argentino* и *lo porteño*³. При определении понятия «аргентинского» (*lo argentino*) автор опирается на мифологизированные и литературные образы (Че, Эвита, Перон, Гаучито) и символы страны – мате, футбол, танго. Так, например, в хронике *Buenos Aires, la ciudad abrumada* (2019) Капаррос подробно рассматривает каждый из этих символов и определяет их роль в сознании аргентинцев сегодня [Caparrós, 2019]. Себя писатель-журналист определяет как жителя Буэнос-Айреса (*el porteño*) и указывает на то, что существует четкое противопоставление между жителями столицы и жителями других районов Аргентины: «Вполне вероятно, что для нас, жителей Буэнос-Айреса, остальные районы страны не более чем фольклор: замба, нищета, феодализм, флегматичность, необъятные пустые пространства» [Caparrós, 2012, p. 10–11].

Интеллектуальный и космополитичный, город Буэнос-Айрес выделяется на фоне остальных районов и именно по этой причине становится местом, «лишенным того, что является *собственно аргентинским*». По мнению Капарроса, «если внутреннее и внешнее вместе образуют единое целое, то между ними ничего нет: мы и есть это ничто» [Caparrós, 2012, p. 10]. «Ничто» (*nada*) – такое определе-

¹Сам Капаррос неоднократно подчеркивал влияние на свое творчество произведений Фаустино Сармьенто. А в 2022 г. опубликовал биографический роман *Sarmiento*.

²Такое осмысление пространства Йенс Андерманн называет «тропографическим». Говоря о понятии «национального», исследователь проводит различие между топографией и тропографией. Тропография, согласно его мнению, это уже не физическая карта территории, а «карта, созданная с помощью воображения и воспоминаний о пространствах, закрепленная в тропах, в фигурах и риторических образах, характерных для каждого народа» [Andermann, 2000, p. 18]. Таким образом, тропография – это представление о пространстве, созданное в коллективном сознании с помощью различных символических элементов и поэтических творений, которое влияет на социальный образ города.

³Слово *porteño* – прилагательное, образованное от существительного *puerto* (порт). Изначально город Буэнос-Айрес строился как порт для экспорта аргентинских продуктов (мяса, зерна и т.д.).

ние дает Капаррос столице Аргентины и, таким образом, этот город превращается, по мысли автора, в отправную точку для выявления национальной идентичности. «Если я думаю о Буэнос-Айресе как о центре Буэнос-Айреса, то все остальные города страны были бы его периферией; если я думаю о Буэнос-Айресе как о кварталах города и его окрестностях, то все остальные города страны являются его продолжением: те же низкие и скромные домики, много квадратных, некоторые итальянские, претенциозные шале, та же смесь спутанных стилей, те же сломанные плохо выкрашенные высокие заборы, те же вывески магазина и мясной лавки, аптеки и телецентра, те же подстриженные деревца, те же цвета с преобладанием одного, который когда-то был белым, те же провода, пересекающиеся в воздухе, ржавые уличные фонари, причудливая черепица, те же решетки и, конечно, те же названия. Должно быть, мы, в какой-то степени, и представляем собой страну» [Caragó, 2012, p. 83].

Таким образом, с одной стороны, архитектурное объединение разных стилей и элементов в пространстве города можно рассматривать как важный элемент для определения единства страны. Другими словами, идея автора заключается в том, что быть страной – означает быть подобием центра. С другой стороны, еще раз определяя Буэнос-Айрес как центр страны, Капаррос подчеркивает, что другие аргентинские города являются «непрерывным продолжением столицы».

Автор отбирает наиболее яркие зарисовки из жизни обитателей мегаполиса, создавая воображаемую проекцию существующей реальности. Капаррос «наполняет» пространство города различными мнениями, диалогами, историями его обитателей. Возникает ментальное пространство – пространство репрезентации, конструируемое субъективным видением рассказчика – так формируется социальный образ города, который отражает собственный взгляд автора. Для определения жителей столицы как единого целого Капаррос использует такие слова, как «смесь» (*mezcla*) и «сотоварищество» (*camaradería*).

Аргентинские авторы изображают реальный город с присущим ему хаосом, неравенством, насилием, «вытаскивают на поверхность» то, что обычно остается невидимым, или то, что не хочет замечать читающая публика. С помощью описаний, свидетельств, интервью и статистических данных выстраивается образ пространства, характеризующийся социальной фрагментацией, которая ощущается на индивидуальном и коллективном уровне. Социальная фрагментация обуславливает кризис идентичности и утрату чувства национальной принадлежности.

Итак, многие современные аргентинские писатели-журналисты выбирают в качестве локуса город Буэнос-Айрес. Городская хроника (*crónica urbana*) развивается как гибридный жанр, объединяющий черты литературы и журналистики. Авторы часто используют рассказ от первого лица и при этом делают ставку на дискурс, который основан на документах, личных встречах, интервью, опросах и методах иммерсивной журналистики. Публицисты подчеркивают, что территория города превращается в мультикультурное пространство, которое «впитывает» новые потоки мигрантов. Этот социальный «плави́льный котел» порождает новую реальность и позволяет выявить доминанты в непрекращающемся дискурсе о национальной идентичности. Писатели-журналисты дают возможность высказаться персонажам, представляющим различные социальные типы и культурно-этнические группы, и сохраняют при этом равноудаленный голос рассказчика.

Выстраивая пространственно-временной конструкт Буэнос-Айреса, авторы новых хроник опираются не на линейное, а на круговое восприятие времени: прошлое, настоящее и будущее располагаются в соответствии с переживаниями каждого персонажа. Авторы «играют» с хроносами, чтобы, с одной стороны, зафиксировать событие, с другой – взглянуть на него более объемно, с разных временных перспектив.

Анализ хроник современных писателей-журналистов позволяет выявить такие основные характеристики Буэнос-Айреса, как *latinoamericanizado* (латиноамериканизированный), *mixto* (смешенный) *y transcultural* (транскультурный). Движение, расовое смешение и культурная гетерогенность современного аргентинского мегаполиса требуют особой формы отображения в произведениях словесности, которая была бы такой же многосторонней и фрагментированной, как многоликий Буэнос-Айрес сегодня.

Список литературы

Соколова В.М. Коренева Е.В., Испаноязычный медиадискурс: взаимодействие литературы и журналистики. – Москва : Фак. журн. МГУ. – 2023. – 144 с.

Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики, [пер. с исп.] / изд. подгот. В.Б. Земсков, Н.С. Попрыкина; [АН СССР]. – Москва : Наука, 1988. – 207, [2] с., [5] л. ил.; 22. – (Литературные памятники)

Коренева Е.В., Соколова В.М., Трансформация жанра хроники в литературном контексте Латинской Америки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. – № 6. – С. 221–232.

- Andermann J. Mapas de poder. Una arqueología literaria del espacio argentino. – 2000. – URL: https://www.academia.edu/30505759/Mapas_de_Poder_una_arqueolog%C3%ADa_literaria_del_espacio_argentino.
- Angulo Egea M. Mi Buenos Aires crónico y el periodismo narrativo. – 2012. – URL: <https://www.fronterad.com/mi-buenos-aires-cronico-y-el-periodismo-narrativo>.
- Angulo Egea M. Crónicas de Buenos Aires. La megalópolis porteña en el periodismo literario argentino actual. – 2013. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4594682>.
- Arlt R. El paisaje en las nubes: crónicas en El Mundo 1937–1942 / Roberto Arlt; edición literaria a cargo de Rose Corral con prólogo de Ricardo Piglia – Buenos Aires : Fondo de la Cultura Económica, 2009, – 34 p.
- Arlt R. Nuevas Aguafuertes. – Buenos Aires : Editorial Losada, 1975. – 144 p.
- Caparrós M. El Interior. – Buenos Aires : Booket, 2012. – 823 p.
- Caparrós M. El Interior. – Buenos Aires : Malpaso, 2014. – 687 p.
- Caparrós M. Larga distancia. - Buenos Aires: Malpaso, 2017. – 240 p.
- Caparrós M. Buenos Aires: la ciudad abrumada. – 2019. – URL: https://elpais.com/elpais/2019/05/20/eps/1558347281_926037.html.
- Forace V. Crónicas de Martín Caparrós: una mirada política de las ciudades latinoamericanas // Catalejos. Revista sobre lectura, formación de lectores y literatura para niños. – Vol. 3. – No. 5, diciembre de 2017. – P. 86–105.
- Hacher S. Sangre salada: Una feria en los márgenes. – Buenos Aires : Marea, 2011. – 228 p.
- Kowalska R. Imaginar un país: la espacialidad, lo otro y el “yo” autoral en El interior de Martín Caparrós // Moderna Språk. 2023. – No. 117(3). – P 91–113. – DOI: <https://doi.org/10.58221/mosp.v117i3.11212>.
- Licitra J. Los Otros: Una historia del conurbano bonaerense. – Buenos Aires : Debate, 2011. – 166 p.
- Martín-Barbero J. Oficio de cartógrafo: Travessias latinoamericanas da comunicação na cultura. – Sao-Paulo : Loyola, 2004. – 480 p.
- Raab E. Crónicas ejemplares. Diez años de periodismo antes del horror. – Buenos Aires : Perfil Libros, 1999. – 311 p.
- Salcedo Ramos A. Así relaciona Alberto Salcedo Ramos el periodismo y la Felicidad. 2015. – URL: <https://www.clasesdeperiodismo.com/asi-relaciona-alberto-salcedo-ramos-el-periodismo-y-la-felicidad>.
- Sinay J. Sangre joven. – Buenos Aires, 2022. – 216 p.
- Sinay J. Rápido. Furioso. Muerto. El desenlace de Axel Lucero // Sangre joven. – Buenos Aires, 2022. – 216 p.

References

- Sokolova, V.M., Koreneva, Ye.V. *Ispanoyazychnyy mediadiskurs: vzaimodeystviye literaturny i zhurnalistskiy [Spanish-language Media Discourse: the Interaction of Literature and Journalism]*. Moscow, Fak. zhurn. MGU Publ., 2023. 144 p. (In Russ.)
- Sarmiento, D.F. *Civilizaciya i varvarstvo. Zhizneopisanie Huana Fakundo Kirogi, a takzhe fizicheskij oblik, obychai i nravy Argentinskoj Respubliki [Civilization and Barbarism. The Biography of Juan Facundo Quiroga, as well as the Physical Appearance, Customs and Mores of the Argentine Republic]*. Trans. from Spanish. Ed. prepared by V. N.B.

N. Zemskov, N. According to S.N. Poprykina; USSR Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., 1988. – 207 p. (Literaturnye pamyatniki) (In Russ.)

Koreneva, Ye.V., Sokolova, V.M. Transformatsiya zhanra khroniki v literaturnom kontekste Latinskoy Ameriki [The Transformation of the Chronicle Genre in the Literary Context of Latin America]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 6, 2021, pp. 221–232. (In Russ.)

Andermann, J. *Mapas de poder. Una arqueología literaria del espacio argentino*, 2000, URL: https://www.academia.edu/30505759/Mapas_de_Poder_una_arqueolog%C3%ADa_literaria_del_espacio_argentino. (In Spanish)

Angulo Egea, M. *Mi Buenos Aires crónico y el periodismo narrativo*. 2012. URL: <https://www.fronterad.com/mi-buenos-aires-cronico-y-el-periodismo-narrativo>. (In Spanish)

Angulo Egea, M. *Crónicas de Buenos Aires. La megalópolis porteña en el periodismo literario argentino actua*. 2013. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4594682>.

Arlt, R. *El paisaje en las nubes: crónicas en El Mundo 1937–1942 / Roberto Arlt; edición literaria a cargo de Rose Corral con prólogo de Ricardo Piglia*. Buenos Aires, Fondo de la Cultura Económica Publ., 2009. 34 p. (In Spanish)

Arlt, R. *Nuevas Aguafuertes*. Buenos Aires, Editorial Losada Publ., 1975. 144 p. (In Spanish)

Caparrós M. *El Interior*. Buenos Aires, Booket Publ., 2012. 823 p. (In Spanish)

Caparrós, M. *El Interior*. Buenos Aires, Malpaso Publ., 2014. 687 p. (In Spanish)

Caparrós, M. *Larga distancia*. Buenos Aires, Malpaso Publ., 2017. 240 p. (In Spanish)

Caparrós, M. *Buenos Aires: la ciudad abrumada*. 2019. URL: https://elpais.com/elpais/2019/05/20/eps/1558347281_926037.html. (In Spanish)

Forace, V. Crónicas de Martín Caparrós: una mirada política de las ciudades latinoamericanas. In *Catalejos. Revista sobre lectura, formación de lectores y literatura para niños*. Vol. 3, no. 5, diciembre de 2017, pp. 86–105. (In Spanish)

Hacher, S. *Sangre salada: Una feria en los márgenes*. Buenos Aires, Marea Publ., 2011. 228 p. (In Spanish)

Kowalska, R. Imaginar un país: la espacialidad, lo otro y el “yo” autoral en El interior de Martín Caparrós. In *Moderna Språk*, no. 117(3), 2023, pp. 91–113. DOI: <https://doi.org/10.58221/mosp.v117i3.11212>. (In Spanish)

Licitra, J. *Los Otros: Una historia del conurbano bonaerense*. Buenos Aires, Debate Publ., 2011. 166 p. (In Spanish)

Martín-Barbero, J. *Oficio de cartógrafo: Travessias latinoamericanas da comunicação na cultura*. Sao-Paulo, Loyola Publ., 2004. 480 p. (In Spanish)

Raab, E. *Crónicas ejemplares. Diez años de periodismo antes del horror*. Buenos Aires, Perfil Libros Publ., 1999. 311 p. (In Spanish)

Salcedo Ramos, A. *Así relaciona Alberto Salcedo Ramos el periodismo y la Felicidad*. 2015. URL: <https://www.clasesdeperiodismo.com/asi-relaciona-alberto-salcedo-ramos-el-periodismo-y-la-felicidad>. (In Spanish)

Sinay, J. *Sangre joven*. Buenos Aires, 2022. 216 p. (In Spanish)

Sinay, J. *Rápido. Furioso. Muerto. El desenlace de Axel Lucero*. In *Sangre joven*. Buenos Aires, 2022. 216 p. (In Spanish)

ТОПОФОБНЫЕ МЕСТА ГОРОДА

УДК 398.2 : 008 : 711.4 DOI: 10.31249/hoc/2026.01.05

Сафрон Е.А.*

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИЧКИ О ТОПОФОБНЫХ ЛОКАЦИЯХ ПЕТРОЗАВОДСКА: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУГГЕСТИВНОСТИ®

Аннотация. Рассматриваются городские легенды и былички, посвященные различным локациям города Петрозаводска, на предмет переживания во время их посещения топофобии. С помощью методов мотивного, компаративистского, психологического, структурно-типологического анализа автор статьи исследует, каким образом в обозначенных жанрах отражается общественное восприятие этих мест, какие фольклорно-мифологические образы и мотивы являются в них наиболее частотными. Выясняется, что петрозаводчане все чаще увлекаются legend-tripping-ом, посещая топофобные места в надежде испытать на себе их суггестивное воздействие.

Ключевые слова: городская легенда; Петрозаводск; быличка; топофобное пространство; суггестивный; мотив

Поступила: 18.09.2025

Принята к печати: 07.11.2025

Для цитирования: Сафрон Е.А. Городские легенды и былички о топофобных локациях Петрозаводска: особенности поэтики через

**Сафрон Елена Александровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия; 00inane@gmail.com

Safron Elena Aleksandrovna – DSc in Philology, Professor of the Department of Germanic Philology and Scandinavian Studies at the Institute of Philology at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; 00inane@gmail.com

© Сафрон Е.А., 2026

призму суггестивности // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 67–79. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.05

Safron E.A.

Urban Legends and Tales about Topophobic Petrozavodsk Locations: Features of Poetics through the Prism of Suggestiveness

Abstract. The article examines urban legends and tales dedicated to various Petrozavodsk locations, in terms of experiencing topophobia during visits to these places. By using the methods of motive, comparative, psychological, and structural-typological analysis, the author of the article explores how the designated genres reflect the public perception of these places and what folklore and mythological images and motives are the most frequent in them. It turns out that Petrozavodsk residents are increasingly fond of legend-tripping, visiting topophobic places in order to experience their suggestive impact.

Keywords: urban legend; Petrozavodsk; true story; topophobic space; suggestive; motive

Received: 18.09.2025

Accepted: 07.11.2025

For quoting: Safron E.A. Urban Legends and Tales about Topophobic Petrozavodsk Locations: Features of Poetics through the Prism of Suggestiveness // Herald of Culturology. – 2026. – No. 1(116). – P. 67–79. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.05

Введение

Петрозаводск с момента его основания воспринимается как непригодный для нормальной жизни топос. Так, В.Н. Майнов в «Поездке в Обонежье и Корелу» (1874) пишет, что когда одному питерскому чиновнику поступило предложение посетить Петрозаводск, то он «ужаснулся при одной мысли о поездке в эту болотную трущобу, куда даже, по его мнению, и пробраться то невозможно» [Майнов, 1874, с. 3].

В настоящей статье речь пойдет о городских легендах и быличках Петрозаводска, подтверждающих топофобное восприятие отдельных городских локаций, создающих ощущение страха или высокий уровень беспокойства у тех, кто там оказывается.

В первую очередь считаем нужным прояснить терминологический аппарат, используемый в исследовании. Под городской легендой мы будем подразумевать «устный прозаический рассказ, основным содержанием которого является описание возможных или реальных фактов прошлого» [Майер, 2008, с. 5], тематика которого «определяется жизнью города или пригородной зоны» [Ланская, 2006, с. 4].

Ч. Хит, К. Белл, Э. Стернберг настаивают на том, что особая популярность городской легенды определяется не ее семантикой, а высокой степенью суггестивности, т.е. оказываемым на слушателей психологическим воздействием, обусловленным прежде всего тем, что ее содержание может восприниматься как достоверное [Heath, 2001]. В качестве подтверждения данному положению И.С. Веселова [Веселова, 2003, с. 536] ссылается на исследования по поводу выявления слов-стимулов, проводимые авторами «Русского ассоциативного словаря» [Русский ассоциативный словарь, 2002, т. 1], согласно которым реакция респондентов всегда концентрируется на категории достоверное – недостоверное: «стимулы сплетня, слухи, байки, анекдот, сказки неизменно ассоциируются с брехней, враками, в то время как стимулы история, случай, рассказ, новости не вызывают таких реакций» [Веселова, 2003, с. 536].

С нашей же точки зрения, такая характеристика более соответствует другому фольклорному жанру несказочной прозы – быличке – демонологическому рассказу от лица очевидца или его знакомого о встрече с представителями потустороннего мира, цель которого – убедить слушателя в истинности происходящего [Зуева, 2001, стб. 108]. Таким образом, быличка воспринимается рассказчиком как реальное происшествие, связанное с личным субъективным опытом, тогда как городская легенда демонстрирует тенденцию к обобщению и ее претензии на достоверность могут подвергаться сомнению. Тем не менее, в отдельных случаях при анализе Петрозаводских фольклорных рассказов о необычайном мы сталкиваемся с проблемой невозможности четкого разграничения жанра: представленные рассказы могут аппелировать к событиям прошлого, источник информации о которых может быть и не указан (одним из самых распространенных вариантов оформления является обращение к синтаксической конструкции «говорят, что...»), но далее они трансформируются в быличку благодаря введению семантического компонента *legend-tripping*-а (термин американских фольклористов Б. Эллиса [Ellis, 1983] и Л. Дега [Degh, 1980], подразумевающего факт посещения топофобной локации на предмет верификации самой легенды уже

конкретным субъектом и уже в настоящем времени. Характерным образцом такого жанрового синтеза является легенда о многоквартирном доме «Чих-пых», которую мы подробно разберем ниже.

Для отечественной исследовательской практики жанр городской легенды еще достаточно молод. Так, в России этот термин вводится в научный оборот только с 1990-х – начала 2000-х годов и является калькой с английского “urban legend” [Равинский, Синдаловский, 1995; Майер, 2008]. В свою очередь, термин «быличка» вошел в научную практику еще в 1915 г. с подачи братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых и был заимствован ими из лексикона новгородского крестьянства [Зуева, 2001, стб. 108].

Под топофобной локацией понимается район или отдельный городской объект, по тем или иным причинам вызывающий у местных жителей чувство страха. Ранее топофобные городские пространства уже попадали в сферу внимания отечественных исследователей. Так Ю.В. Преображенский рассматривал особенности восприятия районов жителями Перми и Нижнего Новгорода [Преображенский, 2019], Г.Е. Имамбаева и И.О. Приходченко анализировали фольклорные тексты о Городском саде как о самом мистическом пространстве Павлодара [Имамбаева, Приходченко, 2021], В.В. Гейль изучала городские легенды о памятниках Челябинска [Гейль, 2022] и т. д. В то же время топофобные пространства Петрозаводска еще учеными не рассматривались, что подтверждает научную новизну представляемого исследования.

Методы и материалы

Основными источниками городских легенд выступили тексты интернет-фольклора (При этом особо подчеркнем, что речь пойдет именно о городской легенде как о традиционном жанре современного фольклора, распространенной посредством сети Интернет, на который сетевая форма бытования не оказывает никакого давления [Алексеевский, 2010, с. 152]), а также тексты, собранные карельскими фольклористами К.К. Логиновым и И.А. Разумовой в 1996–1997 гг. В качестве источника быличек выступили демонологические рассказы из личного архива автора статьи, собранные в 2024–2025 гг.¹

¹Особо обратим внимание на то, что информанты настаивали на анонимности, поэтому будет указан только их возраст.

В ходе работы над материалами исследования применялся следующий методологический инструментарий: метод мотивного анализа, позволивший вычлениить ключевые сюжетообразующие мотивы и специфику образного ряда петрозаводских легенд и быличек; компаративистский метод, необходимый для сопоставления как образцов упомянутых жанров, так и терминов «городская» и «современная легенда»; психологический метод, открывающий перспективу изображения эмоционального состояния участников событий; структурно-типологический метод, дающий возможность вычлениить разные типы жанровых сюжетов.

Несмотря на то, что на данный момент в отечественной научной практике не существует единого подхода к анализу городских легенд, нами за основу взята классификация А.В. Деминой, в которой ученый разводит разные типы легенд, согласно реализации в них принципа достоверности [Демина, 2022]. В свою очередь, при анализе быличек автор статьи опирается на классификацию по персонажному типу [Рейли, 2004, с. 203].

Легенды и былички о призраках

Провинциальный характер города заставляет его жителей создавать легенды, создающие ореол исключительности вокруг места их проживания. Один из самых распространенных типов сюжетов петрозаводских легенд – сюжет о проклятых / населенных призраками домах (фантастические легенды в классификации А.В. Деминой [Демина, 2022, с. 61]): «...здание то ли на улице Гоголя или Горького<...> люди, проходившие мимо, видели в пустых окнах как будто свет от свечи... Очень много человек об этом говорили, но когда туда заходили, там ничего не было, но впечатление складывалось, будто кто-то там ходил. Говорят, сейчас это здание снесли, и теперь ... это своими глазами не увидеть!» [Городские легенды, 2011–2012].

В городской среде мифологическое пространство переосмысливается. Если деревенские нарративы ориентированы на горизонтальную организацию пространства (поля, леса, реки), то городские легенды направлены на вертикальное измерение урбанистической среды (антиномия высокий этаж / подвал) [Неклюдов, 2003, с. 9]. Именно такое вертикальное соотношение локаций имеет место в легенде о недостроенном доме на Комсомольском проспекте, прозванном в народе «Чих-пых» (здание было снесено в 2021 г.): «— Если хотите поймать адреналину, спуститесь в подвал! — посоветовал жи-

тель района <...>. – Я вот буквально на днях впервые там оказался, ощущения покруче, чем от фильма ужасов какого-нибудь. Страшное место! Говорят, там подростки нескольких бомжей до смерти замучили!» [Flintotake, 2014].

Существует легенда о призраке, обитающем в Музее изобразительных искусств, располагающемся на площади Кирова. Согласно легенде, охранник застал его ночью у стенда с петроглифами, а камера видеонаблюдения зафиксировала факт присутствия постороннего человека в зале в ночное время [Попова, 2015].

Отдельного разговора в контексте мотива дома с привидениями заслуживает объект культурного наследия регионального значения – бывший особняк купца первой гильдии Марка Пименова, построенного в 1846 г. по ул. Луначарского, д. 2, в котором впоследствии располагались: Олонецкая губернская Контрольная Палата, епархиальное женское училище, учительская советская семинария, педтехникум, партшкола, гинекологический стационар родильного дома № 2 [Ициксон, 2015], а с 2020 г. – отделение для больных COVID-19. Этот последний в ряду упомянутых фактов и определяет обозначенный в начале параграфа мотив, возможность говорить о котором появилась у автора статьи благодаря рассказам персонала данного отделения, находившегося в здании во время круглосуточного дежурства.

Анализ свидетельств медицинских работников позволяет говорить об общей тенденции восприятия представителей потустороннего мира преимущественно на аудиальном (слышат вздохи, смех, шарканье тапок по полу), а не визуальном уровне (Тем не менее, в отдельных случаях информанты либо видят очертания существ, внешне похожих на человека, либо воспринимают образы умерших в точности в том виде и в той одежде, в которых их видели перед смертью). В качестве примера можно привести следующую быличку:

«В одну из ночных смен, когда я дежурила, услышала за стеной, что кто-то поет, без слов. Я предположила, что там не спит кто-то из пациенток и смотрит видео на телефоне. С этой мыслью я и задремала. Утром, когда я пошла на обход, я обнаружила, что в той палате никого и нет. Тогда я поняла, что звук шел с другой стороны, из-за стены, в той части больницы, где был забетонирован вход и людей априори быть не могло».²

Была также зафиксирована группа быличек, в центре которой – мотив света как преграды для представителей потустороннего мира:

²Из личного архива автора. Записано 14.08.2025. Возраст информанта – 37 лет.

информанты сообщают о необходимости оставлять в палатах на ночь включенные светильники, расположенные над головами больных, чтобы ночью они не испытывали страх и не жаловались на странные звуки и ощущение присутствия посторонних. Отметим, что особую роль в быличках играет мотив веры в силу христианских молитв и псалмов, прослушивание записей которых также помогает справиться с обозначенными выше проблемами.³

В любом городском пространстве кладбище как типичное топонимное пространство сопряжено с массой легенд и быличек. В Петрозаводске таким inferнальным, рубежным топонимом является Зарецкое Троицкое кладбище, (основано ок. 1724 г.), получившее свое имя от располагавшейся на его территории часовни, которая была разрушена в 1931 г. [Дмитриев, 1925] Само кладбище находится за рекой Лососинкой, т.е. на Зареке, и, несмотря на то что когда-то считалось самым престижным некрополем города, в настоящее время воспринимается местными жителями как район с невысоким уровнем благополучия. С этим кладбищем связана легенда о ведьме. Далее приведем текст легенды, записанный от одного из информантов и содержащий компонент *legend-tripping*-а:

«Я слышал эту историю в детстве, лет 40 назад. В XIX в. жила девушка, ей 16 лет было, когда она умерла. Умерла невестой, замуж не вышла, а вот почему она не упокоена, не знаю. Ей несут кукол, когда хотят о чем-то попросить. Последний раз я ее могилу не нашел. Видимо, она морок навела. Не хотела, чтобы к ней приходили».⁴

Были выделены отдельные легенды о призраках без точного определения адреса локации. К примеру, сразу 2 легенды связаны с общежитием одного из учебных заведений города, однако конкретное его расположение не указывается. В первой легенде рассказывается о призраке студента, который просит помолиться за него, когда кто-то оказывается в комнате, где он повесился. Во второй легенде речь идет о покончившей с собой из-за изнасилования девушке, чей призрак обитает в подвале общежития [Попова, 2015].

Существует также легенда о колдуне, умершем в неназванной городской больнице. Все свои заклинания и магические практики он фиксировал в тетради. После его смерти призрак колдуна начал беспокоить родственников. Они решили, что он ищет свою тетрадь. Она была найдена, и когда ее попытались закопать рядом с могилой, от-

³Из личного архива автора. Записано 14.08.2025. Возраст информанта – 37 лет.

⁴Из личного архива автора. Записано 14.12.2024. Возраст информанта – 45 лет.

куда-то с неба послышался громкий смех. Копавшие в страхе разбежались, но более призрак их не беспокоил [Попова, 2015].

Легенды и былички об НЛО

Во второй половине XX в. под влиянием нарастающих темпов космической гонки (первый полет в космос Ю. Гагарина 12 апреля 1961 г., посадка на Луну американского «Аполлона 11» в 1969 г., советско-американский полет в рамках программы «Союз-Аполлон» в 1975 г.) начали появляться легенды и былички, связанные с угрозой со стороны внеземных цивилизаций. В 1977–1978 гг. в прессе были зафиксированы многочисленные рассказы очевидцев, наблюдавших в карельской столице НЛО. Согласно одному из них, 20 сентября 1977 г. примерно в 04:00 на небе вспыхнула красно-белая «звезда» (по другой версии, объект имел желто-золотой цвет) [Миронов, 2014], принявшая форму медузы и осыпавшая Петрозаводск множеством струй, напоминающих дождь. Это явление длилось 10–12 минут.

После этого события некоторые жители обнаружили на окнах оплавленные сквозные отверстия диаметром 50–70 мм, однако экспертиза показала, что эти отверстия появились значительно позднее 20 сентября и, вероятно, были вызваны шаровой молнией.

Считается, что наблюдаемый феномен был связан с запуском спутника «Космос-955» с космодрома Плесецк, расположенного рядом с Архангельском, территориально близким к Петрозаводску [Машин, 2013].

Согласно еще одной быличке, 17 февраля 1985 г. грузовой поезд № 1702 следовал из Петрозаводска в Костомукшу. В 20:35 машинист заметил светящийся полупрозрачный шар, сначала двигавшийся параллельно составу, а потом преградивший путь. Несмотря на все усилия машиниста, тормозная система не сработала, что указывает на внешнее воздействие, произведенное со стороны НЛО, однако ни сам машинист, ни его помощник не пострадали [Flintotake, 2014a].

30 ноября в 8:02 1990 г. над районом Соломенное поднялся круглый светящийся белым светом объект [Flintotake, 2014b]. Как сообщила одна из очевидиц: «В полдень еще был виден расплывающийся бирюзовый след в небе. Взлет вертикальный, точечный, как будто фонарь на подъемном кране. Потом ярче, шире, выше» [Городские легенды, 2011–2012].

Представленные былички содержат компоненты научного обоснования и типичные суггестивные мотивы, характерные для устных рас-

сказов об НЛО: мотив бессилия человека перед мощью инопланетных объектов, а также мотив слепящего света. Эта тематическая группа быличек демонстрирует синтез мифологического и рационального типа мышления, где установка на чудо сочетается с попыткой объяснить увиденное, вписать его в привычную картину мира. Можно также отметить близость этих быличек с теофаническими сюжетами о сошествии божества в неантропоморфной форме. В качестве примера можно вспомнить ветхозаветное снисхождение Святого Духа на апостолов: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» (Деян. 2:2–3). Особо отметим, что «В теофании Бог символически и знаково заявляет о своем присутствии, этим значение теофании исчерпывается, никаких дальнейших физических действий и манипуляций, имеющих собственную, не связанную с указанной прагматическую направленность, теофания не предполагает» [Прилуцкий, 2014, с. 12]. Именно такую ситуацию мы и видим в петрозаводских быличках об НЛО: для человека, наблюдающего это явление, нет никакого продолжения ситуации, в его жизни не происходит никаких изменений. Тем не менее, был зафиксирован вариант былички об НЛО, вызывающей панику. Так, одна из информанток описывает встречу с НЛО 1990 г. следующим образом: «Мы с мамой даже слышали, как они нам в голове сказали: идите сюда. И мы пошли. И врзались в пожилую пару, и это нас спасло, т.к. дед заорал, что это немцы и надо прятаться, и мы забежали в соседний подъезд нашего дома».⁵ Очевидно, что суггестивное воздействие, произведенное этим объектом на данных информантов, имело такую высокую степень интенсивности, что воспринималось как проявление крайней степени враждебности со стороны представителей внеземных цивилизаций (Очевидно, что сравнение с немцами воплощало высшую форму страха перед врагами, сформировавшегося еще в эпоху Второй мировой войны).

Отметим, что суггестивный эффект, производимый такими текстами, носит глобальный характер – в такой ситуации уже весь город становится топофобным пространством.

⁵Из личного архива автора статьи. Записано 11.08.2025. Возраст информанта – 38 лет.

Заключение

В результате проделанной работы сформулированы следующие выводы: современное городское население менее серьезно воспринимает саму идею табу в отношении контактов с представителями потустороннего мира, играющую принципиально важную роль для жителей сельской местности, поэтому практика legend-tripping-а начинает носить все более глобальный характер. В погоне за новыми впечатлениями петрозаводчане все чаще и чаще вторгаются в топофобное пространство. Исключение в этом ряду, как видно из анализа текстов городских легенд и быличек, составляют медицинские работники: в силу специфики ответственности за жизнь своих пациентов, стараются не только не нарушать запреты, но и выстраивать относительно гармоничные отношения с миром сверхъестественного.

Список литературы

Исследования

Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. – С. 151–166.

Веселова И.С. Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 534–544.

Гейль В.В. Мифология города: легенды и предания о челябинских памятниках // Челябинский гуманитарий. 2022. – № 2 (59). – С. 6–10. – DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10201.

Демина А.В. Городская легенда в контексте проблематики культурной безопасности // Caspium Securitatis. 2022. – № 4. – С. 54–64. – DOI: 10.54398/2713024X_2022_2_4_54

Имамбаева Г.Е., Приходченко И.О. Мистические мотивы в городских легендах Павлодара (на примере цикла легенд о Горсаде) // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. – № 1. – С. 149–158.

Зуева Т.В. Быличка // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва : Интелвак, 2001. – Стб. 108.

Ицисон Е. Про дом, который построил Марк Пименов // Лицей. – 29.04.2015. – URL: <https://gazeta-licey.ru/projects/architecturepetrozavodsk/32487-pro-dom-kotoryiy-postroil-mark-pimenov>.

Ланская Ю.С. Американская городская легенда в контексте постфольклорной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2006. – 21 с.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов ; Ин-т рус. яз. ; Рос. акад. наук. – Москва : АСТ : Астрель, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции. – 781 с.

Майер А. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт всеобщей истории РАН. – Москва, 2008. – 20 с.

Неклюдов С.Ю. Фольклорные традиции современного города // Современный городской фольклор / под ред.: А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 5–24.

Преображенский Ю.В. Районы нижнего Новгорода и Перми: особенности восприятия жителями // Географический вестник. 2019. – №1 (48). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rayony-nizhnego-novgoroda-i-permi-osobennosti-vospriyatiya-zhiteleyami/viewer>.

Прилуцкий А.М. Теофания в мире и в дискурсе // Вестник РХГА. 2014. – № 2. – С. 11–17.

Равинский Д.К. Городская мифология // Современный городской фольклор / под ред.: А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 409–419.

Равинский Д.К., Синдаловский Н. Современные городские легенды: Петербург // Живая старина. 1995. – № 1. – С. 5–8.

Разумова И.А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор / под ред.: А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 544–559.

Рейли М.В. Опыт классификации быличек // Русский фольклор: материалы и исследования / отв. ред.: М.Н. Власова, В.И. Жекулина. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – Т. 32. – С. 203–222.

Ellis B. Adolescent Legend-Tripping // Psychology Today. – (USA, August, 1983). – P. 68–69.

Degh L. The House of Blue Lights in Indianapolis // L. Degh (Ed.). Indiana Folklore: A Reader. – Bloomington : Indiana University Press, 1980. – P. 179–194.

Heath C. Emotional Selection in Memes: The Case of Urban Legends. – Stanford University. Duke University. – April 2001. – URL: <http://pascalfroissart.free.fr/3-cache/2001-heath.pdf>

Источники

Дмитриев П.В., протоиерей. 200 лет Зарецкому кладбищу // Церковный вестник. 1925. – № 2–3.

Личный архив Е.А. Сафрон: Записано 11.08.2025. Возраст информанта – 38 лет; записано 14.08.2025. Возраст информанта – 37 лет; записано 14.12.2024. Возраст информанта – 45 лет.

Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Корелу. – Санкт-Петербург : Тип. В. Демакова, 1874. – 215 с.

Машин А. Петрозаводский феномен // Столица на Онего. – 15 октября 2013. – URL: <https://stolicaonego.ru/articles/215699/>.

Миронов А. Петрозаводский феномен, прогремевший на весь мир // Livejournal. – 23.01.2014. – URL: <https://amironof.livejournal.com/category/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/>.

Городские легенды // VIP Форум Ситилинк. – 2011–2012. – URL: <https://vip.karelia.pro/Gorodskie-Legendi-t284864.html-sid=0be9286944550e96e7cf6479562281a7>.

Flintotake Городские легенды Петрозаводска и Карелии // Livejournal. – 17.03.2014a. – URL: <https://flintotake.livejournal.com/4851.html>.

Flintotake Заброшенные места в Петрозаводске // Livejournal. – 19.03.2014b. – URL: <https://flintotake.livejournal.com/5088.html?es=1>.

Попова Ю. Призраки повесившегося студента и пес-телепат: собрали самые жуткие истории из жизни Петрозаводска (из личного архива К.К. Логина) // Губерния Daily. – 30.10.2015. – URL: <https://gubdaily.ru/article/capitalcity/prizraki-povesivshegosya-studenta-i-iznasilovannoj-devushki-sobrali-samy-zhutki-istorii-iz-zhizni-petrozavodsk/>.

References

Alekseevskij, M.D. Internet v fol'klоре ili fol'klор v Internetе? (Sovremennaya fol'klорistika i virtual'naya real'nost') [Internet in Folklore or Folklore on the Internet? (Modern Folklore Studies and Virtual Reality)]. In *Ot kongressa k kongressu: Navstrechu Vtoromu Vserossijskomu kongressu fol'klорistov* [From Congress to Congress: Towards the Second All-Russian Congress of Folklorists]. Moscow, Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klора Publ. 2010, pp. 151–166. (In Russ.)

Geyl', V.V. Mifologiya goroda: legendy i predaniya o chelyabinskikh pamyatnikakh [The City's Mythology: Legends and Stories about Chelyabinsk's Monuments]. In *Chelyabinskij gumanitariy*, no. 2 (59), 2022, pp. 6–10. DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10201. (In Russ.)

Veselova, I.S. Pragmatika ustnogo rasskaza [Pragmatics of Oral Storytelling]. In *Sovremennyy gorodskoj fol'klор*. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit un-t, 2003, pp. 534–544. (In Russ.)

Demina, A.V. Gorodskaya legenda v kontekste problematiki kul'turnoj bezopasnosti [Urban Legend in the Context of Cultural Security Issues]. In *Caspium Securitatis*, no. 4, 2022, pp. 54–64. DOI: 10.54398/2713024X_2022_2_4_54. (In Russ.)

Zueva, T.V. Bylichka [A Tale]. In *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij*, Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow, Intevalk Publ., 2001. Column 108. (In Russ.)

Imambaeva, G.E., Prikhodchenko, I.O. Misticheskie motivy v gorodskikh legendakh Pavlodara (na primere tsikla legend o Gorsade) [Mystical Motifs in Urban Legends of Pavlodar (Based on the Cycle of Legends about the City Garden)]. In *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede Experto: Transportation, Society, Education, Language], no. 1, 2021, pp.149–158. (In Russ.)

Icison, E. Pro dom, kotoryj postroil Mark Pimenov [About the House That Mark Pimenov Built]. In *Licej*. 29.04.2015. URL: <https://gazeta-licey.ru/projects/architecture-petrozavodsk/32487-pro-dom-kotoryiy-postroil-mark-pimenov>. (In Russ.)

Lanskaya, Yu.S. *Amerikanskaya gorodskaya legenda v kontekste postfol'klornoj kul'tury* [American Urban Legend in the Context of Post-Folklore Culture]: Author's Abstract. Diss. ... Phd. in Filol. Sciences. Izhevsk, 2006. 21 p. (In Russ.)

Majer, A. *Moskovskie gorodskie legendy kak istoricheskij istochnik: istoricheskaya pamyat' i obraz goroda* [Moscow Urban Legends as a Historical Source: Historical Memory and Image of the City]: Author's Abstract. Diss. ... Phd in hist. sciences. Institute for General History RAS, Moscow, 2008. 20 p. (In Russ.)

Neklyudov, S.Yu. Fol'klornye tradicii sovremennogo goroda [Folklore Traditions of the Modern City]. In *Sovremennyy gorodskoj fol'klор*. Ed. by: A.F. Belousova, I.S. Veselova, S.Yu. Neklyudov. Moscow, Russ. state gumanit. university, 2003, pp. 5–24. (In Russ.)

Preobrazhenskii, Yu.V. Rayony nizhnego Novgoroda i Permi: osobennosti vospriyatiya zhitelyami [Districts of Nizhny Novgorod and Perm: Features of Perception by Residents]. In *Geograficheskii vestnik*, no. (48), 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rayony-nizhnego-novgoroda-i-permi-osobennosti-vospriyatiya-zhitelyami/viewer>. (In Russ.)

Priluckij, A.M. Teofaniya v mire i v diskurse [Theophany in the World and in Discourse]. In *Vestnik RHGA*, no. 2, 2014, pp. 11–17. (In Russ.)

Ravinskij, D.K. Gorodskaya mifologiya [Urban Mythology]. In *Sovremennyy gorodskoj fol'klor [Modern Urban Folklore]*. Ed. by: A.F. Belousova, I.S. Veselova, S.Yu. Neklyudov. Moscow, Russ. State Gumanit. University, 2003, pp. 409–419. (In Russ.)

Ravinskij, D.K., Sindalovskij, N. Sovremennye gorodskie legendy: Peterburg [Modern Urban Legends: Saint Petersburg]. In *Zhivaya starina*, no. 1, 1995, pp. 5–8. (In Russ.)

Razumova, I.A. Neskazochnaya proza provincial'nogo goroda [Provincial Town Non-fairytale Prose]. In *Sovremennyy gorodskoj fol'klor [Modern Urban Folklore]*. Ed. by: A.F. Belousova, I.S. Veselova, S.Yu. Neklyudov. Moscow, Russ. State Gumanit. University, 2003, pp. 544–559. (In Russ.)

Rejli, M.V. Opyt klassifikacii bylichek [Classification Experience of Tales]. In *Russkij fol'klor: materialy i issledovaniya [Russian folklore: materials and research]*. Ed. by: M.N. Vlasova, V.I. Zhekulina. Saint Petersburg, Vol. 32, 2004, pp. 203–222. (In Russ.)

Russkij asociativnyj slovar': v 2 t. [Russian Associative Dictionary: in 2 Volumes]. Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov; In-t rus.yaz. ; Ros.akad. nauk. Moscow, ACT : Astrel', Publ. 2002. V. 1 : Ot stimula k reakcii [From Stimulus to Reaction]. 781 p. (In Russ.)

Ellis, B. Adolescent Legend-Tripping. In *Psychology Today*. (USA, August, 1983), pp. 68–69.

Degh, L. The House of Blue Lights in Indianapolis. In L. Degh (Ed.). *Indiana Folklore: A Reader*. Bloomington, Indiana University Press, 1980. pp.179–194.

Heath, C. *Emotional Selection in Memes: The Case of Urban Legends*. Stanford University. Duke University. April 2001. URL: <http://pascalfroissart.free.fr/3-cache/2001-heath.pdf>.

*Вилейкис А.**

**ГОРОДСКАЯ СРЕДА СПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ И ЭФФЕКТ
«ЛАМПОВОСТИ»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ
VS. ТОПОФОБИЯ^{©1}**

Аннотация. Эссе рассматривает спальные районы российской городской периферии как пространство одновременного укоренения и тревоги. Вводится аффективное понятие «ламповости» – теплой, интимной, повседневной привязанности к «непримечательным» панельным кварталам, возникающей через телесные практики, субъективные ритмы и «обживание» среды. Параллельно анализируется «темная» сторона города – топофобия, всплывающая при сбоях повседневности и изменении режимов восприятия (ночь, пустота, поломка инфраструктуры). Теоретическая рамка строится на трактовке города как гиперобъекта (Вилейкис, Ханова), феноменологии «жуткого» и памяти места, а также на идее «тёмной урбанистики». Показано, что ламповость и топофобия составляют диалектическую пару, по-разному проявляющуюся в одном и том же районе; первая опира-

**Вилейкис Александр – философ, социолог, профессор Алмаатинского университета менеджмента (AlmaU), директор книжной премии им. Н.А. Рубакина; Алматы, Казахстан; alexandro.vileykis@gmail.com*

Vileykis Alexander – Philosopher, Sociologist, Professor at the Almaty Management University (AlmaU), the Director of the N.A. Rubakin Book Prize. Almaty, Kazakhstan; alexandro.vileykis@gmail.com

© Вилейкис А., 2026

¹Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Влияние урбанизации на радикализацию исламского фундаментализма на примере Алматы: угрозы и меры противодействия» (ИРН AP23489903)

ется на совместное обитание и аффективную архитектуру, вторая указывает на разрывы в настройке среды и сценариев пользования. Делается вывод о необходимости проектных и управленческих подходов, учитывающих эмоциональную сложность периферии: не романтизировать уют, не демонизировать тьму, а «тонко настраивать» свет, обзоры, маршруты и формы соседского участия.

Ключевые слова: спальные районы; городская периферия; ламповость; топофобия; топофилия; гиперобъект; повседневность; аффективная архитектура; феноменология места; ритм-анализ; темная урбанистика; городская антропология

Поступила: 01.10.2025

Принята к печати: 03.12.2025

Для цитирования: Вилейкис А. Городская среда спальных районов и эффект «ламповости»: повседневная привязанность vs. топофобия // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 80–89. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.06

Vileykis A.

The Urban Environment of Residential Microdistricts and the “Cozy Intimacy” Effect: Everyday Attachment vs. Topophobia

Abstract. The essay explores Russia’s dormitory districts (urban periphery) as spaces where homely attachment and spatial anxiety co-exist. It introduces *lampovost’* – a term for the warm, intimate affect of everyday attachment to ostensibly “unremarkable” panel-block neighborhoods, produced through embodied routines, subjective rhythms, and practices of domestication. In parallel, it analyzes the city’s “dark” side – topophobia – that surfaces when everyday order breaks down or perceptual regimes shift (night, emptiness, infrastructure failure). The theoretical frame draws on the city-as-hyperobject (Vileykis, Khanova), the phenomenology of the uncanny and place-memory, and “dark urbanism.” The essay argues that *lampovost’* and topophobia form a dialectical pair manifested within the same locale: the former relies on cohabitation and affective architecture; the latter signals ruptures in environmental tuning and use-scenarios. It concludes with implications for design and governance on the periphery: avoid romanticizing coziness or demonizing darkness; instead, fine-tune light, sightlines, everyday routes, and neighborly participation to match the area’s emotional complexity.

Keywords: dormitory districts; urban periphery; lampovost' (homely warmth); topophobia; topophilia; hyperobject; everydayness; affective architecture; phenomenology of place; rhythmanalysis; dark urbanism; urban anthropology

Received: 01.10.2025

Accepted: 03.12.2025

For quoting: Vileykis A. The Urban Environment of Residential Microdistricts and the “Cozy Intimacy” Effect: Everyday Attachment vs. Topophobia // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 80–89. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.06

*Мне привычно блуждать по окраинам собственного города – по спальным районам, где высокие панельные дома образуют серый горизонт. Вечерами, шагая вдоль рядов одинаковых окон, я ощущаю себя частью чего-то неизмеримо большего. **Город – гиперобъект** существует одновременно повсюду и нигде, оставаясь неуловимым и **внешним** по отношению к людям [Вилейкис, Ханова, 2021]. Человек знает крохотные фрагменты гиганта – двор, подъезд, маршрут автобуса – а всё остальное словно скрыто в тени. Однако именно эта тень, как ни странно, рождает и чувство уюта, и безотчетный страх. Как сочетаются **повседневная ламповость** – тёплая укоренённость моего бытия – и внезапные вспышки **топофобии**, когда знакомое место вдруг кажется чужим и пугающим? Как в российской городской периферии переплетаются гигантская нечеловеческая структура города и интимная структура **обживания** – освоения пространства жильцами?*

Введение

Спальные районы российских городов – типичные периферийные жилые массивы, застроенные преимущественно многоквартирными домами массовых серий – традиционно воспринимаются как монотонные «спальные» зоны без ярко выраженной идентичности и символического значения. Их жители днём выезжают в центр или другие деловые части города, а вечером возвращаются только для сна – отсюда и название. В обыденном сознании такие районы нередко противопоставляются историческому центру как лишённые «**капитала места**» [Борисов, Митин, Шаров, 2025, с. 38–49]: здесь нет знаменитых памятников, престижных учреждений или «откры-

точных» видов, формирующих привлекательный образ города. Тем не менее, спальные районы служат пространством повседневной жизни миллионов горожан и обладают особой атмосферой, которую в последнее время описывают понятием «*ламповость*».

Эффект ламповости – сленговое обозначение уютной, теплой, почти ностальгической атмосферы – парадоксальным образом проявляется даже в безликих панельных кварталах, становясь основой эмоциональной привязанности жителей к своему месту проживания. Одновременно периферийная городская среда таит в себе феномен **топофобии** – тревожного восприятия места, «*темной*» изнанки привычного пространства.

Периферия против центра: специфика спальных районов

С точки зрения урбанистики, периферийные жилые районы часто характеризуются недостатком символического капитала и **локальной мифологии** [там же]. Центр города концентрирует исторические памятники, значимые учреждения и «маркерные» места, складывающиеся в узнаваемый образ; напротив, периферия представляется анонимным пространством без «лица». Исследователи отмечают, что культурные нарративы и территориальные бренды обычно формируются вокруг центральных кварталов с богатой историей, тогда как менее «ресурсные» окраины остаются вне поля внимания. Это порождает стереотип о неизбежной непривлекательности периферии для горожан и туристов.

Однако подобное противопоставление во многом упрощено. Периферия – это не «*вакуум*» городских смыслов, но место повседневного обитания, где протекает жизнь огромного числа людей. Здесь со временем складываются собственные **локальные идентичности** и сообщества [Серто, 2008, с. 24–38]. Даже если на городских окраинах меньше общепризнанных «достопримечательностей», у жителей формируются свои *значимые места*: двор, детская площадка, окрестный сквер, любимый маршрут до дома. Как отмечают социологи К. Глазков и Е. Зверева [Глазков и др., 2014, с. 165–189], рассказывая о городе через призму «любимых мест», сами горожане нередко размыывают жесткую границу между центром и периферией, прокладывая личные смысловые маршруты по окраинным пространствам. По сути, для жителей понятие «*родной район*» не тождественно историческому центру – им становится именно та городская среда, где проходит будничная жизнь. Периферийные районы, хоть и

бедны на официальные символы, обладают важнейшим ресурсом – **повседневностью**, которая и делает их значимыми для местных жителей. Повседневность выражается в привычности, обыденности районов, теми локальными символами и связями, которые жители с ними ассоциируют. Стоит отметить, что повседневность – это характерная черта именно жилых спальных районов – именно в этом месте человек ощущает себя как дома, здесь проводится черта между «своим» и «чужим».

Повседневная привязанность и эффект «ламповости»

Несмотря на внешнюю непримечательность, можно предположить, что многие жители испытывают сильную **топофилию**, то есть любовь к своему месту проживания на периферии. Повседневная привязанность выражается в эмоциональных связях с привычным окружением: «родной двор», «свой подъезд», знакомый маршрут до магазина – все эти элементы складываются в чувство дома на уровне района. Подобная *доместикация* пространства – признак повседневной привязанности: окружающая среда воспринимается как продолжение личного пространства, источник безопасности и комфорта. Термин «*ламповость*», пришедший из молодёжного интернет-сленга, метко описывает атмосферу такого уюта и душевности. Ламповость ассоциируется с мягким, теплым светом старой лампы накаливания или лампового усилителя, создающим ощущение спокойствия и ностальгии. В применении к городской периферии это означает неожиданно комфортное, «*по-домашнему*» тёплое восприятие дворовых пространств, подъездов, советских панельных домов – всего того, что внешнему наблюдателю может казаться серым и безрадостным. **Повседневная культура** спального района – соседские общения на лавочке, семейные прогулки во дворе, обустройство своего балкона или палисадника – формирует уникальную атмосферу места. Можно сказать, что ламповость – это субъективная «*аура*» [Беньямин, 1996] повседневности, возникающая на стыке памяти, привычек и рутинных практик.

Любопытно, что элементы эстетики спальных районов сегодня вызывают у жителей ретроманию. В социальных сетях популярны сообщества, посвящённые «эстетике панелек» и советских микрорайонов: люди делятся фотографиями типовых дворов 1980-х годов, старых детских площадок, вечерних окон многоэтажек. То, что раньше воспринималось как урбанистический *недостаток*, оборачи-

вается культурным кодом целого поколения, выросшего на окраинах. **Ностальгия по детству** [Романова, Федорова, 2021 с. 6–18] в спальном районе становится эстетически привлекательной. Этот явный сдвиг в восприятии соответствует идее, что привлекательность места во многом *субъективна*: она связана с удовлетворением повседневных потребностей и ожиданий индивида. Для жителей панельной окраины её дворы и аллеи могут быть не менее дорогими сердцу, чем исторический бульвар в центре – ведь именно здесь удовлетворяются базовые жизненные потребности, происходит личная история.

Таким образом, периферийная среда порождает **повседневную ламповую привязанность**: глубокое эмоциональное укоренение в «непримечательном» пространстве. Оно преодолевает внешнюю непривлекательность района, создавая альтернативный взгляд: **изнутри** спальный район видится уютным миром со своими ценностями и приятными мелочами [Калацкая, Латыпова, 2018, с. 1007–1014].

Однако у этой *топофилии* окраин есть своя обратная сторона, проявляющаяся в иных обстоятельствах – феномен *топофобии*, о котором речь пойдет дальше.

Топофобия и «темная» сторона города

Топофобия, в противоположность топофилии, обозначает тревожное, неприязненное отношение к месту, вплоть до страха перед определённой локацией. Казалось бы, если человек привязан к своему району, откуда взяться боязни? Однако городское пространство, особенно в периферийных зонах, обладает **двойственной природой**. То самое привычное окружение, которое днём кажется уютным и безопасным, в иных условиях способно породить чувство беспокойства и отчуждения.

Топофобия позволяет испытать чувство бездомности, когда в устойчивой вроде бы обстановке начинает проявляться что-то недомашнее (unheimliche). Понятие unheimliche («жуткое», досл. «неродное») введено З. Фрейдом именно для описания ситуации, когда знакомое пространство внезапно оборачивается своей пугающей изнанкой – нечто чуждое, скрытое за фасадом обыденности [Ханова, 2019, с. 71–86].

Например, поздним вечером безлюдный двор, днём наполненный детским смехом, может показаться тревожным: тусклый фонарь отбрасывает резкие тени на типовые фасады, ветер стучит незакреп-

лётной створкой – знакомый двор словно превращается в декорацию фильма ужасов. Психогеографически монотонная планировка окраинных кварталов (повторяющиеся дома, пустые междомовые пространства) тоже порождает эффект дезориентации и дискомфорта у *аутсайдера*, впервые попавшего в такой район. В научной литературе описан феномен «*безликих пространств*», вызывающих у человека стресс из-за отсутствия ориентиров и индивидуальности места [Крюкова и др., 2024, с 8–15].

Отсюда рождается понятие аффективной архитектуры периферии. Под официальной, материализованной архитектурой из бетона и стекла скрыта ещё одна – невидимая архитектура аффектов, эмоций, которой население наделяет своё окружение. Панельный дом может быть уродлив с точки зрения академического канона, но для меня он, красив историями сотен семей, которые в нём живут. Каждая трещина в асфальте помнит чьи-то игры, каждое дерево посажено в чью-то честь. Такая «очеловеченная» среда начинает воздействовать на нас эмоционально [Стрельникова, 2012, с. 231–238].

В периферийных районах эта *изнанка* проявлена особо: здесь меньше контроля и регламентации, чем в центре, поэтому «*жуткое*» просачивается в реальность заметнее. Гастон Башляр в «Поэтике пространства» указывал, что даже дом – оплот уюта – имеет **темные места** (чердак и подвал), через которые в повседневность может проникнуть чуждое [Башляр, 2014]. Аналогично и спальный микрорайон имеет свои подвал и чердак в переносном смысле: запущенные пустыри между домов, темные подъезды, неосвещенные закоулки. Эти пространства функционируют как своего рода *контейнеры* городских страхов и мифов. Не случайно массовая культура рисует окраины городов как сцены действия криминальных или мистических историй – вспомним фильмы и романы, где в типовом районе происходят необъяснимые или страшные события.

Полина Ханова вводит понятие «**темная урбанистика**» [Ханова, 2019, с. 71–86], призывая изучать город не только в его празднично-визуальном облике, но и через призму звуков, ощущений, атмосферы страха и странности [Фишер, 2020]. Она, в частности, обращается к художественным образам *городской изнанки* у Нила Геймана, Макса Фрая, Чайны Мьевеля, а также к феноменологическим описаниям чувства топофобии у современного философа Дилана Тригга [Trigg, p. 2016]. Эти исследования показывают, что **тревога места** – не аномалия, а неотъемлемая часть опыта города. Городской житель привыкает не замечать «лишние», беспокоящие детали – скажем, забро-

шенный участок за домом или агрессивные граффити на стене – чтобы сохранить чувство комфортной повседневности. Но когда происходит *«поломка нормальной городской повседневности»*, вытесненные аспекты вырываются наружу, вызывая всплеск тревог, страхов и даже ужасов [Латур, 2019, с. 103–116]. Например, вспышка криминальной активности или техногенная авария в спальном районе внезапно обнажает его уязвимость, заставляя жителей взглянуть на свой привычный мир под новым, зловещим углом. Таким образом, топофобия в городе – это своего рода **тень топофилии**, проявляющаяся в моменты кризиса повседневности.

Пока все идет хорошо, человек любит свой район; стоит случиться сбою – та же среда внушает страх. В отличие от Башляра, идеализировавшего дом как источник благостной интимности, современная философия города отмечает амбивалентность: подлинное проживание места теперь осознаётся и через травматичный опыт, *через «ужас» как признак реальности* [Law, 2011]. Иначе говоря, **темное переживание** тоже укореняет человека в месте, хотя и негативным образом. Топофобия заставляет заново почувствовать пространство, остро переживая его характеристики – пустоту двора, холод бетонных стен, изоляцию от остального города. В этом плане она парадоксально дополняет ламповую привязанность: страх лишь подчёркивает, насколько важна была прежняя защищённость дома.

Диалектика «ламповости» и ужаса: единство места

Анализ показывает, что городская периферия – это **сложное, неоднозначное пространство**, сочетающее в себе черты уютного убежища и скрытого источника тревоги. Повседневная привязанность формирует позитивную эмоциональную географию спального района: для его обитателей он представляется теплым, освоенным и родным миром. Сосуществование ламповости и топофобии не свидетельствует о «хорошести» или «плохости» района – скорее, оно отражает фундаментальную особенность современной городской жизни. **Городской человек одновременно domesticiрует пространство и осознает его сверхличный характер**, выходящий за рамки индивидуального контроля.

Городская среда спальных районов, будучи «задним двором» большой урбанизации, не сводится ни к идиллии, ни к дистопии – она включает оба полюса. Это пространство, где под фонарным светом панельного двора рождается ощущение домашнего тепла, но в темноте того же двора может скрываться источник экзистенциального беспокойства.

Список литературы

- Башиляр Г. Поэтика пространства. – Москва : Ad Marginem, 2014. – 323 с.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – Москва : Медиум, 1996. – 240 с.
- Борисов И.А., Митин И.И., Шаров Г.Д. Привлекательность городской периферии как пространственное представление: теоретический синтез // Городские исследования и практики. 2025. – Т. 10. – № 1. – С. 38–49.
- Вилейкис А., Ханова П. Город-гиперобъект. Введение // Городские исследования и практики. 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 7–16.
- Глазков К.П. и др. Любимый район: к вопросу о привязанности к городу // Социология власти. 2014. – № 2. – С. 165–189.
- Калацкая Е.А., Латыпова М.С. Выявление методов тактического урбанизма... // Студенческий научный вестник. 2018. – № 3–7. – С. 1007–1014.
- Крюкова А. и др. Искусство и философия: преодолевая токсичную позитивность // Городские исследования и практики. 2024. – Т. 9. – № 3. – С. 8–15.
- Латур Б. Габриель Тард и конец социального // Социология власти; Логос. 2019. – Т. 29. – № 5 (132). – С. 103–116.
- Романова А.П., Федорова М.М. «Советская ностальгия» несоветского поколения // Российский журнал социальных наук. 2021. – Т. 22. – № 1. – С. 6–18.
- Серто М.Д. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 24–38.
- Стрельникова А.В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник ... «Филология. Социология. Искусствоведение». 2012. – № 2 (82). – С. 231–238.
- Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 256 с.
- Ханова П. Темные города: темная экология и Urban Studies // Логос. 2019. – Т. 29. – № 5 (132). – С. 71–86.
- Law J. Assembling the Baroque // Working Paper Series. – 2011. – No. 109. – P. 1–18.
- Trigg D. Topophobia: A Phenomenology of Anxiety. – London : Bloomsbury Publishing, 2016. – 257 p.

References

- Bachelard, G. *Poetika prostranstva* [*The Poetics of Space*]. Moscow : Ad Marginem Publ., (2014). 323 p. (In Russ.)
- Benjamin, W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vospriizvodimosti* [*The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*]. Moscow : Medium, Publ. 240 p. (In Russ.)
- Borisov, I.A., Mitin, I.I., Sharov, G.D. Privlekatel'nost' gorodskoy periferii kak prostranstvennoe predstavlenie: teoreticheskiy sintez [The Attractiveness of the Urban Periphery as a Spatial Representation: A Theoretical Synthesis]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [*Urban Studies and Practices*]. V.10, no. 1, 2025, pp. 38–49. (In Russ.)
- de Certeau, M. Po gorodu peshkom [Walking in the City]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociological Review*]. V. 7, no. 2, 2008, pp. 24–38. (In Russ.)

Fisher, M. *Prizraki moey zhizni: Teksty o depressii, khontologii i utrachenom budushchem* [Ghosts of My Life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 256 p. (In Russ.)

Glazkov, K.P., et al. Lyubimyy rayon: k voprosu o privyazannosti k gorodu [The “Favorite Neighborhood”: On Urban Attachment]. In *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], no. 2, 2014, pp. 165–189. (In Russ.)

Kalatskaya, E.A., Latypova, M.S. Vyyavlenie metodov takticheskogo urbanizma... [Identifying Methods of Tactical Urbanism...]. In *Studencheskiy nauchnyy vestnik* [Student Scientific Bulletin], no. 3–7, 2018, pp. 1007–1014. (In Russ.)

Khanova, P. Tyomnye goroda: tyomnaya ekologiya i Urban Studies [Dark Cities: Dark Ecology and Urban Studies]. In *Logos*. V. 29, no. 5/132, 2019, pp. 71–86. (In Russ.)

Kryukova, A., et al. Iskusstvo i filosofiya: preodolevaya toksichnuyu pozitivnost' [Art and Philosophy: Overcoming Toxic Positivity]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. V. 9, no. 3, 2024, pp. 8–15. (In Russ.)

Latour, B. Gabriel Tarde i konets sotsial'nogo [Gabriel Tarde and the End of the Social]. In *Sotsiologiya vlasti*; *Logos*. V. 29, no. 5/132, 2019, pp. 103–116. (In Russ.)

Law, J. Assembling the Baroque. In *Working Paper Series*, no. 109, 2011, pp. 1–18.

Romanova, A.P., Fedorova, M.M. “Sovetskaya nostalg'iya” nesovetskogo pokoleniya [“Soviet Nostalgia” of a Non-Soviet Generation]. In *Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [Russian Journal of Social Sciences]. V. 22, no. 1, 2021, pp. 6–18. (In Russ.)

Strelnikova, A.V. “Mesta pamyati” v gorodskom prostranstve [“Places of Memory” in Urban Space]. In *Vestnik... “Filologiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie”*, no. 2(82), 2012, pp. 231–238. (In Russ.)

Trigg, D. *Topophobia: A Phenomenology of Anxiety*. London, Bloomsbury Publishing, 2016. 257 p.

Vileykis, A., Khanova, P. Gorod-giperob'yekt. Vvedenie [The City as a Hyperobject: An Introduction]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. V. 6, no. 4, 2021, pp. 7–16. (In Russ.)

МАТЕРИАЛЫ

УДК 304.2

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.06

Пепеляева С.В.*¹, Шарова М. Ю.*²

ГОРОД КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: РАЗРАБОТКА ИНКЛЮЗИВНОЙ МУЗЕЙНОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С РАС (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)®

Аннотация: В статье уточняется роль музеев в создании инклюзивной городской среды на примере программы «Летний городской лагерь» для детей с РАС в Нижнем Новгороде. Рассматривается содержание трех ключевых блоков проекта: музейные занятия, чат-бот и выездные экскурсии, направленные на изучение семиотики города. Анализируются методы адаптации контента и оценки его эффективности, а также перспективы трансформации подобных практик.

Ключевые слова: город; музей; доступная среда; инклюзивные программы; РАС

^{*1}***Пепеляева Софья Валерьевна*** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, доцент кафедры креативных индустрий и медиа коммуникаций ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; *sofia87@mail.ru*

Pepelyaeva Sofya Valerevna – PhD in Philology, Associate Professor of Department of Cultural Studies at Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Associate Professor of Department of Creative Industries and Media Communications at Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia; *sofia87@mail.ru*

^{*2}***Шарова Маргарита Юрьевна*** – младший научный сотрудник Нижегородского государственного художественного музея, Нижний Новгород, Россия; *margo_sha_02@mail.ru*

Sharova Margarita Yurevna – Junior Researcher at the Nizhny Novgorod State Art Museum, Nizhny Novgorod, Russia; *margo_sha_02@mail.ru*

© Пепеляева С.В., Шарова М.Ю., 2026

Поступила: 02.07.2025

Принята к печати: 29.08.2025

Для цитирования: Пепеляева С.В., Шарова М.Ю. Город как образовательное пространство: разработка инклюзивной музейной программы для детей с РАС (на примере Нижегородского государственного художественного музея) // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 90–104. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.07

Pepelyaeva S.V., Sharova M.Yu.

The City as an Educational Space: Developing an Inclusive Museum Program for Children with ASD (Case Study of the Nizhny Novgorod State Art Museum)

Abstract. The article clarifies the role of museums in creating an inclusive urban environment, using the “Summer Urban Camp” program for children with ASD in Nizhny Novgorod as a case study. It examines the content of three key program components: hands-on museum sessions, a helpful chatbot, and city field trips that teach kids to “read” urban spaces. The piece covers how they adapt content for different needs, measure what works, and the potential to expand programs like this elsewhere.

Keywords: urban environment; museum; barrier-free environment; accessibility initiatives; ASD

Received: 02.07.2025

Accepted: 29.08.2025

For quoting: *Pepelyaeva S.V., Sharova M.Yu.* The City as an Educational Space: Developing an Inclusive Museum Program for Children with ASD (Case Study of the Nizhny Novgorod State Art Museum) // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 90–104. – DOI: 10.31249/hoc/2025.03.07

В 2006 году американским социологом Ричардом Сеннетом было написано эссе «Открытый город». В нем исследователь активно критикует идею замкнутого пространства, провоцирующего формирование «хрупкого» города. Он отмечает, что современные города являются слишком закрытыми системами: сегрегированными, регламентированными и контролируемыми. Проблемой современного городского планирования социолог называет отсутствие в нем инноваций, помогающих установлению связи между населением. Альтернативой этого

«закрытого» города Р. Сеннет называет «открытый» город, где граждане активно дискутируют, совместно ищут пути решения каких-либо проблем, разрушают барьеры, формирующие ситуации непонимания, а планировщики, архитекторы экспериментируют с городскими формами, тем самым облегчая людям жизнь. Важная характеристика открытого города Р. Сеннета – возможность активного участия граждан в становлении, развитии городского пейзажа. Подобная гражданская и пространственная мобильность делает городскую среду общей платформой знакомства с городом для людей разного происхождения, культуры, уровня здоровья. Таким образом, открытый город независимо ни от чего помогает каждому его жителю «проживать» пространство.

Схожие идеи высказывает датский архитектор и консультант по городскому дизайну Ян Гейл. В работе «Города для людей» он отмечает, что современный город удобен для автомобилей, но не для людей. Градостроительная политика, реализующаяся в большинстве городов мира, не способствует формированию городского пространства, дружелюбного, удобного, ориентированного на нужды и потребности каждого жителя. Я. Гейл называет такой обращенный к человеку, его развитию город живым. Бурлящая в нем жизнь развивает рекреационную и социальную активность, включающую в себя, помимо прочего, «пешеходное движение, а также возможность участвовать в городской жизни» [Гейл, 2012, с. 63]. В рамках нашего исследования это уточнение автора о необходимости включения горожан в функционирование социокультурных пространств является ключевым. Живой город – социально устойчивая система. Его структурная и содержательная организация транслируют идею доступности, интеграции. «Город обретает демократическую функцию, обеспечивая знакомство людей с социальным разнообразием и пониманием тех, с кем приходится делить общее городское пространство. <...> Город должен быть всеобъемлющим и предоставлять место каждому» [Гейл, 2012, с. 109].

Р. Сеннет в «Открытом городе» указывает на сложившуюся пагубную для развития города, социокультурного городского контекста ситуацию изоляции, формирования зон урбанистической резервации, требующей оперативного решения, вмешательства извне. «Проблема <...> заключается в том, как создать в менее парадных пространствах такое же чувство родства между незнакомыми людьми» [Сеннет, 2022]. И, дискутируя с самим собой, социолог задает концептуальные вопросы: «Как преодолеть разрыв между внутренним и внешним пространствами? Как дизайн может дать новый рост? Как визуальная форма может способствовать вовлечению и самоопределению?»

[Сеннет, 2022]. Продолжая диалог с Р. Сеннетом, мы позволим себе расширить контекст и включить в него проблему социализации, интеграции в городское пространство людей с ограниченными возможностями здоровья. В силу нашего научно-производственного интереса мы будем говорить в первую очередь о детях с расстройством аутистического спектра (далее – РАС).

В современном мире инклюзия является не просто лозунгом, а существенной необходимостью. Статистические данные последнего десятилетия свидетельствуют о прогрессирующем росте диагностированных случаев РАС. По данным Всемирной организации здравоохранения, усредненный показатель распространенности РАС у детей составляет примерно 1 случай на 100. При этом значительное количество исследований, проводимых преимущественно в развитых странах, выявляет более высокую распространенность аутизма [Смена парадигмы ..., 2023].

Культурные институции (музеи, театры, библиотеки) играют ключевую роль в социализации детей с РАС, предоставляя организованную и структурированную среду для развития коммуникативных и когнитивных навыков. В отличие от хаотичных городских пространств, музеи предлагают предсказуемые сценарии взаимодействия с арт-объектами, что снижает тревожность у детей с РАС. Специально адаптированные программы позволяют постепенно включать их в социальные практики: от индивидуальных занятий к групповым активностям. Особое значение имеет мультисенсорный подход (тактильные артефакты, визуальные подсказки), который компенсирует особенности восприятия и создает условия для освоения новых поведенческих моделей. Такая системная работа способствует созданию сенсорно-дружелюбной и поддерживающей среды, где дети с РАС могут не только узнавать новое, но и правильно развивать свои социальные, коммуникативные и когнитивные навыки.

Для получения актуальных данных о готовности музеев к работе с посетителями с РАС и для выявления запроса на конкретные виды помощи (просветительской, методической и др.) ИКОМ России совместно с Федеральным ресурсным центром по организации комплексного сопровождения детей с РАС в 2020–2021 годах провел исследование «Посетитель с РАС в музее», в котором участвовали 160 сотрудников музеев России различного профиля. Так, было выявлено, что во многих музеях есть специалисты по работе с посетителями с РАС, однако комплексный подход в данной деятельности выделить можно далеко не во всех учреждениях культуры [Принципы органи-

зации ..., 2022]. Для многих сотрудников важна консультационно-методическая поддержка со стороны профессионального сообщества. В отечественных практиках вектор развития инклюзивной среды задают крупные столичные музеи – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственный Русский музей, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Дарвиновский музей. Во многих музеях есть специальные подразделения, отделы инклюзивной работы, центры музейной педагогики, которые работают с разными категориями посетителей.

Региональные музеи России также стараются выстраивать свою социальную миссию и формировать доступную среду. Так, например, благодаря поддержке благотворительного фонда «Свет» в Государственном Владимиро-Суздальском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике был реализован проект «А вдруг я – художник!» [Творческая лаборатория ...]. В Нижегородском государственном художественном музее реализуется долгосрочный проект «Искусство глазами “особенного” детства» [Искусство глазами особенного детства]. Инклюзивные программы реализуются в музее с 2017 года, а с 2019 года ведется регулярная работа с детьми и взрослыми с РАС.

Зарубежные музеи в своей работе с детьми с аутизмом используют принципы, лежащие в основе программы JASPER (Joint Attention, Symbolic Play, Engagement, Regulation), направленной на развитие у ребенка внимания, вовлеченности, регуляции и символической игры. Так, Музей современного искусства в Джексонвилле в рамках программы «Аутизм творит» (“Autism Creates”) предлагает семьям с детьми с РАС посетить мастер-классы и создать собственный культурный продукт, поучаствовать в сенсорных занятиях [MOCA Autism Creates]. В Детском музее Индианаполиса регулярной является программа «Партнерство для понимания аутизма» (“Partnership for Understanding Autism”), которая позволяет посетителям с особенностями ментального здоровья получить опыт взаимодействия с рядом музейных предметов [Upcoming Museum ...]. Музей науки в Лондоне реализует программу «Ранние пташки» (“Early Birds”), представляющую собой сенсорное мероприятие для семей с детьми с РАС, которым необходима более спокойная обстановка для посещения музея [Early Birds].

В организации работы с детьми с РАС в современных музейных учреждениях применяются следующие методики:

- задействование разных органов чувств во время музейных занятий;

- проведение творческих мастер-классов и организация арт-терапии;
- использование мультимедийных устройств и экспонатов;
- работа с тактильными моделями экспонатов;
- методы театрализации, элементы игры.

Безусловно, в рамках работы музеев с детьми с РАС необходимо создавать специализированные и привлекательные программы, которые могли бы сформировать у ребят с РАС позитивный образ музея как безопасного места, где они смогут заниматься творчеством.

В рамках данного исследования была создана прикладная разработка для Нижегородского государственного художественного музея (далее – НГХМ) – цикл культурно-досуговых мероприятий для семей с детьми с РАС «Летний городской лагерь».

Несмотря на наблюдаемый значительный прогресс в практике музейной инклюзии, городская среда Нижнего Новгорода по-прежнему остается малодоступной для людей с РАС. Эта проблема признаётся и частично решается через создание специализированных центров, образовательных программ и комплексных социальных услуг. Однако в официальных документах отмечается, что адаптивных программ недостаточно, а также существует необходимость в обучении специалистов и дальнейшем развитии безбарьерной городской среды с учётом особенностей людей с РАС [Концепция комплексного сопровождения ...; Сделать инклюзию нормой ...]. В ходе исследования были выявлены следующие ключевые компоненты проблемы несформированности доступной городской среды для людей с РАС:

– сенсорная перегрузка: отсутствие «тихих зон» в публичных пространствах (парках, улицах, транспорте), резкие световые / шумовые раздражители;

– дефицит визуальной навигации: мало тактильных карт, пиктограмм или адаптированных маршрутов;

– социальные барьеры: непонимание со стороны горожан, недостаток обученного персонала в общественных местах.

Анализ практики проведения в Нижнем Новгороде досуговых мероприятий для семей с детьми с РАС выявил ключевые проблемные зоны. В регионе в целом наблюдается низкая степень сформированности культурно-досуговой деятельности для детей с РАС и их семей, что отмечено в Концепции комплексного сопровождения людей с расстройствами аутистического спектра и другими ментальными нарушениями в Нижегородской области. Многие культурные учреждения предлагают разовые мероприятия, в то время как программы на постоянной основе представлены в меньшей степени. Ввиду этого необ-

ходимо отметить также низкий уровень социализации и интеграции детей с РАС в культурное пространство.

Отмеченные выше ограничения в городском пространстве и указанные проблемные зоны в контексте взаимодействия сферы культуры с людьми с РАС делают представленную музейную программу критически важным дискурсом: она не только знакомит с городом, но и готовит детей к взаимодействию с его неадаптированными элементами. Как отмечает Я. Гейл, «живой город» требует инфраструктуры, которая учит жителей делиться пространством [Гейл, 2012, с. 232] – проект способствует формированию этой культуры.

Проект «Летний городской лагерь» позволит семьям с детьми с РАС расширить спектр знаний о Нижнем Новгороде, развить когнитивные, социальные и коммуникативные навыки, создать условия для понимания ребенком с РАС городского пространства и социума. Кроме этого, такие мероприятия направлены на развитие эмоционального интеллекта детей с РАС, снижение тревожности, обучение детей выражению, пониманию и распознаванию своих чувств и эмоций. Вовлечение в программу взрослых также важно, поскольку это может способствовать гармонизации отношений в семьях, налаживанию коммуникации между родителями / опекунами и детьми и улучшению качества жизни этих семей. Проект позволяет создать условия для формирования культурной идентичности семей с детьми с РАС, а также для проявления уважения и любви к родному городу и восприятия его через простые символы.

Актуальность проекта для НГХМ обусловлена необходимостью расширения форм инклюзивной работы. В настоящее время музейная работа с детьми с РАС осуществляется исключительно через деятельность изостудии и организацию конкурсов, при этом новые инклюзивные форматы практически не разрабатываются и не внедряются. Однако музею важно создавать и другие, различные по форме и содержанию программы для детей с РАС, ориентированные на включение в жизнь ребят смежных социокультурных сфер, позволяющих значительно расширить музейно-педагогическую деятельность. Это позволит музею обеспечивать инклюзивность и доступность, а также оказывать социальную поддержку семьям с детьми с РАС и демонстрировать социальную ответственность.

Цель проекта «Летний городской лагерь» – создание условий для интеграции семей с детьми с РАС в культурно-досуговую деятельность через изучение семиотики городского пространства.

Данный проект состоит из трех блоков:

1. Цикл занятий в пространстве НГХМ о Нижнем Новгороде «Что такое город?».

2. Чат-бот «Городской навигатор».

3. Цикл выездных городских занятий «От Кремля до Стрелки».

Рассмотрим более подробно структуру и содержание каждого блока.

Блок 1. Цикл занятий «Что такое город?»

1. Вводное занятие «Знакомство с музеем».

2. «Дома, улицы, дороги» – изучение элементов городского пространства (улицы, здания, парки) посредством погружения в сюжеты работ из собрания Русского искусства НГХМ.

3. «Транспорт в городе» – изучение видов транспорта, просмотр фотографий и знаков с изображенными на них разными видами транспорта.

4. «Люди в городе» – знакомство с разными профессиями, различными контекстами социальных, коммуникативных, поведенческих практик людей в городе.

5. «Мой Нижний Новгород» – знакомство с образом Нижнего Новгорода сквозь призму изобразительного искусства (работы из экспозиции Русского искусства НГХМ и репродукции картин), изучение видов города из окон музея.

В рамках этого цикла занятий целевая аудитория (дети с РАС) погружается в контекст темы города, знакомится со знаковой и символической системой городского пространства и с музейной средой одновременно. На данном этапе происходит проверка навыков коммуникации и степень восприятия к новому материалу и новым площадкам. Зачастую детям с РАС нужно несколько первичных занятий для адаптации к новому пространству (3–4 занятия в среднем). Каждое занятие состоит из теоретической и практической (творческой) части, которая включает в себя создание рисунков и аппликаций, отражающих восприятие детьми с РАС городского пространства. Контрольные задания могут включать использование PECS-карточек по выбранной теме, задания на соотнесение изображений с их значением. В ходе реализации данного цикла мероприятий важно собирать обратную связь у семей с детьми с РАС, а также проводить консультации с родителями, озвучивая промежуточные итоги работы их детей.

По мере прохождения цикла «Летний городской лагерь» семьи с детьми с РАС могут пользоваться чат-ботом.

Блок 2. Чат-бот «Городской навигатор».

Цель – предоставить интерактивный и адаптированный для детей с РАС и их семей образовательный инструмент, знакомящий с семиотикой городского пространства.

В рамках разработки чат-бота для семей с детьми с РАС необходимо создание простого интерфейса, написание четких и понятных ребятам инструкций. Важно использовать большое количество демонстрационных материалов (изображений, фотографий, эмодзи), а также показать работу со звуком, яркостью и цветом. Функциональная структура чат-бота включает следующие ключевые компоненты:

1. Знакомство и анкета. Анкета заполняется совместно с родителями / опекунами ребенка. В чат-бот необходимо внедрить функцию родительского контроля, позволяющего проводить регулярный мониторинг степени эффективности программы и вовлеченности ребенка в нее. Каждый участник указывает имя, возраст, район проживания, выбирает из предложенных вариантов проведения свободного времени те, что ему нравятся, а также называет свой любимый цвет.

2. «Ты – участник летнего лагеря» – блок с заданиями для ребенка. Прохождение заданий осуществляется в соответствии со следующими модулями:

- «Что такое знак?» – закрепление знаний о дорожных знаках, условных обозначениях и символах города, выполнение заданий на сопоставление визуального оформления знака с его значением;

- «Знаки в городе» – знакомство с известными символами Нижнего Новгорода (Дмитриевская башня Нижегородского кремля, олень с герба Нижнего Новгорода, Стрелка и т. д.);

- «О цвете и форме» – представление зданий и карты Нижнего Новгорода как совокупности простых геометрических фигур, закрепление знаний о материалах, из которых строятся здания, а также выполнение заданий с выбором цветов (например, выбрать цвета, которые можно увидеть на небе во время заката);

- «Истории города» – совместное с родителями / опекунами участие в викторине об истории Кремля, Нижегородского государственного художественного музея, а также о людях, помогающих городу (например, о городских) или значимых для его истории (например, о Максиме Горьком);

- дополнительные задания, которые появляются по мере участия ребенка в мероприятиях проекта – отправить в чат-бот фото-

графию рисунка с символом города, загрузить в чат фотографию с символом города, который ребенок нашел сам и т. д.

К доступным функциям чат-бота, помимо родительского контроля, относятся советы для родителей (подборка культурно-досуговых площадок Нижнего Новгорода для семей с детьми с РАС, справочная литература, детский телефон доверия) и календарь мероприятий музея, соответствующих тому или иному этапу прохождения программы «Летний городской лагерь». Благодаря внедрению этих функций в чат-бот, обеспечивается комплексный подход и поддержка не только детей с РАС, но и их окружения.

Блок 3. Выездные занятия «От Кремля до Стрелки».

1. «Символы Кремля» – скетчинг-экскурсия с игровыми элементами. В рамках занятия ребята ищут символы города по картинкам на территории Нижегородского кремля. Каждый символ необходимо нарисовать на бумаге.

2. «Гуляем по Старому Нижнему» – знакомство с книгой Т.П. Виноградовой «Гуляя по Старому Нижнему», изучение фасадов старинных зданий города посредством сравнения представленных в книге фотографий и фотографий, соответствующих настоящему времени (Нижегородский кремль, усадьба Рукавишниковых, доходные купеческие дома).

3. «Карман России» – изучение фотографий нижегородской ярмарки М.П. Дмитриева, А.О. Карелина, М.П. Настюкова, представленные в книге «Гуляя по Старому Нижнему», экскурсия по территории Нижегородской ярмарки, зарисовка пейзажа с видом Стрелки.

После каждого выездного занятия для закрепления пройденного материала семьям предлагается прохождение викторины в чат-боте.

Одним из этапов разработки предложенного в данном исследовании проекта «Летний городской лагерь» было уточнение результатов его реализации, которые представлены в таблице 1.

Представленные количественные результаты позволяют определить уровень эффективности проекта как для целевой аудитории, так и для музея. Хотя представленные в таблице количественные данные могут показаться скромными, они отражают реальный опыт музеев, работающих с детьми с РАС. Как показывает практика, эффективное взаимодействие с такой аудиторией возможно только в малых группах (не более 10 участников). Сбор данных, соответствующих отмеченным показателям, должен осуществляться на разных этапах реализации

проекта. Например, сведения, полученные в результате опросов или глубинных интервью родителей / опекунов, позволят сформировать обратную связь и при необходимости трансформировать программу.

Таблица 1

Ожидаемые количественные результаты реализации цикла мероприятий в рамках проекта «Летний городской лагерь»

Показатель	Целевое значение	Источник данных
Охват целевой аудитории	Не менее 6 детей в группе, прошедших полный цикл мероприятий	Статистика посещаемости занятий
	Не менее 10 семей с детьми с РАС, прошедших регистрацию в чат-боте	Данные чат-бота
Прохождение консультаций	Более 50 % родителей / сопровождающих, посетивших консультации / воспользовавшихся онлайн-поддержкой	Опрос, глубинное интервью
Посещаемость занятий	90 % семей с детьми с РАС, посетивших полный цикл занятий	Статистика посещаемости занятий
Информационное сопровождение	Более трех публикаций о проекте на официальных ресурсах НГХМ	Интернет-ресурсы
	Более двух упоминаний о проекте в СМИ	Интернет-ресурсы

К ожидаемым качественным результатам можно отнести следующие показатели: формирование навыка запоминания (в данном контексте – символов Нижнего Новгорода), расширение словарного запаса, развитие умений классифицировать объекты по характерным признакам, развитие социальных навыков, повышение уровня сформированной доступной среды НГХМ, формирование его позитивного имиджа. Эффективность программы по указанным параметрам будет оцениваться с использованием следующих методов исследования: включенное наблюдение на занятиях, анкетирование и устные опросы родителей или опекунов, глубинное интервью, анализ творческих работ и результатов выполнения заданий на занятиях и в чат-боте.

Таким образом, проект «Летний городской лагерь» воплощает отмеченные ранее ключевые принципы «открытого города» Ричарда Сеннета и «города для людей» Яна Гейла через:

- создание «переходных пространств» (в терминологии Р. Сеннета)
- музей становится посредником между автономным миром детей с РАС и хаотичной городской средой. Выездные экскурсии постепенно формируют навыки навигации в городе, снижая тревожность;
- гибкость форматов – сочетание очных занятий, цифрового сопровождения (чат-бот) и практик в городской среде соответствует идее Я. Гейла о «мягкой инфраструктуре», адаптирующейся под пользователей;
- социальное сотворчество – вовлечение семей в совместную активность (скетчинг-экскурсии) реализует тезис Р. Сеннета о «разрушении барьеров» через коллективное взаимодействие.

Данная прикладная разработка имеет большие возможности своего дальнейшего развития. Так, функционал чат-бота может быть значительно расширен, например, его можно адаптировать не только для участников данного проекта, но и для других семей с детьми с РАС, у которых нет возможности регулярно посещать занятия. В таком случае чат-бот «Городской навигатор» может стать отдельным проектом, направленным на ведение информационной работы с семьями с детьми с РАС, а также инструментом, с помощью которого ребята могут получать новую информацию и закреплять пройденный материал вне зависимости от программы очных занятий. Кроме того, концепция чат-бота в дальнейшем может быть трансформирована для различных интернет-ресурсов или стать отдельным приложением.

Описанное расширение проекта соответствует идее Р. Сеннета о «визуальной форме, способствующей вовлечению»: разработка мобильного приложения с AR-маршрутами (например, распознавание символов города через камеру) могла бы стать следующим шагом к созданию «открытого города». Кроме того, вовлечение нейротипичных детей в совместные социальные практики, как предлагает Я. Гейл, создаст условия для естественной инклюзии вне музея.

Ведение работы с детьми с РАС должно проходить на регулярной основе. Одной из значимых перспектив развития предложенного проекта является создание постоянной программы, реализующейся в течение всего учебного года. В этом случае данная прикладная разработка сможет стать одним из тематических блоков. Возможно перенесение отдельных элементов программы в онлайн-формат, например, создание тематических видеороликов для семей с детьми с РАС. Пер-

воначально проект направлен на семьи с детьми младшего школьного возраста, в дальнейшем возможно значительное расширение целевой аудитории, что будет предполагать адаптацию данной программы для дошкольников или ребят среднего школьного возраста. Важно также подчеркнуть, что аналогов данной разработки в отечественном музейном пространстве практически нет, поэтому одной из перспектив развития проекта может стать разработка методических материалов, а также организация межмузейного сотрудничества для обмена опытом.

Для Нижегородского государственного художественного музея одно из приоритетных направлений работы – инклюзивное. Внедрение данной прикладной разработки может создать условия для расширения аудитории музея, привлечения новых заинтересованных сторон и создания устойчивого инклюзивного сообщества внутри музея. Реализация таких проектов подчёркивает приверженность организации принципам инклюзии и её интерес к экспериментальным форматам работы. Формирование доступной музейной среды с помощью внедрения подобных программ способствует улучшению имиджа НГХМ как универсального инклюзивного культурно-досугового учреждения. Внедрение данных мероприятий инициирует и трансформацию музейной деятельности по двум направлениям: а) создание инклюзивной экспозиционной среды, учитывающей когнитивные особенности различных групп посетителей; б) развитие кадрового потенциала посредством специализированного обучения и повышения квалификации.

Представленный цикл мероприятий «Летний городской лагерь» демонстрирует, как культурные учреждения способны выступать катализаторами инклюзивных преобразований городской среды. Проект, объединяющий музейные занятия, цифровые платформы и выездные практики, не только адаптирует знакомство с семиотикой города для детей с РАС, но и моделирует принципы «города для всех» – среды, где пространство, информация и социальное взаимодействие создают ситуацию диалога между собой с учетом разнообразия потребностей. Интеграция сенсорного восприятия (тактильные модели), гибких форматов обучения (чат-бот с адаптированным интерфейсом) и практико-ориентированных активностей (скетчинг-экскурсии) создает контекст системного включения нейроразнообразия в культурный дискурс. Важно, что такой подход формирует устойчивую социокультурную экосистему: от подготовки музейных кадров до вовлечения семей в сотворчество. Предложенные мероприятия не просто адаптируют городскую семиотику для детей с РАС, но и моделирует

принципы инклюзивного урбанизма: отказ от «стерильных» решений (по Р. Сеннету) в пользу гибких, сенсорно-безопасных практик, которые могут быть трансформированы для других публичных пространств. Это подкрепляет тезис Я. Гейла о том, что настоящая доступность начинается не с пандусов, а с переосмысления того, как социум формирует коммуникацию. Таким образом, проект подтверждает, что инклюзия – это не просто техническая доступность, но переосмысление коммуникативных и образовательных стратегий, позволяющее городу стать по-настоящему общим пространством.

Список литературы

Гейл Я. Города для людей / Изд. на русском языке; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2012. – 276 с.

Принципы организации исследования инклюзивных музейных программ в русле доказательного подхода / Давыдова Е.Ю., Хилькевич Е.В., Сорокин А.Б., Халикова Д.Р. // Аутизм и нарушения развития. – 2022. – № 20 (4). – С. 39–49. – DOI: 10.17759/autdd.2022200404

Искусство глазами «особенного» детства. – URL: <https://artmuseumnn.ru/programmy/inkluzivnye-proekty/iskusstvo-glazami-osobennogo-detstva-2837/> (дата обращения: 31.08.2025).

Концепция комплексного сопровождения людей с расстройствами аутистического спектра и другими ментальными нарушениями в Нижегородской области. – URL: https://autism-frc.ru/system/regiondocs/files/000/000/084/original/Концепция_комплексного_сопровождения.pdf?1622469729 (дата обращения: 27.06.2025).

Сделать инклюзию нормой: новые подходы к пониманию расстройств аутистического спектра / Устинова Н.В., Намазова-Баранова Л.С., Баранов А.А., Вишневая Е.А., Кайтукова Е.В., Турти Т.В., Альбицкий В.Ю., Селимзянова Л.Р., Горбунова Е.А., Эфендиева К.Е. // Вестник РАМН. 2023. – № 78 (6). – С. 589–600. – DOI: 10.15690/vramn12996

Early Birds // Science Museum. – URL: <https://www.sciencemuseum.org.uk/sec-and-do/early-birds> (date of access: 31.08.2025).

Творческая лаборатория «А вдруг я – художник!»: особенные дети занимаются в музее. – URL: <https://vladmuseum.ru/ru/about/news/novosti/tvorcheskaya-laboratoriya-avdrug-ya-khudozhnik-osobennye-deti-zanimayutsya-v-muzee/> (дата обращения: 31.08.2025).

Смена парадигмы: новые подходы к пониманию расстройств аутистического спектра / Устинова Н.В., Намазова-Баранова Л.С., Баранов А.А., Вишневая Е.А., Кайтукова Е.В., Турти Т.В., Альбицкий В.Ю., Селимзянова Л.Р., Горбунова Е.А., Эфендиева К.Е. // Вестник РАМН. 2023. – № 78 (6). – С. 589–600. – DOI: 10.15690/vramn12996

Early Birds // Science Museum. – URL: <https://www.sciencemuseum.org.uk/sec-and-do/early-birds> (date of access: 31.08.2025).

MOCA Autism Creates // Downtown Vision, Inc. – URL: <https://dtjax.com/events/moca-autism-creates-2/> (date of access: 31.08.2025).

Upcoming Museum My Way Events // The Children's Museum of Indianapolis. – URL: <https://www.childrensmuseum.org/visit/experiences/special-events> (date of access: 31.08.2025).

References

Gehl, Jan *Goroda dlja ljudej* [Cities for People]. Transl. from English. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2012. 276 p. (In Russ.)

Davydova, E.Yu., Khilkevich, E.V., Sorokin, A.B., Khalikova, D.R. Principy organizatsii issledovaniya inkluzivnykh muzejnykh programm v rusle dokazatel'nogo podhoda [Inclusive Museum Programs Research Organization Principles Based on Evidence-Based Approach]. In *Autism and Developmental Disorders*. Vol. 20, no. 4, 2022, pp. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.17759/autdd.202200404> (In Russ.)

Iskusstvo glazami "osobennogo" detstva [Art Through the Eyes of a 'Special' Childhood]. URL: <https://artmuseumnn.ru/programmy/inkluzivnye-proekty/iskusstvo-glazami-osobennogo-detstva-2837/> (date of access: 31.08.2025). (In Russ.)

Koncepcija kompleksnogo soprovozhdeniya ljudej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra i drugimi mental'nymi narushenijami v Nizhegorodskoj oblasti [Comprehensive Support Framework for Individuals with Autism Spectrum Disorders and Other Mental Health Conditions in Nizhny Novgorod Region]. URL: https://autism-frc.ru/system/region-docs/files/000/000/084/original/Концепция_комплексного_сопровождения.pdf?1622469729 (date of access: 27.06.2025). (In Russ.)

Sdelat' inkluziju normoj: vazhnye praktiki regiona [Mainstreaming Inclusion: Key Regional Practices]. URL: <https://strategy.nobl.ru/stati/sotsialnaya-politika/sdelat-inklyuziyu-normoj-vazhnyie-praktiki-regiona/> (date of access: 27.06.2025). (In Russ.)

Sennet, R. Otkrytyj gorod [The Open City]. Transl. from English. In *Apxumekторы.рф*, 2022. URL: <https://архитекторы.рф/articles/richard-sennet-otkrytyy-gorod> (date of access: 30.06.2025). (In Russ.)

Tvorcheskaja laboratorija "A vdrug ja – hudozhnik!": osobennye deti zanimajutsja v muzee [What if I'm an Artist! Creative Lab: Art Classes for Special Needs Kids at the Museum]. URL: <https://vladmuseum.ru/ru/about/news/novosti/tvorcheskaya-laboratoriya-a-vdrug-ya-khudozhnik-osobennye-deti-zanimayutsya-v-muzee/> (date of access: 31.08.2025). (In Russ.)

Ustinova, N.V., Namazova-Baranova, L.S., Baranov, A.A., Vishneva, E.A., Kaytukova, E.V., Turti, T.V., Albitsky, V.Yu., Selimzianova, L.R., Gorbunova, E.A., Efendieva, K.E. Smena paradigmy: novye podhody k ponimaniju rasstrojstv autisticheskogo spektra [Paradigm Shift: New Approaches to Understanding Autism Spectrum Disorders]. In *Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*. Vol. 78, no. 6, 2023, pp. 589–600. DOI: <https://doi.org/10.15690/vramn12996> (In Russ.)

Early Birds. In *Science Museum*. URL: <https://www.sciencemuseum.org.uk/see-and-do/early-birds>

MOCA Autism Creates. In *Downtown Vision, Inc.* URL: <https://dtjax.com/events/moca-autism-creates-2/>

Upcoming Museum My Way Events. In *The Children's Museum of Indianapolis*. URL: <https://www.childrensmuseum.org/visit/experiences/special-events>

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.08

*Столярова В.К.**

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»[©]

Аннотация. В статье проведена попытка концептуализации термина «экологическая культура» через существующие подходы к осмыслению данного понятия. Установлена взаимосвязь большинства научных исследований с базовым системно-деятельностным подходом. В процессе изучения экологической культуры выделены ее специфические функции, а также рассмотрено влияние на процесс взаимодействия человека с окружающей средой. Автором определено экологическое сознание в качестве результата деятельности экологической культуры, выступающего как механизм формирования и трансляции экокультурных ценностей. Экологическая культура в свою очередь, является не просто суммой экологических знаний и навыков, а живой, динамичной системой, пронизывающей все сферы человеческой деятельности.

Ключевые слова: экологическая культура; экологические ценности; экологическое сознание; подходы к экологической культуре; энвайроментализм; устойчивое взаимодействие

Поступила: 08.09.2025

Принята к печати: 23.11.2025

**Столярова Вероника Константиновна – ассистент ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Владивосток, Россия; veronikakashevchenko@list.ru*

Stolyarova Veronika Konstantinovna – Assistant at the Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; veronikakashevchenko@list.ru

© Столярова В.К., 2026

Для цитирования: Столярова В.К. Концептуализация понятия «экологическая культура» // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 105–119. – DOI: 10.31249/hoc/2025.03.08

Stolyarova V.K.

Conceptualization of the Concept of “Ecological Culture”

Abstract. This article attempts to conceptualize the term "ecological culture" through existing approaches to understanding this concept. The relationship between most scientific research and the basic systems-activity approach is established. In studying environmental culture, its specific functions are highlighted and its influence on human interaction with the environment is examined. The author defines environmental awareness as a result of environmental culture, serving as a mechanism for the formation and transmission of eco-cultural values. Environmental culture, in turn, is not simply a sum of environmental knowledge and skills, but a living, dynamic system permeating all spheres of human activity.

Keywords: ecological culture; ecological values; ecological consciousness; approaches to ecological culture; environmentalism; sustainable interaction

Received: 08.09.2025

Accepted: 23.11.2025

For quoting: Stolyarova V.K. Conceptualization of the Concept of “Ecological Culture” // Herald of Culturology. – 2025. – No.3(114). – P. 105–119. – DOI: 10.31249/hoc/2025.03.08

Введение

Формирование экологической культуры происходило параллельно с развитием культуры в целом. Тесно переплетаясь с эволюцией человеческого сознания, социальных отношений и технологического прогресса создавалась особая система взаимоотношений человека и природы. Этой системой стала экологическая культура, образованная от всеобъемлющего и многогранного понятия – «культура». В условиях необходимости концептуализации сущностного базиса экологической культуры взгляды многих ученых обратились к происхождению и толкованию термина «культура», как к основе этого взаимодействия.

В традиционном понимании культура противопоставляется природе. Такое понимание культуры можно охарактеризовать как «надприродное», встречающееся в работах российских и зарубежных ученых в период с 1880-х по 1930-е годы (Э.Б. Тайлор – 1832–1917 гг. [Тайлор, 1989], В.Ф. Оствальд – 1853–1932 гг. [Оствальд, 1913]). В.Ф. Оствальд в рамках этого подхода предлагал понимать культуру как механизм преобразования природной, то есть «сырой» энергии в энергию, потребляемую человеком» [Оствальд, 1913, с. 89]. Подобная мысль берет свое начало в процессах активного преобразования окружающей среды, связанного с земледелием, скотоводством и использованием природных ресурсов. В трактате «Земледелие» римского деятеля и писателя М. Катона (234–149 годы до н. э.) термин «культура» имеет значение возделывания, обработки почвы, взращивания и воспитания. Автор обращает внимание на изменения, которые происходят в результате сознательной деятельности человека [Катон, 1950, с. 123].

Другой политический деятель и философ М.Т. Цицерон (106 года до н. э. – 43 года до н. э.) впервые использовал слово «культура» для описания умственной деятельности человека в процессе работы над собой, окультуривания того, что заложено природой, «возделывания души». В этот же период произошло противопоставление терминов «cultura» (культура) и «natura» (природа). Процесс озаменовал становление материальной культуры и идею превосходства человека над природой [Цицерон, 1994, с. 118].

Многие современные исследователи обращались к теме экологической культуры в контексте рационального развития общества в период с конца 1990-х по 2020-е годы, что отражает эволюцию научного интереса от первых теоретических оснований (А.-К.И. Забулионите [Забулионите, 2018, с. 8–24], В.Я. Шклярук [Шклярук, 2017, с. 71–75], Е.А. Шишкина [Шишкина, 2012, с. 55], С.Н. Глазачев [Глазачев, 1997, с. 97]). В этом ключе целесообразно провести анализ термина «экология» в его классическом и современном понимании, проследив становление понятия «экологическая культура».

Осмысление понятия «экологическая культура»

В настоящее время термин «экология» приобрел более широкое распространение, чем в первые десятилетия развития этой науки. Впервые данный термин был обозначен Эрнстом Геккелем (1834–1919 гг.) в 1866 году для определения науки о взаимоотношениях организмов с

окружающей средой [Haesckel, 1866]. В современной трактовке сущность экологии чаще всего связывают с проблемами взаимодействия общества и природы. Такое изменение понимания происходит благодаря переосмыслению ценностей общества. На первый план выходят устойчивое развитие, сохранение биоразнообразия, экологическая безопасность и гармоничное взаимодействие с природой.

Так, К. Маркс (1818–1883 гг.) определял труд как основу обменного процесса между человеком и природой [Маркс, 1960, с. 121]. Обмен с природной средой заключается в изменении ее условий под собственные потребности.

П.Б. Коновалов (1937 гг. – н.в.) утверждал, что творцами идей, образов, и понятий духовного постижения мира, воплощенных в изобразительном, устном, фольклорном и другом искусстве, создается мир духовной экологии, экологии культуры, представляющей собой отражение природы и человека как продукта философского осмысления взаимоотношений общества с окружающей средой [Коновалов, 1992, с. 108]. Таким образом, автор говорит об осознании ценности примата природы как источника основы материальной и духовной жизни человека, о зарождении экологического сознания.

С позиции В.Л. Бенина (1954 гг. – н.в.) изучение любого культурного объекта или процесса должно начинаться с описания его функций. Автор понимает под функциями культуры роль, выполняемую различными институтами общества, в зависимости от конкретных запросов социума [Бенин, 2011, с. 73–84].

На основании исследований функционального состава экологической культуры нами обоснованы ее общие функции:

- Ценностная: заключается в формировании системы значимых элементов по отношению к природе и функциям устойчивого развития;
- Регулятивная: определяет нормы и правила поведения человека в окружающей среде;
- Познавательная: способствует расширению знаний о природе, ее законах и взаимосвязи человека с природной средой;
- Прогностическая: позволяет предвидеть последствия антропогенного воздействия на окружающую среду и разрабатывать меры по предотвращению негативного влияния;
- Воспитательная: формирует бережное отношение к природе, чувство ответственности за её состояние;
- Информационная: обеспечивает доступ к данным о состоянии окружающей среды и экологических проблемах;

– Интегративная: объединяет различные аспекты отношения человека к природе, формируя целостное мировоззрение;

– Знаковая: основанная на знаково-символическом компоненте экологической культуры, определяет меру накопления и сохранения экологической информации, передачи смыслов и знаков будущим поколениям.

Большинство функций экологической культуры социально обусловлены и направлены на формирование личностного восприятия человека в целостной картине мира. Именно поэтому каждая из функций напрямую связана с культурой личности, так как только экологически осознанная личность способна в полной мере реализовывать функции экологической культуры.

Научные подходы к экологической культуре

Для более подробного изучения природного начала человека в культуре обратимся к основным культурологическим подходам, описывающим взаимосвязь компонентов двух понятий.

В рамках антропологического подхода исследуется человеческая культура в процессе отношений с природой – основой его базового генезиса, где природа выступает своеобразной средой зарождения человека и части его «культурных корней». Б. Риордан также подчеркивал главное свойство экологической культуры, выраженное термином «природознание», связанное с естественноисторическим путем развития общества [Риордан, 1993, с. 56].

По нашему мнению, антропологический подход к пониманию места человека в культуре и его взаимосвязи с живой природой может быть обоснован, с точки зрения восприятия человека в качестве «стержня», «творца» культуры.

Вопрос осмысления человеческого бытия формируется в том числе через системный подход (Б.Г. Ананьев (1907–1972 гг.), М.С. Каган (1921–2006 гг.) и др.). Методологический потенциал этого подхода к пониманию человека в культуре и его взаимосвязи с природой заключается прежде всего в осмыслении двух способов существования человека и его жизнедеятельности. Первый связан с пониманием человека в среде органической, природной, второй – с отождествлением человека и целей его культурно-исторического существования [Ананьев, 1980, с. 185].

К подобным мыслям склонялся и М.С. Каган, считавший необходимым рассматривать культуру как сложный феномен, требую-

щий синергетического подхода, основанного на взаимосвязанной формуле: «природа – общество – человек», где культура – это четвертый интегральный элемент, объединяющий все три сферы и главенствующий над ними [Каган, 2007, с. 296].

Аксиологический подход к пониманию культуры первоначально был напрямую связан с обыденным, общечеловеческим осмыслением термина «культура». В соответствии с трактовкой общественности вся деятельность человека может подразделяться на «культурную» и «некультурную», то есть положительную и отрицательную. Такое простое и обыденное понимание культуры начало меняться в XIX веке [Соломко, 2023, с. 56–60].

На современном этапе в научном дискурсе наиболее широкое распространение получило понимание системно-деятельностного подхода как методологической основы, ориентированной на осмысление человеческой деятельности через призму качественного анализа её внутренней структуры и специфики функционирования в системном контексте.

При этом идеи деятельности и системности, находясь в тесном взаимодействии, формируют методологический подход, в рамках которого принципы одного понятия взаимно усиливают и обогащают принципы другого, обеспечивая их реципрочное влияние. В рамках становления экологической культуры системно-деятельностный подход может быть объясним через экологизацию образования, в которой принципы соответствующей экологической деятельности внедряются в процессе не только обучения, но и самообучения, самообразования индивида.

Изучение составных элементов культурных систем позволяет перейти к рассмотрению экологической культуры в контексте семиотического подхода.

В основе семиотической концепции культуры, разработанной в 1960–1980-е годы в рамках Тарту-Московской семиотической школы такими учёными, как Ю.М. Лотман (1922–1993 гг.), В.А. Иванов (1886–1970 гг.), Б.А. Успенский (1937 – н.в.), В.Н. Топоров (1928–2005 гг.) и А.М. Пятигорский (1929–2009 гг.), лежит представление о культуре как о сложной иерархически организованной системе знаков и символов, функционирующей по принципам языка и текста [Лотман, 2001, с. 23; Успенский, 1996, с. 134; Иванов, 1996, с. 201; Топоров, 2003, с. 415; Пятигорский, 1996, с. 57]. В свою очередь, экологическая культура как система обладает рядом знаковых символов, выраженных в наборе комбинаций, кодов образно-симво-

лической репрезентации культуры. Усиление роли экологического сознания в современном обществе ведет к сопряжению человека и среды его обитания в качестве символической системы. Это значит, что природная среда может выступать как исходный источник образов и знаков, одновременно с тем, как человек выступает своеобразным символом для природы. В рамках этого взаимодействия происходит качественный обмен и обогащение.

Взаимоотношения общества и природы порождают реакции экологического мышления – это комплекс ментальных и эмоциональных ответов, возникающих у человека в результате на информацию, ситуации или события, связанные с окружающей средой и экологическими проблемами. Они проявляются в различных формах и определяют поведение человека по отношению к природе. Стоит отметить, что реакции экологического мышления представляют собой не просто набор ответных импульсов, а выражаются в качестве спектра последовательных действий, зависящих от уровня развития экологического мышления и личностных особенностей индивида. Они являются непосредственным выражением сформированного экологического сознания и демонстрируют степень его зрелости и влияния на повседневную жизнь.

Таким образом, под экологическим сознанием следует понимать набор утвержденных оснований личности (ценностей, взглядов, убеждений), определяющих отношение человека к природе и степень его готовности к действиям, направленным на поддержание экологического равновесия и целостности окружающей среды. Экологическое сознание может являться сформированным только при условии естественности, обыденности рационального поведения человека по отношению к природе, внедрению в повседневность действий экологической культуры индивида. В данном аспекте целесообразно говорить о воспитании экологической культуры, передаче опыта от поколения к поколению, где процессы бережного отношения к природе приобретают характер бытовых действий в обществе.

Социальные истоки возникновения «нового экологического сознания» выражены в переходе от позиции экстенсивного роста, объяснимой природным изобилием освоения новых территорий, к ориентации, получившей название энвайроментализм (от англ. environment – окружающая среда), сформировавшейся в период 1960–1970 гг., в виду наступления экологических кризисов [Wellek, 1943, p. 41–62]. В центре внимания данной идеологии находятся процессы взаимодействия общества со средой его обитания.

Энвайроментализм разделен на три течения: консервационизм, экологизм, биоцентризм. Каждое из которых выражается различной степенью осмысления развития общества и природы.

1) Консервационизм выражен в полном и безоговорочном отказе от изменений в окружающей среде, сохранении природы в первозданном «диком» виде для использования природных ресурсов в будущем. Представители консервационизма видели истинное благо для природы и человека в «консервации» ресурсов для передачи их будущим поколениям.

2) Экологизм выражается в понимании взаимодействия общества и природы на уровне интуитивных побуждений. Основная идея: поддержание равновесия в природе стоит выше удовлетворения потребностей человека.

3) Биоцентризм выражается в утверждении, что природа есть наиболее ценное и воплощающее в себе принципы жизни на планете. Биоцентризм представляет собой радикальное ответвление энвайроментализма. Приверженцы биоцентризма сходятся во мнении, что человек не может и не должен изменять природу, а лишь имеет право пользоваться ее ресурсами в ограниченном количестве.

В целом, основная мысль энвайроментализма и его течений опосредована идеей, заложенной в учении о ноосфере В.И. Вернадского (1863–1954 гг.): «социальное и культурное развитие человечества приведет к преобразованию и взаимному развитию природы и общества в новый статус биосферы – ноосферу». [Труды В.И. Вернадского: [сайт]]. Согласно общей идее энвайроментализма и учения о биосфере в основе эволюции природной и социальной среды лежит разумная деятельность человека.

Соответственно, течение энвайроментализма описывает современную ситуацию с окружающей средой и способы борьбы с последствиями человеческих действий. По своему содержанию, энвайроментализм можно отнести к движению «экологизма». Однако политолог, Н.А. Баранов (1893–1945 гг.) говорит о происхождении экологизма из «экоцентричной перспективы» [Баранов, 2021, с. 7], а энвайроментализм – это идея сохранности и целостности природы.

Особым символизмом наполнена концепция темной экологии Т. Мортонa, выраженная в стирании границ между эстетикой и экологией. Символом новой, темной экологии является демонстрация человечеству его неразрывности с природой, призыв к отказу от авторитарной позиции «спасателя» по отношению к природе. Знаки и

символы в темной экологии находят свое отражение в искусстве, новом взгляде на привычные вещи.

Темная экология – это концепция, призывающая к изменению массового восприятия экологических проблем. В отличие от классических экологических подходов, фокусирующихся на сохранении природы для человека, Т. Мортон (1968 г. – н.в.) предлагает осуществлять более глубокое погружение в экологические проблемы, учитывая их масштабность и сложность [Мортон, 2022, с. 115].

Т. Мортон называет свою концепцию «темной» с целью обозначить масштаб экологических проблем, прекратить романтизировать природу. Он не пытается приукрасить последствия человеческих действий, а наоборот говорит о надвигающейся глобальной экологической катастрофе. Автор буквально дает понять, что позитивные идеи и вера в «светлое будущее» не помогут. «...обозначить экологию как “темную” – значит смотреть проблеме в глаза...» [Мортон, 2022, с. 112].

Переосмысление экологической культуры в концепции темной экологии Т. Мортон сосредоточено вокруг противоположного взгляда на экологические проблемы и экологичность. Автор, как и многие современные исследователи, видит решение экологических проблем в переосмыслении системы образования и воспитания [там же, с. 88].

Переходя к образовательной и воспитательной функциям экологической культуры, стоит подробнее остановиться на гуманитарном подходе.

С.В. Алексеев (1879–1957 гг.) рассматривает гуманитарный подход как новую методологию в науке [Алексеев, 2018, с. 2–15]. Автор отмечает, что в гуманитарном аспекте отправной позицией является человек в его движении к осмыслению причин экологических проблем, в качестве моральной оценки общества, человеческих ценностей и убеждений, потребительских привычек.

По мнению В.А. Козырева (1974 г. – н.в.), раскрытие смысла бытия человека должно строиться на первостепенном осмыслении себя в окружающей природной среде, степени влияния на нее, в этом и выражается главная сущность образования по отношению к личности.

Таким образом, осознанность человека по отношению к экологии должна проявиться в отождествлении самого себя с процессами, происходящими в природе: «Я-причина», «Я-следствие», «Я-решение».

Под влиянием идей гуманизма формируется новый подход позиционирования и сохранения уходящих в прошлое признаков, форм человеческой жизни и уклада – экогуманистический. Этот подход

определяется как трансформация культурных ценностей, норм и практик, основанная на принципах гуманизма и экологической этики. Данный подход ставит в один ряд восприятие уважения к окружающей среде с уважением к человеку и его будущему. При этом, обратные действия, по отношению к природе, порицаемые обществом, дают оценку не только прямому поведению индивида по отношению к природе, но и к будущему человека.

По мнению Д.В. Соломко (1922–1996 гг.), экогуманистический подход в отношении экологической культуры базируется на принципах приоритета личности человека в технологизированном мире, оптимальном сочетании всех сущностных характеристик отношения человека к миру: природных, культурных, социальных и иных [Соломко, 2023, с. 56–60].

Тем не менее многие ученые (В.И. Данилов-Данильян (1938 г. – н.в.) [Данилов-Данильян, 2019, с. 251–289], Г.Г. Дилигенский (1930–2002 гг.) [Дилигенский, 1994, с. 225], Н.Н. Моисеев (1917–2000 гг.) [Моисеев, 1990, с. 305] и др.) отмечают утопический характер концепции устойчивого развития, показывая, что многие параметры, на которые направлено действие концепции должны сохранять постоянное значение, однако в динамике такое невозможно.

Заключение

При осмыслении неотвратимости природных кризисных явлений, производимых человеческой деятельностью, становится очевидной необходимость совершенствования ценностно-этических представлений человека о природе и обществе.

Рациональная философия экогуманизма сосредоточена на подтверждении достоинства каждого человека, свободы его выбора в пользу максимизации личной свободы и возможностей, соизмеримых с социальной и глобальной ответственностью. Экогуманизм признает человека, ценности которого берут свое начало в культуре и опыте, частью природы.

Идеи экогуманизма находят отражение в популяризации парадигмы устойчивого развития – стратегической кооперации народов, направленной на достижение равновесия экосистем и человеческого существования.

На наш взгляд, базовой основой большинства рассмотренных подходов является системно-деятельностный, так как именно в его содержании заложены идеи развития общечеловеческой культуры

поколений и формирования наивысшей точки экологической культуры – экологического сознания.

Анализируя различные научные подходы и концепции при осмыслении понятия «экологическая культура», можно заключить, что процесс его формирования продолжается в настоящее время. Междисциплинарный характер позиционирования экологической культуры выражается в ее положении на стыке экологии, культурологии, философии, социологии и педагогики, где каждая дисциплина позволяет рассматривать понятие в поле своей проблематики. На различных этапах существования экологическая культура выступает как система, охватывающая отношения между обществом и природой, а в более широком понимании включает отношения внутри социума в различные временные промежутки. Это приводит к осмыслению понятия экологической культуры как к основанию сохранения природно-культурного наследия.

Первые сформулированные подходы к определению экологической культуры были сконцентрированы вокруг сущности природоохранной функции, однако со временем все больше исследователей стали отмечать многофункциональность процессов взаимодействия культурной среды в экологии.

Экологическая культура представляет собой комплексный феномен, детерминированный интеграцией трех взаимосвязанных компонентов: индивидуального отношения к природе, общественного отношения к природе и степени сформированности культуры личности, рассматриваемой как регулятор взаимодействия антропогенной деятельности и окружающей среды.

Процесс единения компонентов экологической культуры, на наш взгляд, выражается в формировании в обществе и у каждого человека системы ценностей, в которой значимость природы опосредовано зависит от чувства личной ответственности за состояние окружающей среды и гармонизации отношений природы, общества и человека. С точки зрения экологизации общества и формирования экологического сознания целесообразным видится построение цепи влияния не только отношений «человек-природа», но и отношений «человек-человек» в социуме.

При этом основной упор необходимо сделать на нравственный аспект поведения человека в понимании сущности экологической культуры, формируемом через основные ценности.

Список литературы

- Алексеев С.В. Образование и просвещение: две грани единого процесса (на примере формирования экологической культуры) // Непрерывное образование: XXI век. 2018. – № 2 (22). – С. 2–15.
- Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. – Москва : Педагогика, 1980. – 232 с.
- Бенин В.Л. Педагогическая культурология // Образование и наука. 2011. – № 2 (81). – С. 73–84.
- Баранов Н.А. Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. – Ярославль, 2021. – № 1 (10). – С. 5–21. – DOI 10.20323/2658-428X-2021-1-10-5-21
- Глазачев С. Н. Экологическая культура. – Москва : Горизонт, 1997. – 208 с.
- Данилов-Данильян В. Глобальный экологический вызов: теоретический анализ и возможные сценарии // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – Москва, 2019. – С. 251–289.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: учебное пособие. – Москва : Ин-тут «Открытое общество», 1994. – 304 с.
- Забулоните А.-К.И. Человек – культура – природа: «граница разума» как императив в образовании человека // Человек. Культура. Образование. Философия культуры. 2018. – № (28). – С. 8–24.
- Иванов В.А. Материалы и исследования / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; [Ред. В.А. Келдыш, И.В. Корецкая]. – Москва : Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1996. – 358 с.
- Каган М.С. Философия культуры // Избранные труды: в 7 т. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2007. – Т. 3. – 415 с.
- Катон М. Земледелие / пер. с лат. – Москва; Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1950. – 219 с.
- Коновалов П.Б. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. – Новосибирск : Наука, 1992. – 158 с.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. – 152 с.
- Маркс К. Сочинения. – 2-е изд. Том 23. – Москва : Госполитиздат, 1960. – 907 с.
- Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – Москва : Молодая гвардия, 1990. – 460 с.
- Мортон Т. Статья экологичным / пер. с англ. Д.Ю. Кралечкина. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2022. – 200 с.
- Оствальд В.Ф. Энергетический императив. – Санкт-Петербург : «Екатерингофское печатное изд-во», 1913. – 160 с.
- Пятигорский А.М. «Я – человек никакой культуры»: избр. тр. – Москва : Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 307 с.
- Риордан Б. Познавая наш путь в будущее. Приоритеты современной педагогики: матер. междунар. пед. проекта Р. Е. А. С. Е. Междунар. движение «Педагоги за мир и взаимопонимание» / под ред. Э.С. Соколовой. – Москва : Новая школа ; Центр педагогики мира, 1993. – 159 с.

Соломко Д.В. Экогуманистический подход к сохранению живого начала в человеке // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия : Философия. 2023. – № 1 (47). – С. 56–60.

Труды В.И. Вернадского: [сайт] // Комиссия по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – Москва. – URL: https://ecology.gpntb.ru/rus_invest/JubVernad/Vernad_Reports/ (дата обращения: 16.01.2023)].

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – Москва : Политиздат, 1989. – 572 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2003. – 616 с.

Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры : избр. тр. – 2-е изд. – Москва : Школа «Языки культуры», 1996. – Т. 1. – 608 с.

Цицерон М.Т. Тускуланские беседы. – Москва : Наука, 1994. – 264 с.

Шклярук В.Я. Экологическая культура как фактор самосохранения поведения личности в современном социуме // Вестник Саратовского государственного социально-экономического ун-та. 2017. – № 1(65). – С. 71–75.

Шишкина Е.А. Эволюция экологической культуры в формате здорового образа жизни // Социология медицины. 2012. – № 2 (21). – С. 55–56.

Haecke E. Generalle Morphologie der Organismen / Bd. I. Allgemeine Anatomie der Organismen. Bd. II. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen. – Berlin, 1866. – 645 S.

Wellek R. Emerson and German Philosophy // The New England Quarterly. 1943. – Vol. 16. – No. 1. – P. 41–62.

References

Alekseev, S.V. Obrazovanie i prosveshchenie: dve grani edinogo processa (na primere formirovaniya ekologicheskoy kul'tury) [Education and Enlightenment as the Two Sides of a Single Process (Via the Example of Ecological Culture Formation)]. In *Nepre-ryvnoe obrazovanie: XXI vek*, no. 2 (22), 2018, pp. 2–15. (In Russ.)

Anan'ev, B.G. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Psychological Works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1980. 232 p. (In Russ.)

Baranov, N.A. Ideologicheskie ustanovki vedushchikh rossiyskikh politicheskikh partiy v predverii vyborov 2021 goda [Ideological Attitudes of the Leading Russian Political Parties in the Run – up to 2021 Elections]. In *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, no. (1) (10), 2021, pp. 5–21. (In Russ.)

Benin, V.L. Pedagogicheskaya kul'turologiya [Pedagogical Cultural Studies]. In *Obrazovanie i nauka*, no. 2 (81), 2011, pp. 73–84. (In Russ.)

Glazachev, S.N. *Ekologicheskaya kul'tura* [Ecological Culture]. Moscow, Gorizont Publ., 1997. 208 p. (In Russ.)

Danilov-Danil'yan, V. Global'nyy ekologicheskij vyzov: teoreticheskij analiz i vozmozhnye scenario [The Global Environmental Challenge: a Theoretical Analysis and Possible Scenarios]. In *Grani globalizacii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitiya* [The Edges of Globalization: Difficult Issues of Modern Development]. Moscow, 2019, pp. 251–289. (In Russ.)

Dilenskij, G.G. *Sotsial'no-politicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie* [Socio-political Psychology: a Textbook]. Moscow, In-tut “Otkrytoe obshchestvo” Publ., 1994. 304 p. (In Russ.)

Zabulionite, A.-K.I. Chelovek – kul'tura – priroda: “granica razuma” kak imperativ v obrazovanii cheloveka [Man – Culture – Nature: the “Border of Reason” as an Imperative in Human Education]. In *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. Filosofiya kul'tury* [Human. Culture. Education. Philosophy of Culture], no. 28, 2018, pp. 8–24. (In Russ.)

Ivanov, V.A. *Materialy i issledovaniya* [Materials and Research]. Russian Academy of Sciences, Institute of World Literature named after A.M. Gorky; Ed. by V.A. Keldysh, I.V. Koretskaya. Moscow, 1996. 358 p. (In Russ.)

Kagan, M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. In *Izbrannye trudy: v 7 t.* [Selected Works: in 7 Volumes]. Saint Petersburg, Petropolis Publ. V. 3, 2007. 415 p. (In Russ.)

Katon, M. *Zemledelie* [Agriculture]. Trans. from Latin. Moscow; Leningrad, Izd. akademii nauk SSSR Publ., 1950. 219 p. (In Russ.)

Konovalov, P.B. *Ekologicheskie tradicii v kul'ture narodov Central'noj Azii* [Ecological Traditions in the Culture of the Peoples of Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 158 p. (In Russ.)

Lotman, Yu.M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv vnuti myslyashchih mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [The Semiosphere. Culture and Explosion Inside Thinking Worlds. Articles. Researches. Notes]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb Publ., 2001. 152 p. (In Russ.)

Marks, K. *Sochineniya. 2-e izd. Tom 23* [Essays. 2nd ed. Volume 23]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 907 p. (In Russ.)

Moiseev, N.N. *Chelovek i noosfera* [Man and the Noosphere]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 460 p. (In Russ.)

Morton, T. *Stat' ekologichnym* [Being Ecological]. Trans. from English by D.Y. Kralechkin. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2022. 200 p. (In Russ.)

Ostval'd, V.F. *Energeticheskij imperative* [The Energy Imperative]. Saint Petersburg “Ekateringofskoe pechatnoe delo” Publ., 1913. 160 p. (In Russ.)

Pyatigorskij, A.M. “*Ya – chelovek nikakoj kul'tury*”: izbr. tr. [“I am a Man of No Culture”: Selected Works]. Moscow, Shkola “Yazyki rus. kul'tury” Publ., 1996. 307 p. (In Russ.)

Riordan, B. *Poznavaya nash put' v budushchee. Prioritety sovremennoj pedagogiki: mater. mezhdunar. ped. proekta P. E. A. C. E. Mezhdunar. dvizhenie “Pedagogi za mir i vzaimoponimanie”* [Learning Our Way into the Future. Priorities of Modern Pedagogy: Mater. International Pedagogical Project of P. E. A. C. E. International Movement “Educators for Peace and Mutual Understanding”]. Ed. E.S. Sokolova. Moscow Novaya shkola; Centr pedagogiki mira Publ., 1993. 159 p. (In Russ.)

Solomko, D.V. *Ekogumanisticheskij podhod k sohraneniyu zhivogo nachala v cheloveke* [An Ecohumanistic Approach to the Preservation of the Living Principle in Man]. In *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy], no. 1 (47) 2023, pp. 56–60. (In Russ.)

Trudy V.I. Vernadskogo: [sajt] [The Works of V.I. Vernadsky: [website]]. In *Komissiya po razrabotke nauchnogo naslediya akademika V.I. Vernadskogo* [Commission for the Development of the Scientific Heritage of Academician V.I. Vernadsky]. Moscow. URL: https://ecology.gpntb.ru/rus_invest/JubVernad/Vernad_Reports/ (date of access: 16.01.2023)].

Tajlor, E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 572 p. (In Russ.)

Toporov, V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbr. tr.* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2003. 616 p. (In Russ.)

Uspenskij, B.A. *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: izbr. tr. – 2-e izd. [Semiotics of History. Semiotics of Culture: Selected Works. 2nd ed.]*. Moscow, Shkola «Yazyki kul'tury» Publ. V. 1, 1996. 608 p. (In Russ.)

Ciceron, M.T. *Tuskulanskije besedy [The Tusculan Conversations]*. Moscow, Nauka Publ., 1994. 264 p. (In Russ.)

Shklyaruk, V.Ya. Ekologicheskaya kul'tura kak faktor samosohraneniya povedeniya lichnosti v sovremennom sociume [Environmental and Health Awareness as a Factor of Self-preserving Behavior of People in Modern Society]. In *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University]*, no. 1(65), 2017, pp. 71–75. (In Russ.)

Shishkina, E.A. Evolyuciya ekologicheskoy kul'tury v formate zdorovogo obraza zhizni [The Evolution of Ecological Culture in the Format of Healthy Life-style]. In *Sociologiya mediciny [Sociology of Medicine]*, no. 2 (21), 2012, pp. 55–56. (In Russ.)

Haeckel, E. *Generelle Morphologie der Organismen. Bd. I. Allgemeine Anatomie der Organismen. Bd. II. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen*. Berlin. 1866. 645 p. (In Germ.)

Wellek, R. Emerson and German Philosophy. In *The New England Quarterly*. Vol. 16, no. 1, 1943, pp. 41–62.

*Яцкевич А.А.**

МЕТОД ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «L'ART DE BIEN MANGER» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)®

Аннотация. В статье исследуются гастрономические традиции французов в культуре повседневности, а именно анализируется понятие «l'art de bien manger» (искусство правильно есть) с точки зрения лингвокультурологии. В качестве системного метода исследования выбран метод лингвокультурологического поля. Широко используемый в лингвистике метод поля в лингвокультурологии является перспективным, но при этом требует дальнейшей проработки и обстоятельного анализа. В данной статье предпринята попытка не только систематизировать знания о концепции поля в лингвокультурологии, но и сделать шаг вперед в научном обосновании ее использования. Особое внимание уделяется такой характеристике лингвокультурологического поля, как его соотнесенность с категориями уровня национального менталитета и мировоззрения. Изучение французского понятия «l'art de bien manger» через взаимосвязь языка и культуры позволило описать своеобразие восприятия мира французов в такой существенной сфере их жизни, как гастрономия.

**Яцкевич Анастасия Алексеевна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры французского языка Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия; yatskevichna@mail.ru*

Yatskevich Anastasia Alekseevna – PhD in Culturology, Senior Lecturer at the French Language Department at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia; yatskevichna@mail.ru

© Яцкевич А.А., 2026

Ключевые слова: лингвокультурологическое поле; лингвокультурология; метод поля; гастрономические традиции; Франция; французский язык

Поступила: 10.09.2025

Принята к печати: 05.11.2025

Для цитирования: Яцкевич А.А. Метод лингвокультурологического поля (на примере исследования понятия «l'art de bien manger» во французском языке) // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 120–136. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.09

Yatskevich A.A.

The Method of the Linguacultural Field (Using the Example of the Study of the Concept of “l'art de Bien Manger” in French)

Abstract. This article explores French gastronomic traditions in everyday culture, specifically analyzing the concept of “l'art de bien manger” (the art of eating well) from a linguoculturology perspective. The linguacultural field approach was chosen as the systematic research method.

Widely used in linguistics, the field method in linguoculturology is promising, but requires further development and thorough analysis. This article attempts not only to systematize knowledge about the field concept in linguoculturology but also to advance the scientific justification of its use. The article devotes particular attention to such a characteristic of the linguacultural field as its correlation with categories of national mentality and worldview. Studying the French concept of “l'art de bien manger” through the interrelationship of language and culture allowed us to describe the unique worldview of the French in such a significant area of their lives as gastronomy.

Keywords: linguocultural field; linguoculturology; method of the field; gastronomic traditions; France; French language

Received: 10.09.2025

Accepted: 05.11.2025

For quoting: Yatskevich A.A. The Method of the Linguacultural Field (Using the Example of the Study of the Concept of “l'art de Bien Manger” in French) // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 120–136. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.09

Введение

Метод поля, широко применяемый в лингвистике, может быть успешно применен и в лингвокультурологии. При этом особенностью лингвокультурологического поля, «его элементов, характера основных семиотических свойств является то, что они по своей природе представляют более сложное, многомерное явление по сравнению с обычными полями» [Воробьев, 2008, с. 60], поскольку наука лингвокультурология объединяет язык и культуру в области своего исследования. Это в особенной степени можно продемонстрировать на примере такой существенной для французов сфере жизнедеятельности, как гастрономия и гастрономическая культура.

Цель статьи – исследовать понятие «*l'art de bien manger*» (искусство правильно есть) на французском языке методом лингвокультурологического поля, обосновать перспективность использования данного метода в лингвокультурологии. Заявленной цели исследования соответствует ряд задач:

- в рамках заданной тематики определить лингвокультуремы с большим потенциалом внутренних национально-детерминированных смыслов, задать координаты и сегментировать поле «искусство правильно есть», изучить каждый сегмент поля по отдельности и прояснить общий смысл изучаемого понятия, описать систему социально-культурных норм и ценностей, присущих французской нации в области культуры еды;

- систематизировать научные знания о методе лингвокультурологического поля, выявить его особенности, сделать шаг вперед в описании использования данного метода на примере французской лингвокультуры.

Лингвокультурологической направленностью исследования обусловлена актуальность и новизна данной статьи. Эмпирическим материалом представленного анализа послужили научные и публицистические источники на французском языке по теме гастрономической культуры Франции. Помимо метода лингвокультурологического поля, был использован ряд общедисциплинарных методов, таких как диахронический и контекстуально-интерпретационный анализ, контрастивный анализ, метод теоретического обобщения и работа с оригинальным языковым материалом, а также аксиологический метод, связанный с изучением культуры как совокупности ценностей.

Исходные положения и теоретическая основа исследования

В качестве теоретической основы данной работы мы взяли концепцию поля как системного метода исследования, предложенную В.В. Воробьевым в лингвокультурологии и названную концепцией лингвокультурологического поля [Воробьев, 2008]. Следует отметить, что метод поля, во-первых, широко используется в других науках, в том числе в языкознании, и во-вторых, что это не единственная методика, которой пользуются в лингвокультурологии. Однако ее важность обуславливается системным и синтезирующим подходом.

Если считать лингвокультуре́му основной единицей описания в лингвокультурологии [Воробьев, 2008, с. 45], то именно концепция поля может стать оптимальным методом исследования (в совокупности с другими), потому что позволяет структурировать исследуемые категории и единицы описания и подойти к ним комплексно и широко. В.В. Воробьев отталкивается от «понятия семантического поля как совокупности единиц, объединенных общим содержанием и имеющих иерархическую структуру, получившего большую сферу применения и имеющего хорошие перспективы прежде всего в лингвистике, а также и других научных дисциплинах» [там же, с. 57–58].

В теории поля существует множество подходов [Василькина, 2024; Дружина, 2020; Попова, 2019; Тагаева, 2014]. При этом в области лингвистики и, безусловно, лингвокультурологии как относительно молодой науки она требует дальнейшего обстоятельного анализа, проработки и обоснования. В целом про метод поля можно сказать, что он является и признается одним из значимых достижений в лингвистике XX в. При этом ученые разных поколений и представители различных научных школ толкуют его по-разному. Т.А. Сухомлина отмечает: «Теория поля объединяет большое количество точек зрения, которые являются составляющими одной общей идеи – идеи смысловой связи слов друг с другом в языке» [Сухомлина, 2019, с. 147]. Л.А. Новиков приводит аналогию и сравнивает «поле» в лингвистике с электромагнитным полем в физике. Единицы поля он называет «напряженным» отношением частиц [Новиков, 1991].

Термин «поле» своими истоками уходит в представление о языке как о сложной системе, что было теоретически обосновано в том числе Ф. де Соссюром. Сам термин «поле» был введен в лингвистику Г. Ипсеном в 1924 г., который трактовал его как «совокупность слов, объединенных общим значением» [Ipsen, 1924]. Лексико-семантическая система языка, по Г. Ипсену, конструируется языковыми по-

лями. Л. Вайсгербер и Й. Трир также считали, что слово существует благодаря лексическому полю. «Чтобы понять значение отдельного слова, – отмечал Л. Вайсгербер, – надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента» [Вайсгербер, 2004, с. 110]. Концепция Й. Трира предполагала, что язык определенного периода представляет собой стабильную замкнутую систему, в которой «слова того или иного языка не являются обособленными носителями смысла, каждое из них, напротив, имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [Васильев, 1971, с. 106].

Среди разных видов «полей», которые выделяются различными учеными, для нас интерес представляет в том числе ассоциативное поле, которое основано не только на языковых, но и внеязыковых связях. Эти связи формируются по принципу ассоциаций. По К.А. Бурнаевой, «ассоциативное поле позволяет вербализовать сложную фиксированную систему, которая является определенным конечным результатом мыслительной деятельности индивида, характеризую национальную специфику ее организации» [Бурнаева, 2011, с. 51].

Таким образом, можно говорить о том, что предметом исследования могут стать не только языковые поля, но и такие поля, которые содержали бы понятия о внеязыковой действительности, в единицах которых содержалась бы информация о каком-либо элементе культуры. То есть представляется целесообразным использование метода поля при комплексном изучении языка во взаимосвязи с культурой, то есть в лингвокультурологическом аспекте. Отражаемые в этом поле связи могут выходить за пределы семантического поля как языковой категории и являться отражением культуры. В.В. Воробьев предлагает называть такое поле «лингвокультурологическим полем» и дает ему определение: «иерархическая система единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры» [Воробьев, 2008, с. 60]. Ученый отмечает, что «теория семантического поля в значительной степени позволяет прогнозировать структуру лингвокультурологического поля» [там же, с. 59]. В поле выделяется ядро и задается определенное смысловое содержание – его доминанта.

Так, исходя из задач нашего исследования, выделяем понятие «искусство правильно есть» (*l'art de bien manger*), которое становится ядром изучаемого лингвокультурологического поля. Раскрытию его смыслового содержания посвящена данная статья.

Результаты исследования

Во французском языке существует устойчивое выражение «l'art de bien manger», что дословно в переводе на русский язык означает «искусство правильно есть». Слово «manger» в этом словосочетании является глаголом, слово «bien» – наречием. Наречие «bien» можно было бы еще перевести на русский язык словом «вкусно». Такой вариант перевода, безусловно, имеет право на существование, особенно, когда контекстуально это оправдано или того требует красота слога. Однако мы намеренно взяли за основу нейтральный и дословный перевод «правильно / хорошо есть», так как рассуждаем об этом понятии сквозь призму лингвокультурологии. Переводя выражение «правильно есть» в лингвокультурологическую плоскость, мы имеем возможность исследовать его более глубоко, и наречие «bien» в этом случае окажется более релевантным, поскольку его можно трактовать значительно шире слова «вкусно», которое имеет отношение лишь ко вкусу пищи. Лингвокультурология, таким образом, позволяет нам существенно раздвинуть рамки изучаемого понятия и исследовать его в тесной связи с культурой и менталитетом народа.

Отдельно стоит отметить, что во французском языке выражение «правильно есть» может также использоваться в качестве существительного в сопровождении артикля «le bien manger», что еще более подчеркивает его глубинную лингвокультурологическую сущность, потому что под существительным мы подразумеваем самостоятельную часть речи, обозначающую предмет, лицо или явление. Таким образом, выстраивается синонимический ряд: «le bien manger», «l'art de bien manger», «l'art de la bonne chère» – выражения, которые могут быть переведены на русский язык, как «искусство правильно есть». Слово «искусство» отсылает нас к области культуры, а значит к широкому контексту использования изучаемого понятия. А если под «культурой» понимать особенности поведения, сознания, деятельности людей в разных сферах жизни, то, безусловно, можно говорить о гастрономических традициях французов в культуре повседневности, которые скрываются в рамках лингвокультурологического поля «l'art de bien manger».

Выделенное поле широко по своему содержанию и сложно по заложенным в нем элементам и связям. В данном контексте стоит отметить «принцип произвольности границ» [Воробьев, 2008, с. 62], на который опирается В.В. Воробьев. Он пишет: «Принцип произвольности границ, с одной стороны, дает возможность определенным обра-

зом задать поле, очертить его границы, соразмерить с исследовательской задачей, а с другой – указать на его периферию, зону взаимодействия со смежными полями» [там же, с. 62]. Считаем принцип произвольности границ важным в рамках данного анализа, поскольку именно он позволяет авторски подойти к структурированию поля «искусство правильно есть».

Чтобы определить сегменты поля, мы составили широкий ассоциативный ряд выражений, встречающихся во французском языке в гастрономическом дискурсе, которые могут быть соотнесены с понятием «искусство правильно есть».

В этот ассоциативный ряд вошли следующие слова и выражения: «le savoir-vivre» (искусство вежливости, правила хорошего тона), «manières de table» (манеры за столом), «l'art de la table» (сервировка), «plaisir du ventre» (наслаждение едой), «goût» (вкус), «savourer» (наслаждаться, смаковать), «déguster» (дегустировать), «plaisir du repas partagé» (радость совместной трапезы), «plaisir» (удовольствие), «avec plaisir» (с удовольствием), «se faire plaisir» (получить удовольствие, побаловать себя), «prendre du plaisir» (получать удовольствие), «se régaler» (полакомиться), «la convivialité» (дружелюбие, дружеское общение), «le vivre-ensemble» (времяпрепровождение), «autour du repas» (вокруг стола), «partager un moment» (разделить момент, разделить время), «prendre son temps» (не спешить), «fait maison» (домашнего приготовления, домашний), «produit maison» (домашнего производства), «frais cuisiné» (свежеприготовленный), «bonne alimentation» (хорошее питание), «alimentation équilibrée» (сбалансированное питание), «bio» (био), «local» (местный, местного происхождения), «manger naturel» (есть натуральную пищу, продукты), «saison» (сезонный), «produits de qualité» (качественные продукты), «de la bonne marchandise» (качественные безопасные товары), «manger équilibré» (есть сбалансированно), «manger sain» (есть здоровую пищу), «rythme des repas» (рацион питания, частота приема пищи), «rythmer les repas» (структурировать питание), «entrée, plat, dessert» (закуска, основное блюдо, десерт), «apéritif» (аперитив), «un repas complet» (полный обед, состоящий из трех блюд), «varier les menus» (делать меню разнообразным, менять меню), «la satiété» (сытость), «à sa faim» (досыта).

Далее из представленного ассоциативного ряда мы выделили опорные выражения, которые составили систему ассоциаций и взаимосвязей: 1. «удовольствие» (plaisir); 2. «дружеское общение» (la convivialité); 3. «сервировка» (l'art de la table); 4. «есть сбалансированную здоровую пищу» (manger naturel et équilibré); 5. «рацион питания,

частота приема пищи» (*rythme des repas*)). Данные опорные лингвокультуранымы мы называли сегментами, или центрами ядра, лингвокультурологического поля «искусство правильно есть».

На первый взгляд, приведенные выше слова и выражения могут показаться общими и «внеациональными», однако, если рассматривать и воспринимать их сквозь призму культурных ценностей, накопленных в течение разных периодов истории Франции, можно дать им интересные интерпретации и приблизиться к разгадке их глубинных экстралингвистических значений. Именно лингвокультурология позволяет это сделать.

В.В. Воробьев отмечает: «По своей природе лингвокультурологические поля, подобно языковым полям, могут иметь конкретный и абстрактный характеры. В зависимости от этого их доминантой являются соответственно слова конкретной или отвлеченной семантики» [Воробьев, 2008, с. 60]. В нашем случае выделенные центры общего поля представлены лингвокультуранымами-понятиями абстрактного характера, изучение и анализ которых позволяет от отвлеченных общих формулировок перейти к осмыслению их содержания и раскрытию национально-детерминированного значения. Поле, заданное через концепт, через систему отвлеченных, абстрактных понятий, необходимо исследовать до тех пор, пока эти значения не перейдут из разряда намеков в категории более ясные и понятные реципиенту, который не является носителем изучаемого языка.

Выделив сегменты лингвокультурологического поля «искусство правильно есть», или по-другому, центры ядра, мы определили их основные лингвокультуранымы, понятийные доминанты.

Для сегмента «удовольствие» (*plaisir*) это: «*plaisir du ventre*» (наслаждение едой), «*goût*» (вкус), «*savourer*» (наслаждаться, смаковать), «*déguster*» (дегустировать), «*avec plaisir*» (с удовольствием), «*se faire plaisir*» (получить удовольствие, побаловать себя), «*prendre du plaisir*» (получать удовольствие), «*se régaler*» (полакомиться).

Для сегмента «дружеское общение» (*la convivialité*) это: «*le vivre-ensemble*» (времяпрепровождение), «*autour du repas*» (вокруг стола), «*partager un moment*» (разделить момент, разделить время), «*plaisir du repas partagé*» (радость совместной трапезы), «*prendre son temps*» (не спешить).

Для сегмента «сервировка» (*l'art de la table*) это: «*manières de table*» (манеры за столом), «*le savoir-vivre*» (искусство вежливости).

Для сегмента «есть сбалансированную здоровую пищу» (*manger naturel et équilibré*) это: «*fait maison*» (домашнего приготовления, до-

машний), «produit maison» (домашнего производства), «frais cuisiné» (свежеприготовленный), «bonne alimentation» (хорошее питание), «alimentation équilibrée» (сбалансированное питание), «bio» (био), «local» (местный, местного происхождения), «manger naturel» (есть натуральную пищу, продукты), «saison» (сезонный), «produits de qualité» (качественные продукты), «de la bonne marchandise» (качественные безопасные товары), «manger équilibré» (есть сбалансированно), «manger sain» (есть здоровую пищу).

Для сегмента «rythme des repas» (рацион питания, частота приема пищи) это: «rythmer les repas» (структурировать питание), «entrée, plat, dessert» (закуска, основное блюдо, десерт), «apéritif» (аперитив), «un repas complet» (полный обед, состоящий из трех блюд), «varier les menus» (делать меню разнообразным, менять меню), «la satiété» (сытость), «à sa faim» (досыта).

Г. Кандлер, говоря о преимуществах использования метода поля при изучении объектов и явлений в области культуры, отмечал значимость каждой единицы поля, которые в своем единстве обеспечивают «плотное покрытие» поля, в пространстве которого прослеживаются сложные связи системы культурологических ценностей, изучение которых очень важно для дисциплины лингвокультурологии [Воробьев, 2008, с. 61]. Целостность и системность метода поля позволяет упорядочивать изучаемую понятийную систему, охватить ее в полном объеме сложных культурологических связей и явлений. Г. Кандлер выделял следующие принципы [там же, с. 61], на которых основывается метод поля:

- принцип целостности,
- принцип упорядоченности,
- принцип взаимоопределяемости,
- принцип полноты,
- принцип произвольности границ,
- принцип сплошного покрытия.

Перечисленные выше принципы применимы к полю «искусство хорошо есть» и предложенному способу его сегментации.

Мы рассмотрели каждый выделенный сегмент поля через соотношение элементов языка и культуры. Такой подход позволил в значительной полноте раскрыть изучаемое понятие. Более того, стоит отметить раскрывшиеся взаимосвязи между сегментами, как в языке, так и на уровне ценностных доминант, присущих французскому менталитету. Исследование каждого последующего сегмента раскрывалось еще полнее через взаимосвязи с другими сегментами, что позво-

лило в значительной полноте представить миропонимание французов в области гастрономической культуры, которое как бы было воссоздано «по фрагментам».

Приведем результаты проделанного лингвокультурологического исследования.

Для французского национального сознания чрезвычайно важна такая категория, как «удовольствие» (*plaisir*), удовольствие в самом широком понимании этого слова. Французу не столько важно просто поесть, удовлетворить свой инстинкт и насытиться, ему важно получить удовольствие от момента: от вкуса еды, даже более того, от сочетания вкусов (как блюда сочетаются между собой и как они сочетаются с вином), от общения друг с другом, от атмосферы, в которой это общение происходит. Современный публицист Сесиль Рог так описывает данную особенность французской гастрономической культуры: «Все очень серьезно! И действительно, для французов еда – это не просто еда, это момент жизни. Мы садимся за стол не столько для того, чтобы поесть, сколько для того, чтобы удовлетворить все наши пять чувств. Сервировка, ароматы, беседы и вкус блюд, подбор вин ... – все должно сочетаться в меру и создавать уникальный момент счастья» [Рог, 2023, с. 10].

Французу важно почувствовать и ощутить этот момент счастья, и не менее важно разделить его с друзьями или семьей. По-французски это называется «разделить момент» (*partager un moment*). Вообще, глагол «*partager qch avec qn*» (разделить что-то с кем-то) очень «красноречив» в данном контексте. Можно разделить обед, ужин, трапезу (*partager le repas*), можно разделить время, момент (*partager un moment*), можно разделить удовольствие (*plaisir du repas partagé*) и т.д.

Общение, совместные семейные ужины (особенно воскресные), прием гостей – многое в жизни француза крутится «вокруг стола» (*autour du repas*). Французы любят готовить для друзей и семьи, приглашать и ходить в гости. В спешке современной жизни они стараются выделить время для таких встреч, и не только по праздникам. Поэтому такие выражения, как «совместное времяпрепровождение» (*le vivre-ensemble*), «дружеское общение» (*la convivialité*) являются понятиями, которые отражают культурные ценности нации.

Для французов характерно уделять внимание тому, как они проводят свободное от работы время, как организуют свой быт, досуг и отпуск. Они вряд ли будут пускать это на самотек. Организуя досуг и свободное время, французы будут руководствоваться таким понятием, как «*prendre son temps*», что дословно означает «взять свое время», то

есть не будут торопиться и разделять моменты счастья с друзьями или семьей, в том числе за столом в приятном общении и разговорах.

Стоит отметить еще одну интересную деталь в жизни современных французов – беседы за столом. Французы любят говорить о кухне и еде, обсуждать рецепты, меню, сочетание блюд и вин между собой. Обратившись к истории, можно с уверенностью сказать, что эта традиция тянется сквозь века. Еще французские короли, их вельможи и повара сами составляли меню, обсуждали вкусы блюд. Потом эта традиция распространилась и на более мелкие буржуазные хозяйства. В конце XIX в., рассуждая на тему гурманства, Ги де Мопассан (Guy de Maupassant, 1850–1893), написал в одной из французских газет: «Чтобы правильно почувствовать вкус, нужно ужинать в компании спокойных и вдумчивых спутников и разговаривать только о поданных блюдах (это во сто крат увеличивает восприятие), а также в компании знающих и уточненных экспертов. <...> Кроме того, в гурманстве есть еще одно неопределимое достоинство, оно способствует такой дружбе и появлению такого неискоренимого чувства привязанности, непомерно более глубокого, чем то, которое может родиться между молодоженами в медовый месяц» [Drouard, 2010, p. 38].

Каждый француз в глубине души считает себя гурманом или хотя бы отчасти претендует на это звание. Это подтверждают богатые гастрономические традиции Франции, огромное количество гастрономической литературы, которая появлялась и продолжает появляться во Франции, а также повышенный интерес общества к своей национальной кухне, уважение к профессии повара, которая в последние несколько десятилетий широко популяризировалась и медиатизировалась во Франции. С детства французы растут среди разговоров о еде, обсуждений меню, дебатах по поводу новых блюд, продегустированных в ресторанах или приготовленных на собственных кухнях. Приглашая к себе в гости друзей или родственников, французы тщательно составляют меню и подбирают соответствующие вина, любят готовить, чтобы удивить гостей, а за обеденным столом потом обсуждают съеденное и делятся кулинарным опытом.

Стоит также отметить, что в общей системе кулинарных традиций повседневности для французов чрезвычайно важен **рацион питания и порядок подачи блюд**. Закуска, основное блюдо, десерт (*entrée, plat, dessert*) являются французской «классикой жанра» и основой при составлении меню. Блюда в меню должны сочетаться между собой. Вино должно соответствовать тем блюдам, которые подаются. Обычный обед или ужин, как правило, состоит из салата, мяса или рыбы с гар-

ниром в качестве основного блюда и десерта. На десерт может подаваться сыр. И это тоже часть культуры и французской гастрономической традиции. Интересно, что сыр стал подаваться на десерт уже в эпоху Ренессанса. Во время «куртуазных» обедов, которые устраивались при династии Капетингов, на десерт подавались сыры. В соответствии с этикетом того времени, если после основного приема пищи гость оставался немного голодным (*avoir une petite faim*) [Guy, 1985, p. 15], он мог удовлетворить эту потребность, съев сыры. С течением времени заметно сократилось количество блюд и подаваемой пищи, но традиция заканчивать трапезу сырами в качестве десерта по-прежнему практикуется.

Идея регламентировать обед остается жить и по сей день. В жизни современных французов она проявляется в формуле из трех блюд (закуска – основное блюдо – десерт). Традиция придерживаться правил подачи блюд также восходит к королевским традициям разных эпох, когда обеды и церемонии подачи строго регламентировались. С тех пор количество блюд сократилось в разы, но по-прежнему французы традиционно стараются «подчинить» свои обеды и ужины определенным правилам, регламентируя подачу блюд. Эта условность сохранилась в культуре повседневности французов и стала отличительной чертой французских ужинов и обедов. Такая классическая формула, как закуска – основное блюдо – десерт является протоколом обычной трапезы. Это называется «полным обедом» (*un repas complet*). И даже в ресторанах в качестве бизнес-ланча можно встретить предложение под названием «*la formule*», которое соответствует закуске, основному блюду и десерту.

В связи с регламентом подачи блюд, а также в дополнение к теме общения «вокруг стола», стоит отметить еще одно интересное гастрономическое явление, которое практикуют французы. Это аперитив. Значений слова аперитив (*apéritif*) несколько. Во-первых, это напитки, чаще всего алкоголесодержащие, которые можно выпить в неформальной обстановке перед тем, как сесть за стол, и во-вторых, собственно момент, когда это происходит [Larousse]¹. При этом французы также практикуют аперитив как отдельный прием пищи, на который приглашают друзей или родственников, как правило, в выходные около 12.00 или в будние дни около 18.00. Длится такой прием не больше часа-полтора. В это время подают вино, коктейли или другие алкоголесодержащие напитки, а также разные мини-закуски или сырную

¹URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ap%C3%A9ritif/4428>

тарелку. Гости при этом общаются в неформальной атмосфере. Если речь идет о деловых партнерах, в такие моменты удобно обсудить деловые вопросы. После аперитива гости расходятся на обед или ужин к себе домой или в ресторан. Сесиль Рог отмечает одну интересную деталь, которая очень «красноречива» сама по себе: «В России приглашают на чай, а во Франции – на аперитив» [Рог, 2023, с. 23]. Такое сравнение отсылает к истории и описывает особенности национального менталитета, которые выражаются в культуре повседневности. Так, русская традиция «пригласить на чай» восходит к традиции длительного купеческого чаепития, неизменным атрибутом которого было огромное количество угощений и выпечки, которые подавали к чаю, одному из самых важных напитков на Руси. Во Франции самым важным напитком считается вино, к которому больше подходят небольшие закуски. В целом для французов предпочтительнее попробовать, продегустировать вкусы (*déguster*), обсудить их сочетание между собой и с вином, насладиться вкусами (*savourer*). Такие категории, как «поесть досыта», «сытость», не являются первостепенными для французского менталитета. Напротив, важное место занимают такие понятия, как «сбалансированная пища» (*alimentation équilibrée*) или «питаться сбалансированно» (*manger équilibré*), небольшие порции, еда в меру. Вообще чувство меры является одной из составляющих понятия хорошего вкуса и хороших манер. Во французском языке существует словосочетание «*manger à sa faim*», которое на русский язык можно буквально перевести «есть до своего голода». Обратившись к контрастивному анализу, можно сравнить это выражение с русским выражением «есть досыта». Смысловые и культурологические оттенки у этих двух выражений будут отличаться. «Досыта» и «до своего голода» не значит одно и то же. Неслучайно в русском языке однокоренным словом «досыта» является слово «сытость», а выражение «*manger à sa faim*» содержит слово «голод» (*faim*). Это очень показательно. Русскому человеку важно поесть досыта, то есть насытиться. А французу важно найти ту грань в приеме пищи, когда он не будет чувствовать голод, но при этом не переест, то есть ему важно **питаться сбалансированно** (*manger équilibré*). Это касается и выбора продуктов. Продукты должны быть качественными (*produits de qualité*), свежими, желательно сезонными (*saison*), местного происхождения (*local*), от проверенного добросовестного поставщика (*de la bonne marchandise*). Слово, которое в последнее время часто звучит на страницах французской прессы и в кулинарных книгах, а также становится темой для дискуссий – это слово «био» (*bio*). Современный тренд на «био» про-

дукты прекрасно ложится на исторически сложившуюся французскую традицию покупать свежие продукты на рынках выходного дня от местных фермеров и производителей. В словаре Larousse словосочетание «être équilibré» (быть сбалансированным) означает: во-первых, быть составленным из элементов, находящихся в балансе, с точки зрения количества и качества (синоним – гармоничный); и во-вторых, быть взвешенным, разумным, здоровым (синонимы – спокойный, обдуманный) [Larousse]¹. За словосочетанием «питаться сбалансированно» (*manger équilibré*) скрываются интересные лингвокультурологические смыслы, которые проявляются во французской гастрономической традиции повседневности: есть в меру, питаться качественными продуктами, составлять разнообразное меню (*varier les menus*), питаться по четкому расписанию. О последней традиции, хоть она и немного меняется в современном обществе, стоит сказать несколько слов. Французы стараются придерживаться фиксированных часов приема пищи. Обед проходит с 12.00 до 14.00. Это для французов особое время, когда их лучше не беспокоить по деловым или иным вопросам [Загряжкина, 2009, с. 12]. Ужин, как правило в кругу семьи, устраивают в часы с 19.00 до 20.00. Еда, приготовленная дома на ужин (*fait maison*), или по-другому свежеприготовленная (*frais cuisiné*), – неоспоримая ценность для французов, равно, как и общение за столом в кругу семьи.

Заканчивая тему гастрономических традиций в культуре повседневности французов, стоит отметить внимание к **сервировке** (*l'art de la table*), традиции, которая тянется из глубины веков. Неслучайно в выражении «*l'art de la table*», которое дословно можно перевести на русский язык как «искусство стола», содержится слово «искусство» (*art*). Когда французы едят, они не только наслаждаются вкусом и общением, но и получают визуальное удовольствие. Обстановка, сервировка стола являются неотъемлемой частью понятия «искусство хорошо есть». В полной мере раскрывается слово «искусство» во французском словосочетании «*art de la table*» (сервировка) – это праздничный стол, который отличается особенной изысканностью сервировки. В мировосприятии французов быт, являясь категорией утилитарной и относящейся к повседневности, тем не менее должен приносить удовольствие и создавать настроение (*prendre du plaisir*). И во многом французы создают его сами (*se faire plaisir*).

¹URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/%C3%A9quilibrer/30675>

Заключение

Анализ понятия «искусство правильно есть» методом лингвокультурологического поля позволил очертить его культурно-бытовой контур и определить основные гастрономические привычки французов. Было выявлено, что в лингвокультурах поля, которые соотносятся с собственно языковым планом, содержатся знания не только о культуре, но еще и о национальных чертах характера, которые формировались под действием и в процессе многогранной материально-бытовой действительности и духовной жизни французского народа. В связи с этим, говоря о лингвокультурологии, стоит особо подчеркнуть соотнесенность изучаемого понятия, и в целом реалем и явлений культуры с национальным мировоззрением и национальными чертами характера народа. Лингвокультурология – это наука, которая изучает не только язык и культуру, но и производит анализ тех культурных ценностей, которые отражают систему ценностей изучаемого народа и проясняют его национальный характер и мировосприятие. Через структурирование лингвокультурем методом поля может быть воспроизведена картина мира определенного народа, описан его характер и мировидение.

Результаты проведенного анализа показали, что лингвокультурологическое поле представляет собой совокупность сопричастных полей (сегментов поля), имеющих общее смысловое ядро и соответствующую культурную репрезентацию в коллективном сознании нации, отраженную в том числе в языке. Лингвокультурологическое поле, таким образом, представляет собой не только метод исследования, но и комплексную единицу, систему единиц, систему координат, позволяющую описать и прояснить значение кодов культуры, особенности национальной картины мира изучаемого народа и характер его национальной личности.

Список литературы

- Бурнаева К.А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // *Lingua mobilis*. 2011. – № 6 (32). – С. 51–58.
- Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
- Васильев Л.М. Теория семантических полей // *Вопросы языкознания*. – Москва : Наука, 1971. – № 5. – С. 105–112.
- Василькина Е.А. Теория семантического поля в лингвистике // *Гуманитарный научный вестник*. 2024. – № 12. – С. 84–88.

- Воробьев В.В. Лингвокультурология : Монография. – Москва : РУДН, 2008. – 336 с.
- Дружина Н.Л. Сематическое поле: теоретические концепции и методологические подходы // Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : Сборник научных статей / редкол. : И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.], под общей редакцией И.П. Зайцевой. – Витебск ; ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. – С. 53–57.
- Загряжская Т.Ю. Повседневная культура и национальные ценности (на материале кулинарных традиций Франции) // Библиотечное дело. 2009. – № 5 (95). – С. 6–13.
- Новиков Л.А. Семантическое поле как лексическая категория // Теория поля в современном языкознании: тез. докл. научно-теоретического семинара 21–22 июня 1991 г. Ч. 1. – Уфа, 1991. – С. 3–7.
- Попова Е.П. Понятие поля в лингвистике. История и современное состояние // Организация учебной и воспитательной работы в вузе: сборник статей. – Москва : Российский гос. ун-т правосудия, 2019. – Вып. 9. – С. 558–567.
- Рог С. «Франция, я люблю тебя! Искусство жить по-французски». – Москва : АСТ, 2023. – 256 с.
- Сухомлина Т.А. Теория поля как метод представления языковых явлений (на примере категории будущего времени) // Поволжский педагогический вестник. 2019. – Т. 7. – № 4(25). – С. 147–153.
- Тагаева Т. Проблемы теории поля в современной лингвистике // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2014. – № 4. – С. 95–99.
- Drouard A. Le mythe gastronomique français. – Paris : CNRS éditions, 2010. – 155 p.
- Guy C. Histoire de la gastronomie en France. – Paris : Editions Fernand Nathan, 1985. – 142 p.
- Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg. – Heidelberg : Winter, 1924. – S. 200–237. Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr/>

References

- Burnaeva, K.A. Associativnoe pole kak sposob modelirovaniya fragmenta yazykovogo soznaniya [Associative Field as a Way of Modeling a Fragment of Linguistic Consciousness]. In *Lingua mobilis*, no. 6 (32), 2011, pp. 51–58. (In Russ.)
- Vajsergerber, J.L. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native Language and the Formation of Spirit]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 232 p. (In Russ.)
- Vasil'ev, L.M. Teoriya semanticheskikh polej [Semantic Field Theory] In *Voprosy yazykoznaniya*. Moscow, Nauka, no. 5, 1971, pp. 105–112. (In Russ.)
- Vasil'kina, E.A. Teoriya semanticheskogo polya v lingvistike [Semantic Field Theory in Linguistics]. In *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, no. 12, 2024, pp. 84–88. (In Russ.)
- Vorob'ev, V.V. Lingvokul'turologiya: Monografiya [Linguocultural Studies: Monograph]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
- Druzhina, N.L. Sematicheskoe pole: teoreticheskie koncepcii i metodologicheskie podhody [Semantic Field: Theoretical Concepts and Methodological Approaches]. In *Grani yazyka: kommunikativno-lingvisticheskij, sociokul'turnyj, filosofskij i psihologicheskij aspekty. Sbornik nauchnyh statej* [Facets of Language: Communicative-linguistic, Socio-cultural, Philosophical and Psychological Aspects: Collection of Scientific Arti-

cles]. Editorial Board: I.P. Zajceva (ed.) [and Others], under the General Editorship of I.P. Zaitseva. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova Publ., 2020. pp. 53–57. (In Russ.)

Zagryazkina, T.YU. Povsednevnyaya kul'tura i nacional'nye cennosti (na materiale kulinarnykh tradicij Francii) [Everyday Culture and National Values (Based on the Culinary Traditions of France)]. In *Biblioteknoe delo*, no. 5 (95), 2009. pp. 6–13. (In Russ.)

Novikov, L.A. Semanticheskoe pole kak leksicheskaya kategoriya [Semantic Field as a Lexical Category]. In *Teoriya polya v sovremennom yazykoznanii: tez. dokl. nauchno-teoreticheskogo seminara 21–22 iyunya 1991 g. CH. 1* [Field Theory in Modern Linguistics: Thesis of the Scientific and Theoretical Seminar on June 21–22, 1991, Part I]. Ufa, 1991. pp. 3–7. (In Russ.)

Popova, E.P. Ponyatie polya v lingvistike. Istoriya i sovremennoe sostoyanie [The Concept of a Field in Linguistics. History and Current State] In *Organizatsiya uchebnoj i vospitatel'noj raboty v vuze: sbornik statej* [Organization of Educational and Educational Work at the University: a Collection of Articles]. Moscow, Russian State University of Justice Publ., Issue 9, 2019, pp. 558–567. (In Russ.)

Rogue, C. “Franciya, ya lyublyu tebya! Iskustvo zhit' po-francuzski” [France, I Love You! The Art of Living in French]. Moscow, AST Publ., 2023. 256 p. (In Russ.)

Suhomlina, T.A. Teoriya polya kak metod predstavleniya yazykovykh yavlenij (na primere kategorii budushchego vremeni) [Field Theory as a Method of Representing Linguistic Phenomena (Using the Category of Future Tense as an Example] In *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*. V. 7, no. 4(25), 2019, pp. 147–153. (In Russ.)

Tagaeva, T. Problemy teorii polya v sovremennoj lingvistike [Problems of Field Theory in Modern Linguistics] In *Vestnik Tadzhikskogo nacional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*, no. 4, 2014, pp. 95–99. (In Russ.)

Drouard, A. *Le mythe gastronomique français*. Paris, CNRS éditions Publ., 2010. 155 p. (In French)

Guy, C. *Histoire de la gastronomie en France*. Paris, Editions Fernand Nathan Publ., 1985. 142 p. (In French)

Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen. In *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg*. Heidelberg, Winter Publ., 1924, pp. 200–237. (In German)

Larousse. [website] URL: <https://www.larousse.fr/> (In French)

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

УДК 37.017.93

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.10

Михайлова Т.А.*¹, Оленева Н.В.*²

«КНИГА ИЗ КЕЛЛСА»: ТЕКСТ В ТЕКСТЕ¹

Аннотация. Статья посвящена символике зооморфных изображений в Книге из Келлса, важнейшем средневековом Евангелии, датируемом VIII веком и входящем в линию островных иллюминированных латинских кодексов. Авторы делят изображения животных из этой рукописи на три группы: символы Евангелистов, сплетенные в традиционный орнамент фигуры зверей (встречающиеся и в буквицах), и изображения животных, заполняющие пустоты в строках. Последние, за редкими исключениями, представляют собой как бы чисто орнаментальное оформление кодекса и с собственно евангельским текстом, как правило, не связаны. Но при этом они образуют своего рода визуальный ряд, прерывистый, не имеющий единой структуры, но безусловно информативный и представляющий собой уже не только орнамент, но и текст внутри текста. Особое внимание авторы уделяют изображениям котов, которые также могут быть

^{*1} *Михайлова Татьяна Андреевна* – ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва, Россия; tamih.msu@mail.ru

Mikhailova Tatyana Andreevna – Leading Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tamih.msu@mail.ru

^{*2} *Оленева Наталья Васильевна* – старший редактор Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; nataliyaolenewa@yandex.ru

Oleneva Natalya Vasilyevna – Senior Editor at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; nataliyaolenewa@yandex.ru

© Михайлова Т.А., 2026

¹«Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0008 «Интегративное изучение индоевропейских языков в диахронии и синхронии: филология и лингвистика», поддержанного Министерством образования и науки РФ».

разделены на орнаментальные и реалистические. В работе проанализированы картины, на которых прослеживается одна и та же тема: кот ловит мышь, которая пытается украсть гостию. Авторы показывают, что такие изображения, с одной стороны, отсылают к реальному монастырскому быту, но с другой, могут иметь глубокий символический смысл.

Ключевые слова: Книга из Келлса; иллюминированные рукописи; Ирландия; островная рукописная традиция; бестиарии; германский звериный стиль; евангельская символика

Поступила: 19.08.2025

Принята к печати: 04.11.2025

Для цитирования: Михайлова Т.А., Оленева Н.В. «Книга из Келлса»: текст в тексте // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 137–159. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.10

Mikhailova T.A., Oleneva N.V.

“The Book of Kells”: the Text within the Text

Abstract. The article is devoted to the symbolism of zoomorphic images in the Book of Kells – the most important medieval Gospels book which dates back to 8th century and stands in a row of insular illuminated Latin codes. The authors divide the images of animals from this manuscript into three groups: symbols of Evangelists, the figures of beasts interwinded into falk ornament (which also could be found in initials), and the images of animals that fill the empty spaces in lines. The last ones, with rare exceptions, are just ornamental decorations and as a rule are not connected with the gospel text. Although they form a kind of visual row, intermittent and without united structure, they provide information and form text within the text, not only an ornament. The article analyses pictures treating one and the same subject: a cat is hunting a mouse with a stolen wafer in its mouth. The authors demonstrate that such pictures, on the one hand, refer to the real monastic everyday life, yet on the other hand, they may have profound symbolic meaning.

Keywords: Book of Kells; illuminated manuscripts; Ireland; Insular manuscript traditions; bestiaries; Germanic animal style; Gospel symbolism

Received: 19.08.2025

Accepted: 04.11.2025

For quoting: Mikhailova T.A., Oleneva N.V. “The Book of Kells”: the Text within the Text // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 137–159. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.10

«Самым знаменитым манускриптом в библиотеке Тринити Колледжа является Книга из Келлса, роскошная рукопись, дошедшая до нас от раннего Средневековья Европы» [Brown, 1980, p. 7] – так начинает свое предисловие к популярной книге о «Евангелии из Келлса» Питер Браун, библиотекарь Тринити Колледжа. Полностью согласиться с ним трудно. Действительно, «Книга из Келлса», богато орнаментированное Евангелие, является самым знаменитым манускриптом библиотеки, однако его известность выходит далеко за пределы Тринити Колледжа. Мы можем с уверенностью сказать, что это один из важнейших памятников средневековой Европы, известный во всем мире, благодаря широкой популяризации ее затейливых орнаментов, воспроизводимых на плакатах, фарфоре, блокнотах и даже шарфах. Не случайно в 2011 г. «Книга из Келлса» была внесена в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Рукопись датируется началом IX в. и вписывается в линию иллюминированных латинских кодексов, в основном евангельских, к которым также относятся ирландские «Книга из Дурроу» (ок. 700 г.), «Книга из Армага» (IX в.), а также знаменитые британские рукописи – «Евангелие из Линдисфарна» (ок. 720 г.), «Даремское Евангелие» (VII в.) и «Евангелие из Эхтернаха» (ок. 710 г.), представляющие собой иллюминированные кодексы единой островной рукописной школы (см.: [Henderson, 1987]). Список памятников островной традиции, истоки которой, как принято считать, находятся в Нортумбрии (см.: [Brown, 1993; Nordenfalk, 1977, p. 10]), и распространившейся, предположительно, в Ирландии через скрипторий на Ионе (см.: [O'Dwyer, 1989, p. 428]), названными манускриптами далеко не исчерпан. К нему можно также отнести, например, «Евангелие из Ландевеннека» (Бретань, IX в.) и «Островное Евангелие», которое хранится в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга. Рукопись датируется VIII в. и известно, что она была куплена в конце XVIII в. в Париже русским дипломатом Петром Дубровским. Точное происхождение ее неизвестно, но у хранителей есть все основания относить ее все к тому же островному типу иллюминированных манускриптов (см.: [Привалова, 1962]).

Итак, «Книга из Келлса» – одна из многих, и даже не самая ранняя, но безусловно выделяющаяся и своим объемом (340 листов), и размерами (33 x 24 см.), и конечно в первую очередь – своими цветными орнаментами и миниатюрами, среди которых значительное место занимают изображения животных, как реальных, так и фантастических, и даже странных антропоморфных фигур. Эти изображе-

ния, за редкими исключениями, представляют собой как бы чисто орнаментальное оформление кодекса и с собственно евангельским текстом, как правило, не связаны. Но они образуют своего рода визуальный ряд, прерывистый, не имеющий единой структуры, но при этом безусловно информативный и представляющий собой уже не только орнамент, но и текст внутри текста.

Рисунки, дополняющие текст евангелий, выполнены настолько искусно, что создание «Книги из Келлса» на протяжении веков приписывали святому Колумбе, одному из самых известных ирландских святых. В «Анналах Ульстера», где мы встречаем первое упоминание этого манускрипта, он назван «Великое Евангелие Колума Килле», что дословно означает «Голубь Церкви» – так называли святого Колумбу. В массовом сознании и в церковной традиции связь этой рукописи со святым Колумбой была сильна еще до недавнего времени. Так, в 1874 году, сообщая о пропаже «Книги из Келлса», один из заголовков в газете “Birmingham Daily Post” гласил: «Тринити-колледж в Дублине в отчаянии. Пропало одно из его главных сокровищ: «Книга из Келлса», написанная святым Колумом Килле в 475 году» (эту цитату приводит Кристофер де Амель в книге «Манускрипты, изменившие мир» [Де Амель, 2023, с. 94]). Сейчас с уверенностью можно утверждать, что газетчики совершили ошибку, причем дважды – святой Колумба жил не в пятом веке, а в шестом, а «Книгу из Келлса» датируют концом восьмого или началом девятого столетия, однако в христианской среде это четвероевангелие до сих пор тесно связано с наследием святого. Благодаря этой связи, сейчас святой Колумба считается покровителем художников, рисующих в «кельтском» стиле. В первой половине XX века была записана молитва святому Колумбе о помощи современным мастерам, которые, как сказано в ее тексте, стремятся «подражать Книге из Келлса». Убранство так называемой «Часовни Святого Сердца» в монастыре Святой Марии в Дун Лири в Ирландии, где появилась упомянутая нами молитва святому Колумбе, тоже отсылает посетителей к орнаментам «Книги из Келлса» при помощи кругов, спиралей и зооморфных фигур, украшающих стены.

Святой Колумба как историческая личность действительно традиционно связывается с работой над рукописями, что подтверждается и на материале его Жития, написанного Адомнаном (Русский перевод Жития святого – см.: [Живлова, 2019]). Однако с исторической точки зрения, связь между святым Колумбой и «Книгой из Келлса» носит скорее легендарный характер и является одним из многочисленных

фактоидов, то есть повествований безусловно недостоверных, но при этом входящих в реестр культурно-исторического наследия.

Само создание рукописи связано также со своего рода легендой. Иона, монастырь, основанный святым Колумбой, был известен своим скрипторием, с одной стороны, и находился в непосредственной близости к Шотландии, с другой. Поэтому, что естественно, он стал одной из первых жертв грабительских рейдов викингов, нападавших вначале на небольшие островки западной Британии. Так, «Анналы Инисфаллена» отмечают на 795 год «разрушение Ионы Колума Килле» (см.: [Purcell, Emer, 2015, p. 46]). «Анналы четырех мастеров» отмечают, что в 801 г. «Иона Колума Килле была разграблена чужеземцами, и многие монахи, и светские, и клирики были убиты ими, всего шестьдесят восемь человек» [AFM: p. 412]. Через год нападение повторилось, а в 806 г. монастырь был сожжен, и оставшиеся монахи бежали с острова в монастырь Келлс. Принято считать, что в момент бегства они увезли с собой наиболее ценные рукописи, одной из которых и была «Книга из Келлса», завершенная и переплетенная уже там (см. об этом, например, [Stalley, 2013, p. 14–17]). Однако точных свидетельств того, что во время бегства манускрипт был уже завершен и доставлен водным путем в Ирландию (вспомним его размеры) у нас нет. Как пишет М. Херберт, ссылаясь на «Ульстарские Анналы», в 807 г. действительно началось строительство в Келлсе монастыря, принявшего в себя часть *фамилии* святого Колумбы (см.: [Herbert, 1996, p. 68]; см. также: [Ó Corráin, 1994, p. 1–32]). При этом полностью жизнь на Ионе не затухала, с одной стороны, а создание скриптория в Келлсе датируется также началом IX в., с другой. Таким образом, мы можем предположить, что либо наш манускрипт был все-таки создан на Ионе, но несколько позже, либо, что кажется более вероятным, он был в основном создан уже в Келлсе, но при участии писцов и художников-миниатюристов с Ионы. Однако в историю не столько создания, сколько бытования «Книги из Келлса» как драгоценного артефакта так органично вписывается рассказ о романтическом бегстве от скандинавов и спасении расписанных пергаментных листов, что сам этот сюжет уже становится также своего рода «текстом в тексте», который не подлежит и не требует четкой верификации.

Первое упоминание Евангелия из Келлса мы находим в «Анналах Ульстера». В одной из статей за 1007 год сказано: **Soiscelae Mor Coluim Cille** do dubgait isind aidhce asind airdom iartharach I n-daim liac moir **Chenannsa**; **primh-mind** iarthair domain ar ai in comdaigh

doendai. In soscela-sin do foghbail dia fichet adaig ar dib misaib iar n-gait de a oir & fot tairis. [AU, p. 436] – «Великое Евангелие Колума Килле было злостно украдено ночью из западной ризницы огромной каменной церкви Келлса. Это был самый ценный предмет западного мира из-за прекрасных украшений (может быть, тут имеются в виду украшения в виде человеческих фигур, но на сайте Dictionary of Irish Language (DIL) слово “doendai” в этом контексте проинтерпретировано как «прекрасный», а не как «человеческий» – за это замечание мы выражаем благодарность нашему анонимному рецензенту). Это Евангелие было найдено через два месяца и двадцать ночей: с него было снято золото, и оно было покрыто дерном».

Кража «Книги из Келлса» была лишь частью серии похищений драгоценных рукописей в тот период. Привлеченные дорогими окладами, украшенными золотом и драгоценными камнями, в начале XI века викинги также унесли псалтирь из аббатства святого Губерта Люксембурге (см.: [De Hamel, 2004, p. 3]) и «Золотой кодекс» из Кентербери, созданный предположительно в VIII в. и сейчас хранящийся в Шведской королевской библиотеке.

Келлс – монастырь в графстве Мит (Ирландия), его точная дата основания не известна. Несмотря на то, что упоминание в «Анналах Ульстера» связывает интересующее нас Евангелие с Келлсом, вероятнее всего, книга была создана или, по крайней мере, начата ок. 800 г. в другом месте – в монастыре на острове Иона, основанном св. Колумбой, а закончена уже в Келлсе [Кухтенкова, 2020, с. 124]. На это могут указывать некоторые косвенные свидетельства. Например, исследователи находят композиционные сходства на миниатюрах «Книги из Келлса» и изображениях на кресте святого Орана с острова Иона, который датируют VIII в. [Де Амель, 2023, с. 110]. Повод создания этого Евангелия до сих пор остается неизвестным. Возможно, оно было приурочено к некоему знаменательному сроку, прошедшему со смерти святого Колумбы (597 г.), или созданию нового храма, посвященного святому, как могло быть в случае с созданием Евангелия из Линдисфарна [Backhouse, 1981].

Сейчас принято считать, что «Книга из Келлса», начатая на Ионе, была перевезена в Келлс из-за набегов викингов: христианские общины были вынуждены двигаться с небольших островов и побережий вглубь страны, спасаясь от постоянных грабительских рейдов. Община монастыря святого Колумбы на острове Иона, у западного побережья Шотландии, была вынуждена перебраться на родину основателя их обители – в Ирландию (см. подробнее в: [Михайлова, 2012, с. 33–35]). В «Анна-

лах Ульстера» сказано, что в 806 году она в очередной раз подверглась жестокому нападению, в ходе которого было убито шестьдесят восемь монахов, а в 807 году в Кеннанасе, как тогда назывался Келлс, было начато строительство нового монастыря святого Колумбы. Видимо, по завершении работ, аббат Ионы Келлах перебрался в Келлс. Как пишут «Анналы Ульстера» на 814 год:

Ceallach, abbas Iae, finite constructione **temple Cenindsa**, reliquit prinncipatum, & **Diarmitius alumnus Daigri**, pro eoordinatus est. [AU, p. 270] – Келлах, аббат Ионы, после окончания постройки церкви в Кенана остался во главе, а Диармайд, ученик Дайгре, на его место был назначен».

Существует предположение, согласно которому именно аббат Келлах перевез из монастыря на Ионе в Келлс рукопись, которую мы сейчас называем «Книгой из Келлса». И там, на территории графства Мит, в аббатстве Келлс мы и находим первые следы книги – упоминание «Великого Евангелия Колума Килле» в 1007 году. Могла ли быть «Книга из Келлса» полностью составлена на Ионе – все ещё остается предметом споров.

Четвероевангелие, считавшееся реликвией из-за своего чудесного происхождения и исключительного исполнения, похищалось в средневековый период неоднократно. В «Анналах Ульстера» говорится о потере драгоценного оклада. Тексты Евангелий от Матфея, Марка и Луки дошли до нас, при этом, в относительной целостности. Последнее Евангелие от Иоанна, вероятно, не было закончено, о чем говорит отсутствие миниатюр, предполагаемых общей композицией [Кухтенкова, 2020, с. 127]. Возможно, эти страницы были утеряны.

Мастера, украшающие «Книгу из Келлса», использовали аури-пигмент, который ирландские монахи могли получать из Италии [Де Амель, 2023, с. 119]. Изысканность, мастерство и аккуратность, с которыми изготовлена книга, указывают на то, что книга была создана большой процветающей общиной в профессиональном скриптории. Над созданием книги работало несколько писцов и художников-миниатюристов. О том, сколько их было, и чья рука стоит за оформлением конкретных страниц, существуют разные мнения, но исследователи сумели выявить четыре типа письма.

«Книга из Келлса» сохранила на своих страницах записи, связанные с владением землей вокруг Келлского монастыря, добавленные с конца XI века до 1161 года. Договоры о покупке земель, вписанные аббатами на страницы евангелия, могли сопровождаться клятвой на нем. Эти записи убеждают нас в том, что всё это время

книга находилась в Келлсе и, вероятнее всего, в этот период она предназначалась больше для ритуальных целей, таких как принесение клятв, торжественное вынесение в ходе религиозных процессий и использование в литургии, чем для чтения и непосредственного изучения четырех канонических евангелий. Запись, добавленная на чистый лист в конце Евангелия от Луки в XV веке, содержит личную просьбу, и это убеждает нас в том, что в этот период Евангелие могло восприниматься как чудотворное. Книга оставалась в Келлсе, пока для сохранности её не перевезли в Дублин уже в середине XVII века. Когда книга еще хранилась в графстве Мит, она изучалась библистом, архиепископом и коллекционером Джеймсом Ашшером (1581–1656), и именно он ввел термин “The Book of Kells”. Позднее его племянник Генри Джонс передал «Книгу из Келлса» библиотеке Тринити-колледжа, в каталогах которого она впервые упоминается в 1688 году. Не сразу «Книга из Келлса» стала «национальным символом», менялось отношение к ней, ее предполагаемая датировка, однако, как можно предположить, уже довольно рано кодекс начал восприниматься как памятник искусства, а не как собственно евангельский текст. Реставрационные работы также меняли ее облик и сохранность, а однажды книга даже пропала из библиотеки Тринити-колледжа, но вскоре была вновь обретаена, так как ее не похитили, а просто ненадолго отвезли в Лондон, чтобы показать коллегам из Британского музея.

Таким образом, «Книга из Келлса» как артефакт имеет свою собственную историю, она обросла легендами, не все из которых абсолютно достоверны. Однако все они сейчас являются как бы элементами ауры, сияющей вокруг этого памятника, и тоже составляют своего рода уже самостоятельный, псевдо-исторический, но широко известный текст.

Сейчас «Книга из Келлса» хранится в Тринити-колледже. В 1825–1826 гг. архивист из Тринити Джордж Маллен, делая новый переплет для книги, значительно обрезал страницы рукописи сверху и снизу. В середине прошлого века было вновь решено обновить переплет книги, этим занялся Роджер Пауэлл. Тогда же страницы были отреставрированы, их сделали более прочными. В 1953 году Роджер Пауэлл разделил «Книгу из Келлса» на четыре тома, так разные Евангелия могли быть представлены в экспозиции одновременно. Таким образом, части «Книги из Келлса» сейчас хранятся отдельно

друг от друга. Целиком рукопись можно посмотреть на сайте библиотеки Тринити-колледжа, где она доступна в оцифрованном виде¹.

Собственно евангельский текст в «Книге из Келлса» по занимаемой им абсолютной площади, несомненно, уступает богатейшим орнаментам, которые представляют собой не столько иллюстрации и «украшения» листов, сколько самостоятельный «текст», часто не связанный с латинским. В первую очередь это относится к многочисленным изображениям животных.

Зооморфные изображения в «Книге из Келлса» можно условно разделить на три группы. К первой относятся собственно фигуры животных, символизирующих Евангелистов: лев (Марк), телец (Лука) и орел (Иоанн). Они встречаются как на отдельных листах, так и в листах канонических таблиц Евсевия Кесарийского (под аркадами). Ко второй группе можно отнести многочисленные изображения животных как элементов традиционного орнамента, а также – в буквицах. Третью группу составляют изображения животных, вставленные для заполнения пробелов в строках. Последняя традиция, как принято считать, представляет собой ирландскую рукописную инновацию и встречается уже в рукописи «Катах», псалтыри, которая датируется концом VI – началом VII вв. и приписывается святому Колумбе, одному из покровителей острова (см.: [Parkes, 1992, p. 25]). Изображения животных, относящихся к третьей группе, тяготеют к портретному сходству, они более реалистичны и отчасти их можно назвать предшественниками традиции, развившейся позднее в средневековых bestiaries.

Символы Евангелистов в «Книге из Келлса» скорее традиционны и следуют тетраморфной традиции изображения их с крыльями и нимбами, что хорошо иллюстрирует лист, поделенный на четыре квадрата, символизирующих стороны света (fol. 27 v; см. об этом: [Подосинов, 2000, с. 81], [McNally, 1971, p. 115–116]) (рис. 1). Но традиция эта, предположительно, в культуру «островных Евангелий» была привнесена позднее, поскольку в более ранних рукописях («Книга из Дурроу», «Евангелие из Эхтернаха») соблюдение этого канона еще не засвидетельствовано. Сами зооморфные фигуры в ранних памятниках относительно натуралистичны, тогда как в манускриптах более поздних обретают уже некий фантастический облик. В то же время включение образов евангелистов в канонические таблицы, предположительно, было известно островной традиции уже в

¹DOI: <https://doi.org/10.48495/hm50tr726>

с VII в. (см.: [Netzer, 1994]) и заимствовано в традиции западноевропейской, однако затем уже в рамках островного канона «развило свой собственный голос» [O'Reilly, 2019, p. 61].

Рис. 1. Ковровая страница с изображением четырех евангелистов в «Книге из Келлса», ок. 900 г. Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 27v

Изображения Евангелистов в «Книге из Келлса» в данном случае не отличаются качественно от европейской иллюминационной традиции VIII–X в., однако количественно, в том, что касается их размеров и степени и уровня сопровождающей их маргинальной орнаментализации, они безусловно выделяются на фоне всех островных и континентальных образцов. И можно сказать, что данная черта характеризует «Книгу из Келлса» в целом: это относится и к ковровым станицам, и к рамочным орнаментам, и к буквицам, причем орнаментальный элемент в манускрипте распространяется как на собственно пространство листа, занимая значительную часть как текста, так и миниатюры, так и как бы вглубь самого орнамента и буквицы. Как пишет автор одной из монографий о «Книге из Келлса», «основной задачей писца-миниатюриста было создание прекрасного объекта» [Henry, 1974, p. 153], и, с одной стороны, это действительно так. Но с другой – совершенно очевидно, что за чисто орнаментальными изображениями скрывается определенная символика, отчасти сейчас уже не поддающаяся полной расшифровке.

Рис. 2.1. Ковровая страница, в правом верхнем углу которой мы видим аналогичное изображение евангелиста Марка в образе льва. Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 29r.

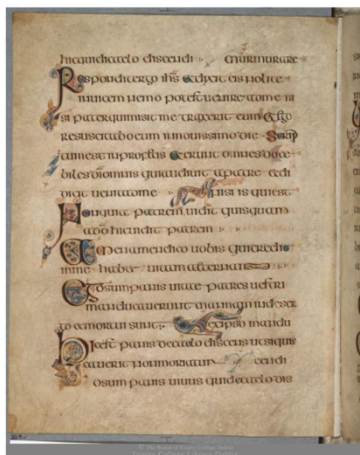

Рис. 2.2. Интерлинейный пробел заполняет лев, изображенный в том же стиле. Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 309v

Интересно в данном случае отметить, что сама традиция зооморфных образов в рукописи выдержана скорее в одном стиле, и, например, лев-Марк на листе 27 находит параллели в орнаменталь-

ной буквице на листе 29, начале Евангелия от Матфея, и, возможно, он же изображен на листе 309 уже в качестве фигурки, заполняющей интерлинеарный пробел (рис. 1, 2.1, 2.2). То есть – зооморфные фигуры как бы не различаются функционально и, выполненные достаточно условно, могут быть как чисто орнаментальными, так и условно портретными.

Изображение льва в данном случае скорее символично-орнаментально и его образ далек от попытки реалистического воспроизведения, в ряде случаев он мало отличим от дракона или даже пса. Как пишет о животных в «Книге из Келлса» Ч. Норденфальк, «они лишены своей зоологической идентичности, их тела переплетены подобно лентам, члены и челюсти соединены, что напоминает Германский звериный орнамент Стиля-2» [Nordenfalk, 1977, p. 17]. Под данным термином понимается специфический звериный орнамент, встречающийся в первую очередь на металлических изделиях и распространившийся в Европе и на Британских островах в эпоху Великого переселения народов. «Стиль-2 по своему происхождению и функциям был в первую очередь связан с воинской элитой» [Hedeager, 2000, p. 45], однако затем распространился как на резной каменный орнамент (см.: [Collins, 1913; Zarnecki, 1990]), так и в рукописной традиции, «впервые проявившись в Нортумбрии в VII в.» [Hawkes, 1961, p. 65].

Рис. 3. Ковровая страница, VII в. Book of Durrow. Dublin, Trinity College, MS 57, fol. 192v

Появление, распространение и символика так называемого «звериного стиля» на территории Евразии представляет собой достаточно серьезную проблему, не имеющую однозначного решения. Представляется очень удачной в данном случае попытка провести типологические параллели между звериным орнаментом и фольклорными мотивами, предпринятая в работе [Раевский, Кулланда, Погребова, 2013]. Действительно, подобно тому, как во многих регионах фиксируются схожие, если не идентичные фольклорные образы, «путь» и «суть» которых проследить бывает очень сложно, в элементах зооморфного орнамента, встречающегося и в околопермском регионе, и у скифов и сарматов, и в орнаментах Древней Руси, и у скандинавов, континентальных германцев и кельтов наблюдаются схожие, если не идентичные декоративные элементы. Как пишут авторы, «Вопрос об истоках скифского звериного стиля и его развитии на всем пространстве евразийского культурного континуума весьма сложен, и подход к его решению предполагает тщательное сравнительное изучение всех материалов на этой огромной территории» [там же, с. 187]. Если к этой территории мы добавим северо-запад Европы, то задача еще более осложнится, не только от расширения материала, но и необходимости сложным образом отсоединить от него дополнительную составляющую в виде характерных черт Латенского стиля, сложившегося в Центральной Европе примерно в VI в. до н.э. (см. подробнее в: [Jope, 1995; Филип, 1961, с. 34–57]) и затем распространившегося на запад вплоть до Британских островов и Ирландии. Одной из характерных черт латенского стиля было обильное и сложное переплетение декоративных линий, а также использование в них зооморфных элементов, полностью орнаментализованных. «Именно к этой традиции, – как пишет Е.В. Смирницкая, – оказался в первую очередь восприимчив ранний германский стиль» [Смирницкая, 2012, с. 132], выработавший к V–VI вв. н.э. своего рода суб-тип (Стиль-2), опирающийся на то, что она называет «эстетикой криволинейной структуры» [там же, 147]. Говоря проще, это был все тот же латенский плетеный орнамент, но в значительной степени усложненный введением зооморфных фигур. И именно этот стиль получил вскоре распространение на Британских островах, его можно видеть в каменных и деревянных рельефах, в металло-пластике, а также на страницах рукописей (см.: [Brown, 1994, p. 75]). Суть и смысл орнамента может быть интерпретирован на разных уровнях: на внешнем – изображения животных начинают носить уже чисто декоративный характер, и за ними не скрывается никакой глубинной символики, но на внутреннем – остается несомненная связь с утраченным культом жи-

вотных, либо проще – с традицией воспроизведения окружающего повседневного мира, в котором разного рода животные играли большую роль (см. об этом: [Doan, 1983]).

Зооморфный орнамент представлен уже в «Евангелии из Дурроу» (рис. 3), однако в «Книге из Келлса» он значительно усложнен и тяготеет к асимметричности, используя как в рамках к тексту, маргинальном орнаменте, так и буквицах.

Особого внимания заслуживают изображения животных (а также антропоморфные фигуры), использованные миниатюристом для заполнения лакун между строками (line-fillers). Отчасти они могут соотноситься с теми же элементами звериного стиля, представляя собой искаженные зооморфные образы, лишенные четкой зоологической дефиниции (рис. 4). Набор данного «бестиария» достаточно широк: к нему относятся рыбы, фантастические птицы, змеи, псы, львы и другие животные, а также цветы и люди. Как пишет автор диссертации о «Книге из Келлса», «эти изображения можно назвать продолжениями той же орнаментальной манеры, выработанной миниатюристом» [Mac Gabhan, 2015, p. 235], однако согласиться с ним можно лишь отчасти. В ряде случаев эти фигуры демонстрируют относительную реалистичность и генетически, как может показаться, восходят уже не к рукописной или орнаментальной традиции, но как бы к окружающему писца реальному миру, в чем проявилось особое искусство миниатюриста и отчасти даже – попытка интроспекции, то есть привнесение в текст элементов собственной личности и собственного мира. Вспомним, однако, что рукопись была создана в период раннего Средневековья, когда понятие авторства, утраченное с падением античной культуры, еще не успело оформиться вновь. Поэтому это как бы не собственно личный мир, но мир типовой, отражающий реальный быт монастыря и скриптория.

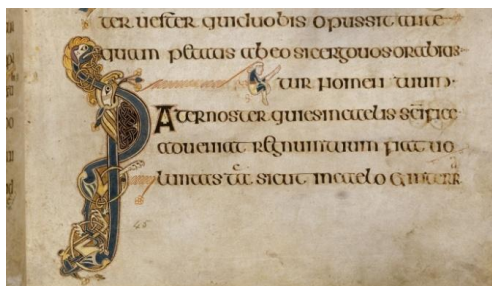

Рис. 4. Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 45r. – пример зооморфного и антропоморфного заполнения строки.

Сказанное, как кажется, особенно актуально для изображений котов, которые охотятся на мышей, стремящихся похитить облатку. На листе 48r мы видим кота, сидящего в профиль и хватающего мышью или крысу, в зубах которой характерный евхаристийный хлеб (рис. 5). Ср. похожие изображения мышей с облаткой из более поздних европейских бестиариев (рис. 6.1–6.2), то есть изображение (расположение фигур, соотношение их размеров) подверглось своего рода канонизации и превратилось в шаблон, подобно фольклорным темам и образам.

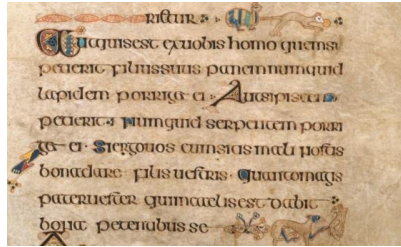

Рис. 5. Изображение кота, ловящего мышью, и пса, прена фрагменте страницы 48 r, «Книга из Келлса». Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 48 r.

Рис. 6.1. MS M. 81, fols. 46 v-47 r.,

Традиция изображать кота, мышью и облатку с крестом именно таким образом, которую мы видим в «Книге из Келлса» и позже встречаем в европейских бестиариях, по смыслу может восходить к «Этимологиям» Исихора Севильского и к гомилиям Оригена на книгу Бытия (см.: [Kordecki, 2000, p. 88–89; Muratova, 1989]). Из рассмотренных нами источников, в которых мы встречаем этот мотив, «Книга из Келлса» хро-

нологически первая, но один только этот факт не даёт нам права утверждать, что именно художниками, создавшими «Книгу из Келлса», был задан этот канон. Также обратим внимание на то, что в «Книге из Келлса» в миниатюре соединены два мотива, связанных между собой, но опосредованно: первый – кот ловит мышь, второй – мышь похищает облатку. В поздних bestiариях эти мотивы, как правило, разделены, и мы видим изображения котов, иногда – ловящих мышей, а параллельно – изображения мышей, иногда – похищающих облатку. Проводя параллель с синтаксисом текста, мы можем сказать, что средневековый bestiарий представляет собой набор простых клауз, тогда как в евангелии из Келлса это уже «сложно-сочиненное предложение», что для миниатюры скорее нетипично. Говоря проще, создатель маргинальных вставок в нашем тексте, как можно с осторожностью предположить, ориентировался в данном случае не на воспроизводимый вербальный текст, который надо было украсить, а на текст иконический, также имеющий свою структуру, но ориентированный на другого адресата.

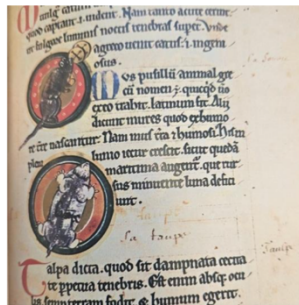

Рис. 6.2. MS Lat. Q.v. V. I.

Кем был этот адресат? Мы вполне можем предположить, что условно-портретные изображения животных отражают повседневную действительность монахов: мыши портят евхаристийный хлеб, а коты должны защитить его. Мыши могли не только повредить важные и дорогие запасы зерна, но и посягнуть на сакральные предметы вроде священных книг или, как мы видим на многих изображениях, символизировавший тело Христова хлеб. Так, в «Книге из Келлса» кот представлен как защитник важного с сакральной точки зрения предмета, что позволяет нагружать его образ дополнительным религиозным подтекстом. Более того, изображение успешной охоты в данном случае отсылает к

евангельскому образу «ловцов человека» (ниже также дан рисунок пса, охотящегося на зайца), а статичная фигура самого кота, предположительно, символизирует терпение. Таким образом, повседневный быт оказывается также символичным и его иконическое воспроизведение предполагает и возможность его многопланового прочтения. Собственно говоря, на этом приеме строятся и евангельские притчи, которые переписчик как раз и воспроизводил, и хорошо знал.

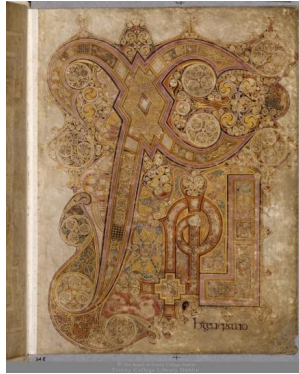

Рис. 7. Христограмма на ковровой странице, в нижней части которой художник изобразил двух котов, окруженных мышами, «Книга из Келлса».

Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 34 r.

На листе 34 г также можно увидеть изображения котов, вплетенных в буквицу на ковровой странице. (рис. 7, 8). Но на этот раз они в спокойной позе, а мыши (или крысы) сидят у них на головах, а также поедают облатку. Данное изображение имеет долгую историю изучения и, как принято считать, символизируют праздность, однако возможны и другие интерпретации¹. На этом рисунке, как показал миниатюрист, изображение котов имеет, с одной стороны, символическое значение. Но с другой – также отсылает к привычному монастырскому быту. Возможен и третий вариант подхода: соотнесение рисунка с текстом Евангелия. Если лист 34 (ковровая страница) дает для такой интерпретации мало материала, лист 48, содержащий текст Нагорной проповеди (от Матфея), более перспективен с дан-

¹Более подробное описание глубинной символики зооморфных фигур в «Книге из Келлса» – см. в нашей работе: [Михайлова, Оленева, 2025].

ной точки зрения. Так, Д. Макгаванн проследил связь рисунков на нем с содержанием латинского текста, находящегося на странице, и пришел к выводу, что сцены охоты визуально дополняют 7 стих 7 главы Евангелия от Матфея “*petite et dabitur vobis quaerite et invenietis pulsate et aperietur vobis*” (Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам). [Mac Gabhann, 2015, p. 235]. Мотив удачной охоты здесь предстает как воздаяние в ответ за проявленное усердие.

Рис. 8. Изображение котов, ловящих мышей, на фрагменте страницы 34 г, «Книга из Келлса». Book of Kells. IE TCD MS 58, fol. 34 r.

В данном случае невольно вспоминается известное древнеирландское стихотворение, названное условно «Монах и его кот», сохранившееся в виде интерлинейрной маргиналии в тексте «Книги из Рейхенау» (хранится в монастыре св. Павла в Австрии) и датируемое IX в. Анонимный автор сравнивает себя с котом по имени Белый Пангур, который терпеливо ждет мышь у ее норки, в то время как он сам терпеливо разбирает древний текст. И подобно тому, как кот радуется, когда мышь попадает в его сеть, сам он также радуется, когда ему удастся постичь глубинный смысл переписываемого:

Caraimse fos, ferr cach clú,
Oc mu lebran leir ingnu;
Ni foirmtech frimm Pangur Bán:
Caraid cesin a macedán.
...Gnáth, huraib, ar gressaib gal
Glenaid luch inna linsam.
Os mé, du-fuit im lín chéin
Dligned ndoraid cu ndroncheill. [Murphy
1998, p. 2]

Люблю я более всякой славы,
Сидеть с моей книжечкой постоянной;
Мне не завидует Пангур Белый:
Любит он свое ребяческое искусство.
Бывает, он жарким броском
Ловит мышь в свои сети.
Я же в свои сети
Ловлю трудные смыслы слов. (перевод условен)

Но эта, казалось бы, простая зарисовка из быта монастырского скриптория также имеет символический смысл. Как показано в известной работе Г. Тонера [Toner, 2009], кот в стихотворении – это не просто кот, и даже не только двойник самого монаха, но и символическое присутствие Святого Духа.

Мы не уверены в том, что данный вывод полностью справедлив, точнее, что именно это эксплицитно подразумевал анонимный автор стихотворения. Однако сама идея возможности многоуровневого прочтения как текста, так и изображения, является в данном случае безусловно верной, и зооморфные орнаменты «Книги из Келлса» служат этому хорошей иллюстрацией. За каноном стоит индивидуальность, за традиционным орнаментом – интроспекция.

Список литературы

Исследования

Де Амель К. Манускрипты, изменившие мир: самые удивительные рукописи Средневековья / пер. с англ. Д. Серегина. – Москва : Эксмо, 2023. – 608 с.

Живлова Н.Ю. Мир святого Колумбы. Раннесредневековая Ирландия и Британия глазами монахов с острова Иона. – Москва : ЯСК, 2019. – 430 с.

Кухтенкова О.А. Очерки истории кельтской книжности. – Санкт-Петербург : Евразия, 2020. – 192 с.

Михайлова Т.А. Ирландия от викингов до норманнов: язык, культура, история. – Москва : ЯСК, 2012. – 400 с.

Михайлова Т.А., Оленева Н.В. Бестиарий в «Книге из Келлса»: зооморфный орнамент или символические образы? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2025. – № 4, (в печати).

Подосинов А.В. Символы четырех Евангелистов. Их происхождение и значение. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 177 с.

Привалова Е.Л. Ирландская средневековая иллюминированная рукопись в собрании Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Средние века. Сборник. Вып. 21, – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 201–211.

Раевский Д.С., Куланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор: поэтика скифского звериного стиля. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. – 274 с.

Смирницкая Е.В. Германский звериный стиль как орнаментальное искусство // Атлантика. Записки по исторической поэтике. – Москва : Макс-Пресс, 2012. – С. 131–182.

Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. – Прага : Изд-во Чехословацкой Академии Наук, 1961. – 216 с.

Backhouse J. The Lindisfarne Gospel: A Masterpiece of Book Painting. – Ithaca : Cornell University Press, 1981. – 96 p.

Brown M.P. Understanding Illuminated Manuscripts. A Guide to Technical Term. – London : The J. Paul Getty Museum, 1994. – 128 p.

Brown P. The Book of Kells. Forty Eight Pages and Details. – London : Thames and Hudson, 1980. – 96 p.

Brown T.J. Northumbria and the Book of Kells // A Palaeographer's View: The Selected Writings of Julian Brown. – London, 1993. – P. 98–102.

Collins A.H. Symbolism of Animals and Birds, Represented in English Church Architecture. – London : Sir Isaac Pitman & Sons, 1913. – 257 p.

De Hamel C. “Book Thefts in the Middle Ages” // Against the Law: Crime, Sharp Practice and the Control of Print / Eds. R. Myers, M. Harrisand, G. Mandelbrote. – London, 2004. – P. 1–14.

Doan J.D. The Animal Style in Celtic and Thracian Art // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. Vol. 3. – Harvard : Harvard University Department of Celtic Languages & Literatures, 1983. – P. 149–167.

Hawkes S. The Jutish Style A. A Study of Germanic Animal Art in Southern England in the Fifth Century A.D. // Archaeologia. Vol. 98, Jan., 1961. – P. 29–74.

Hedeager L. Migration Period Europe: The Formation of a Political Mentality // Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Eds. F. Theuws and J. Nelson. – Leiden-Boston : Brill, 2000. – P. 15–57.

Henderson G. From Durrow to Kells: the Insular Gospel-books 650–800. – London : Thames & Hudson, 1987. – 224 p.

Henry F. The Book of Kells. – London : Thames & Hudson, 1974. – 230 p.

Herbert M. Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba. – Dublin : Four Courts Press, 1996. – 327 p.

Jope M. The Social Implication of Celtic Art : 600 BC to AD 600 // The Celtic World / Ed. M. Green. – London and New York : Routledge, 1995. – P. 376–410.

Kordecki L. Making Animals Mean : Spiciest Hermeneutics in the Physiologus of Theobaldus // Animals in the Middle Ages / Ed. N.C. Flores. – London : Routledge, 2000. – P. 85–102.

Mac Gabhann D. The Making of the Book of Kells: Two Maters and Two Campaigns. Unp. PhD thesis, – London : University of London, School of Advanced Studies, 2015. – 679 p.

McNally R. The Evangelists in the Hiberno-Latin Tradition // Festschrift Bernhard Bischoff / Ed. A. Hiersemann. – Stuttgart, 1971. – P. 111–122.

Muratova X. Workshop Methods in English Late Twelfth-Century Illumination and the Production of Luxury Bestiaries // Beasts and Birds of the Middle Ages: the Bestiary and Its Legacy / Ed. by Willene B. Clark and Meradith T. McMunn. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1989. – P. 53–68.

Murphy G. Early Irish Lyrics. With a New Foreword by T. Ó Cathasaigh. – Dublin : Four Courts Press, 1998. – 315 p.

Netzer N. Cultural Interplay in the Eighth Century, the Trier Gospels and the Making of a Scriptorium at Echternach. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 258 p.

Nordenfalk C. Celtic and Anglo-Saxon Painting. Book Illumination in the British Isles 600–800. – New York : George Braziller, 1977. – 136 p.

Ó Corráin D. “The Historical and Cultural Background of the Book of Kells” // In The Book of Kells: Proceedings of a Conference at Trinity College Dublin, 6–9 September 1992. – Dublin : Scholar Press for Trinity College Dublin, 1994. – P. 1–32.

O'Dwyer B.W. Celtic-Irish Monasticism and Early Insular Illuminated Manuscripts // The Journal of Religious History. 1989. Dec. – Vol. 15. – No. 4, – P. 425-435.

O'Reilly J. Early Medieval Text and Image 1: Insular Gospels. – London and New York : Routledge, 2019. – 392 p.

Parkes M.B. Pause and Effect. – Aldershot : Scolar Press, 1992. –352 p.

Purcell Em. The First Generation in Ireland, 795–812: Viking Raids and Viking Bases? // Eds. Clarke H.B. and R. Jihnsen. The Vikings in Ireland and the Beyond: Before and After the Battle of Clontarf. – Dublin : Four Courts Press, 2015. – P. 41–54.

Stalley R. Iona, the Vikings and the Making of the Book of Kells // History Ireland, Issue 3 May/June 2013. – Vol. 21. – P. 14–17.

Toner G. “Messe oculus Pangur Bán”: Structure and Cosmology // Cambrian Medieval Celtic Studies. 2009. – No. 57 (Summer). – P. 1–22.

Zarnecki G. Germanic Animal Motifs in Romanesque Sculpture // Artibus et Historiae. 1990. – Vol. 11. – P. 189–203.

Источники

Петербургский Бестиарий. MS Lat. Q.v. V. I.

AU – W. M. Hennessy & B. Mac Carthy, Annala Uladh: Annals of Ulster otherwise Annala Senait, Annals of Senat: a chronicle of Irish affairs from A.D. 431 to A.D. 1540. (Dublin, 1887–1901, repr). Volume I. Book of Kells. IE TCD MS 58 (Trinity College, Dublin)

AFM – Annals of the kingdom of Ireland by the Four Masters/ Ed. And transl. by J. O'Donovan. Dublin: Hodges, Smith & Co. 1848–1951. – 1282 p.

Book of Durrow. IE TCD MS 57 – URL:

<https://digitalcollections.tcd.ie/concern/works/wm117t53k?locale=en> (date of access: 04.05.2025)

Primer Reichenau. Photographed by Dr. Konrad J. Tristram 03.03.1998. – URL: <https://hildegard.tristram.de/schulheft/> (date of access: 04.06.2025)

Йорксопский Бестиарий. Morgan Library, MS M.81. – URL: <https://www.themorgan.org/collection/worksop-bestiary> (date of access: 01.05.24)

References

Backhouse, J. *The Lindisfarne Gospel: A Masterpiece of Book Painting*. Ithaka, Cornell University Press Publ., 1981. 96 p.

Brown, M.P. *Understanding Illuminated Manuscripts. A Guide to Technical Term*. London, The J. Paul Getty Museum Publ., 1994. 128 p.

Brown, P. *The Book of Kells. Forty Eight Pages and Details*. London, Thames and Hudson Publ., 1980. 96 p.

Brown, T.J. Northumbria and the Book of Kells. In *A Palaeographer's View: Selected Writing of Julian Brown*. London, 1993, pp. 98–102.

Collins, A.H. *Symbolism of Animals and Birds, Represented in English Church Architecture*. London, Sir Isaac Pitman & Sons Publ., 1913. 257 p.

De Hamel, C. “Book Thefts in the Middle Ages”. In *Against the Law: Crime, Sharp Practice and the Control of Print*. Eds. R. Myers, M. Harrisand, G. Mandelbrote. London, 2004, pp. 1–14.

De Amel', K. *Manuskripty, izmenivshie mir: samye udivitel'nye rukopisi Srednevekov'ya*. [Manuscripts that Changed the World: The Most Amazing Manuscripts of the Middle Ages], Trans. by. D. Seregina. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 608 p. (In Russ.)

Doan, J.D. The Animal Style in Celtic and Thracian Art. In *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*, Vol. 3. Department of Celtic Languages & Literatures, Harvard University. 1983, pp. 149–167.

Filip, Ya. *Kel'tskaya civilizaciya i ee nasledie* [Celtic Civilization and Its Legacy]. Praga, Izd-vo Chekhoslovackoj Akademii Nauk Publ., 1961. 216 p.

Hawkes, S. The Jutish Style A. A Study of Germanic Animal Art in Southern England in the Fifth Century A.D. In *Archaeologia*, Vol. 98. Jan., 1961, pp. 29–74.

Hedeager, L. Migration Period Europe: The Formation of a Political Mentality. In *Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Eds. F. Theuvs and J. Nelson. Leiden-Boston, Brill Publ., pp. 15–57.

Henderson, G. *From Durrow to Kells: the Insular Gospel-books 650–800*. London, Thames & Hudson Publ., 1987. 224 p.

Henry, F., *The Book of Kells*. London, Thames & Hudson Publ., 1974. 230 p.

Herbert, M. *Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba*. Dublin, Four Courts Press Publ., 1996. 327 p.

Joep, M. The Social Implication of Celtic Art: 600 BC to AD 600. In *The Celtic World*. Ed. M. Green. London and New York, Routledge Publ., 1995, pp. 376–410.

Kordecki, L. Making Animals Mean: Spiciest Hermeneutics in the Physiologus of Theobaldus. In *Animals in the Middle Ages*. Ed. N.C. Flores. London, Routledge Publ., 2000, pp. 85–102.

Kuhtenkova, O.A. *Oчерки istorii kel'tskoj knizhnosti*. [Essays on the History of Celtic Literature]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 192 p. (In Russ.)

Mac Gabhann, D. *The Making of the Book of Kells: Two Masters and Two Campaigns*. Unp. PhD thesis. London, University of London, School of Advanced Studies, 2015. 679 p.

McNally, R. The Evangelists in the Hiberno-Latin Tradition. In *Festschrift Bernhard Bischoff*. Ed. A. Hiersemann, Stuttgart Publ., 1971, pp. 111–122.

Mihajlova, T.A. *Irlandiya ot vikingov do normannov: yazyk, kul'tura, istoriya*. [Ireland from the Vikings to the Normans: Language, Culture, and History]. Moscow, YaSK Publ. 2012. 400 p. (In Russ.)

Mihajlova, T.A., Oleneva, N.V. Bestiarij v “Knige iz Kellsa”: zoomorfnyj ornament ili simvolicheskie obrazy? [Bestiary in the Book of Kells: Zoomorphic Ornamentation or Symbolic Images?]. In *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 4, 2025, (in print)

Muratova, X. Workshop Methods in English Late Twelfth-Century Illumination and the Production of Luxury Bestiaries. In *Beasts and Birds of the Middle Ages: the Bestiary and Its Legacy*. Ed. by Willene B. Clark and Meradith T. McMunn. Philadelphia, University of Pennsylvania Press Publ., 1989, pp. 53–68.

Murphy, G. *Early Irish Lyrics. With a New Foreword by T.Ó Cathasaigh*. Dublin, Four Courts Press Publ., 1998. 315 p.

Netzer, N. *Cultural Interplay in the Eighth Century, the Trier Gospels and the Making of a Scriptorium at Echternach*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1994. 258 p.

Nordenfalk, C. *Celtic and Anglo-Saxon Painting. Book Illumination in the British Isles 600–800*. New York, George Braziller Publ., 1977. 136 p.

Ó Corráin, D. The Historical and Cultural Background of the Book of Kells. In *The Book of Kells: Proceedings of a Conference at Trinity College Dublin, 6–9 September 1992*. Dublin, Scholar Press for Trinity College Dublin Publ., 1994, pp. 1–32.

O'Dwyer, B.W. Celtic-Irish Monasticism and Early Insular Illuminated Manuscripts. In *The Journal of Religious History*. Vol. 15, no. 4, Dec., 1989, pp. 425–435.

O'Reilly, J. *Early Medieval Text and Image 1: Insular Gospels*. London and New York, Routledge Publ., 2019. 392 p.

Parkes, M.B. *Pause and Effect*. Aldershot, Scholar Press Publ., 1992. 352 p.

Podosinov, A.V. *Simvol'y chetyrehk Evangelistov. Ih proiskhozhdenie i znachenie*. [The Symbols of the Four Evangelists. Their Origin and Meaning]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 2000. 177 p. (In Russ.)

Privalova, E.L. Irlandskaya srednevekovaya illyuminirovannaya rukopis' s sobranii Leningradskoj gosudarstvennoj publichnoj biblioteki imeni M.E. Saltykova-Shchedrina [An Irish Medieval Illuminated Manuscript from the Collection of the Leningrad State Public Library Named after M.E. Saltykov-Shchedrin]. In *Srednie veka. Sbornik*. Issue 21. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1962, pp. 201–211. (In Russ.)

Purcell, Em. The First Generation in Ireland, 795–812: Viking Raids and Viking Bases?. In Eds. Clarke H.B. and R. Jihson. *The Vikings in Ireland and the Beyond: Before and After the Battle of Clontarf*. Dublin, Four Courts Press Publ., 2015, pp. 41–54.

Raevskij, D.S., Kullanda, S.V., Pogrebova, M.N. *Vizual'nyj fol'klor: poetika skifskogo zverinogo stilya*. [Visual Folklore: The Poetics of the Scythian Animal Style]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2013. 274 p.

Smirnickaya, E.V. Germanskij zverinyj stil' kak ornamental'noe iskusstvo [German Animal Style as Ornamentation Art]. In *Atlantika. Zapiski po istoricheskoy poetike*. Moscow, Maks-Press Publ., 2012, pp. 131–182. (In Russ.)

Stalley, R. Iona, the Vikings and the Making of the Book of Kells. In *History Ireland*, Issue 3, May/June. Vol. 21, 2013, pp. 14–17.

Toner, G. “Messe ocus Pangur Bán”: Structure and Cosmology. In *Cambrian Medieval Celtic Studies*, no. 57 (Summer), 2009, pp. 1–22.

Zarnecki, G. Germanic Animal Motifs in Romanesque Sculpture. In *Artibus et Historiae*. Vol. 11, 1990, pp. 189–203.

Zhivlova, N.Yu. *Mir svyatogo Kolumby. Rannesrednevekovaya Irlandiya i Britaniya glazami monahov s ostrova Iona*. [The World of Saint Columba: Early Medieval Ireland and Britain Through the Eyes of Iona Monks]. Moscow, YaSK Publ., 2019. 430 p. (In Russ.)

*Душенко К.В.**

ЗЕЛЕНАЯ НЕЧИСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)¹

Аннотация. Инфернальные существа зеленого цвета во Франции были представлены прежде всего «зеленым чудовищем (дьяволом)» из замка Вовер, а также театральными зелеными дьяволами / чертями. Образ зеленого чудовища из Вовера возник, вероятно, в результате наложения образа дьявола на фольклорный образ «дикого (лесного) человека». Сатирическую версию этой легенды дал Ж. де Нерваль в рассказе «Зеленое чудовище» (1849). Театральным зрителям больше всего запомнились зеленые чудовища и зеленые черти в мелодраме-феерии «Чудовище и чародей» (1826, по мотивам романа «Франкенштейн») и балете-опере «Искушение» (1832). Зеленый цвет театральных чертей, возможно, восходит к традиции средневековых дьяблерий, народно-площадной части мистерий. Под влиянием французских театральных феерий зеленый дьявол / черт становится постоянным персонажем народного театра и цирковых представлений во всей континентальной Европе. Нередко он выступал не в демоническом облике, а в роли волшебного помощника. В 1900-е годы зеленый черт появляется на экране кинематографа. В антиалкоголь-

**Душенко Константин Васильевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kdushenko@nln.ru

Dushenko Konstantin Vasilevich – PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kdushenko@nln.ru

¹Автор выражает признательность Вере Аркадьевне Мильчиной, замечания которой были учтены при работе над настоящей статьей

ной пропаганде встречалось сближение абсента с различного рода зеленой нечистью.

Ключевые слова: Инфернальные существа; черт из Вовера; литературные легенды; мелодрама-феерия; абсент; Роберт II Благочестивый; Ж.Ф. де Сен-Фуа; Ж. де Нерваль

Поступила: 19.06.2025

Принята к печати: 08.08.2025

Для цитирования: Душенко К.В. Зеленая нечисть во французской словесности и популярной культуре (XVIII – начало XX в.) // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 160–181. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.11

Dushenko K.V.

**Green Evil Spirits in French Literature and Popular Culture
(18th – Early 20th Centuries)**

Abstract. Infernal creatures of green color in France were represented primarily by the “green monster (devil)” from the castle of Vauvert, as well as theatrical green devils. The image of the green monster from Vauvert probably arose as a result of combining the image of the devil with the folklore image of a “wild (forest) man”. A satirical version of this legend was given by J. de Nerval in the story “The Green Monster” (1849). Theater spectators remembered most of all the green monsters and green devils in the melodrama-fairy tale “The Monster and the Sorcerer” (1826, based on the novel “Frankenstein”) and the ballet-opera “Temptation” (1832). The green color of theatrical devils, possibly, goes back to the tradition of medieval diableries, the popular-square part of the mysteries. Under the influence of French theatrical extravaganzas, the green devil became a permanent character in folk theater and circus performances throughout continental Europe. Often, he acted not in a demonic guise but as a magical assistant. In the 1900s, the green devil appeared on the cinema screen. In anti-alcohol propaganda, absinthe was associated with various kinds of green evil spirits.

Keywords: Infernal creatures; the diable of Vauvert; literary legends; melodrama-fairy tale; absinthe; Robert II the Pious; G.-F. de Saint-Foix; J. de Nerval

Received: 19.06.2025

Accepted: 08.08.2025

For quoting: Dushenko K.V. Green Evil Spirits in French Literature and Popular Culture (18th – Early 20th Centuries) // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 160–181. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.11

Настоящая статья представляет собой часть более обширного исследования, посвященного мотиву необычного зеленого цвета в русской и отчасти в западноевропейской культуре. Речь идет об объектах живой природы, покрашенных в зеленый цвет, а в расширительном смысле – также о вымышленных существах, которые «окрашиваются» воображением их творцов. Во всех этих случаях цвет выступает в роли носителя определенных значений. Общее значение мотива: необычность, ненатуральность. Более широкий спектр значений: невозможность, абсурдность, странность, загадочность, инаковость, ирреальность, inferнальность, декаданс. Зеленый цвет нечисти маркирует ее inferнальную сущность.

Вплоть до начала XX в. мотив зеленой нечисти был наиболее заметен в русской и французской культуре. И в России, и во Франции он был тесно связан с фразеологией соответственно русского и французского языков, а во Франции – еще и с традицией средневекового народного театра.

Зеленый: цвет дьявола

Зеленые дьяволы / черти в европейской иконографии появились в XII в., вместе с началом Крестовых походов; поэтому Мишель Пастуро выдвигает предположение, что зеленый цвет ислама был перенесен на противника Бога – дьявола [Пастуро, 2018, с. 64]. Черти, бесы, демоны Средневековья ведут свое происхождение от персонажей дохристианской («языческой») мифологии, в т.ч. существ, связанных с зеленой растительностью (эльфы, лешие); это также могло повлиять на визуальный облик чертей.

Во французской иконографии издавна существовал образ зеленого дьявола / черта (*le diable vert*). «Зеленый Дьявол – это дьявол, внушающий ужас. <...> Его часто изображают в виде дракона, побежденного Михаилом Архангелом, – со змеиным хвостом и головой крокодила» [Depasse, 1842, p. 81–82].

На процессе маршала Жилия де Ре (1440), прототипа Синей Бороды, итальянский алхимик Франсуа Прелати утверждал, что одна-

жды дьявол явился ему в образе зеленой змеи с собачьей головой [Guégaud, 1855, p. 47].

В январе 1610 г. Франсуа Равальяк, будущий убийца короля Генриха IV, встретив королевскую карету, выскочил из толпы, «словно большой зеленый дьявол», по выражению очевидца [État ..., 1877, p. 295]. «Зеленый» – потому что он был одет в зеленую куртку; но и здесь можно предположить влияние иконографической традиции.

В эссеистическом романе Жюль Мишле «Ведьма» (1862), действие которого происходит в XIV в., важную символическую роль играет зеленое платье женщины, ставшей невестой дьявола, то есть ведьмой. Зеленый – «цвет Князя мира»; надев это платье, женщина «дьявольским чудом» обретает огромную власть [Мишле, 1912, с. 59–60].

Едва ли не самый заметный случай обращения к иконографии зеленого дьявола в эпоху «конца века» – обложка посвященного Полю Верлену выпуска журнала «Мужи современности» (“Les Hommes d’aujourd’hui”, 1896, № 244; художник Эмиль Коль) (рис. 1). Поэт изображен в образе зеленого дьявола, на хвосте которого помещена надпись «Декаданс»; на лбу у Верлена надпись ‘ΑΝΑΓΚΗ (*др-греч.* рок, судьба). Тем самым зеленый оказывается одновременно цветом дьявольским и декадентским.

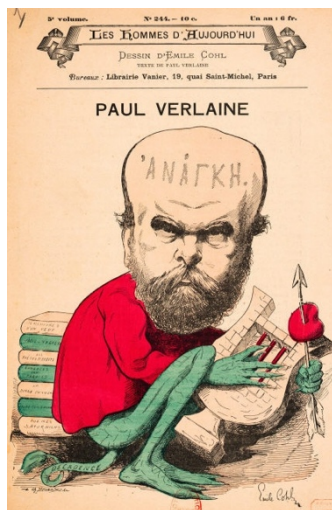

Рис. 1. Обложка журнала “Les Hommes d’aujourd’hui” (1896, № 244)

Со 2-й половины XIX в. образ зеленого дьявола использовался в рекламе. В 1860-е годы появилась сеть магазинов готовой одежды “Le Bon Diable”. “Bon diable” (букв. «славный дьявол») означает «славный малый»; изображение доброжелательного зеленого дьявола помещалось на фасадах домов. В 1878 г. в Париже распространялся рекламный проспект с песней на популярный мотив «Дьявол в Париже»:

На разрисованных стенах
Мы замечаем
Зеленолицего исполина,
Большого Славного Дьявола!
[Blavignac, 1878, p. 265–266].

В 1906 году Леонетто Каппьелло¹ создал плакат для аперитива “Maurin Quina”, на котором озорной, ни капельки не страшный зеленый черт откупоривает бутылку (рис. 2). Зеленый черт Каппьелло – своего рода параллель к «зеленой фее» абсента². Плакат относится к числу наиболее известных работ художника, именуемого иногда «отцом современной рекламы».

Самый известный французский дьявол – это дьявол / черт из Вовера. Замок Вовер в Средние века был расположен в окрестностях Парижа, а потом вошел в городскую черту – примерно там, где сейчас Люксембургский сад. Его первоначальным названием было Valvert, лат. Vallis viridis, т.е. Зеленая долина (фр. val – долина, vert – зеленый), из-за его низинного расположения среди лугов. Затем возобладало написание Vauvert [Félibien, 1725, p. 368; Gabourd, 1863, p. 41]. Этот замок слыл гнездом нечистой силы; «дьявол / черт из Вовера» (le diable de Vauvert) упоминается у Франсуа Вийона («Большое завещание» (1461–1462), CX) и Франсуа Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль», II (1533), 18) [Villon, 1927, p. 153; Rabelais, 1881, p. 164].

На рубеже XVII–XVIII вв. появилась идиома “au diable de Vauvert” («черт-те где», «у черта на рогах / на куличках»), букв. «у черта из Вовера». Не позднее 1770 г. стали писать также “au diable au vert” и “au diable vert” (букв. «у зеленого черта»), заново осмысляя топоним как прилагательное «vert».

¹Л. Каппьелло (1875–1942), итальянский и французский художник.

²См. ниже, раздел «Мотив зеленой нечисти в антиалкогольной пропаганде».

Рис. 2. Леонетто Каппьелло. Реклама аперитива “Maurin Quina” (1906).

Дьявол / черт из Вовера

В 1257 г. король Людовик Святой отдал заброшенный к тому времени замок Вовер во владение ордену картезианцев. Ранние версии легенды о нечистой силе в замке восходят, по-видимому, к рассказам монахов этого ордена. В XVII в. иезуит Франсуа Пуаре изложил легенду со ссылкой на трактат Пьера Кустюрье (Сютора) «О жизни картезианцев» (“De Vita cartusiana libri duo”, 1522).

В замке «обитал злой дух, прозванный Дьяволом из Вовера, который по Божьему попущению мучил прохожих и жестоко им досаждал. Он не только устрашал горожан ужасными воплями, но и не пропускал никого без обиды либо увечья. Потому-то ворота университета называли Вратами Ада, а <...> улица, ведущая от Университета к Церкви Богоматери Полей, поныне называется Адской¹». 21 ноября 1251 г. картезианцы вошли в замок и три дня и три ночи возносили молитвы. Все это время монахи и горожане слышали ужасный шум и чувствовали, как земля содрогается, после чего «отряд домашних

¹Пьер Даниэль Юэ, член Французской академии, считал иначе: улица названа Адской как «место разврата и воровства» [Huet, 1702, p. 410].

духов (Lutins), захвативших это место, покинул его»; вся нечисть «развевалась, как густой дым, оставив после себя нестерпимое зловоние» [Poiré, 1630, p. 282–283].

«Зеленое чудовище» из Вовера появилось в «Исторических очерках о Париже» Ж.Ф. де Сен-Фуа (ч. 1, 1754). В статье «Адская улица» сообщалось:

«...Духи или призраки решили захватить этот старый замок. Слышали ужасные вопли, видели призраков, волочащих цепи, и среди них – зеленое чудовище (un monstre vert) с большой белой бородой, наполовину человек, наполовину змея, вооруженное большой дубиной, которое по ночам, казалось, в любую минуту готово наброситься на прохожих». За улицей осталось название Адская «в память о шуме и гаме (de tout le tapage), который учиняли там черти» [Pullen de Saint-Foix, 1754, p. 112–113; то же: Dulaure, 1787, p. 172].

Зеленым (одетым в листву), бородатым и с дубиной в руке в фольклоре различных европейских народов представлялся персонаж, именуемый «диким (лесным) человеком» (рис. 3). Игры с участием «дикого человека» (то есть его карнавальной маски) в европейском фольклоре сохранялись до сравнительно недавнего времени [Неклюдов, 2024, с. 80]. Так что тут мы, возможно, имеем дело с наложением образа дьявола на образ «дикого человека».

В обеих версиях легенды о замке Вовер «духи» издают вопли, «ужасно шумят», устраивают «шум и гам». Здесь, возможно, отразились воспоминания о средневековом обряде шаривари (кошачий концерт), первоначальной целью которого было изгнание злых духов. Ряженые участники шаривари «кривлялись, плясали и прыгали, колотили в ведра, миски, противни и всевозможные гремящие предметы. Неимоверный шум с петушиными криками и кошачьими воплями поднимали для нейтрализации нечистой силы: считали, что чем больше грохота и треска, тем вернее она рассеется» [Даркевич, 1988, с. 120].

Позднейшие авторы черпали сведения о зеленом чудовище из Вовера у Сен-Фуа. Русскому читателю эта легенда стала известна в изложении Карамзина: «...Разнесся в Париже слух, что нечистые духи живут в Робертовых палатах, шумят, стучат цепями и воют страшным образом; что одно *зеленое чудовище*, сверху человек, а снизу змея, ходит по комнатам, ночью выбегает на улицу и бросается на людей» («Письма русского путешественника» (1797), ч. 4, письмо «Париж, мая...») [Карамзин, 1987, с. 264].

Рис. 3. Гравюра Мартина Шонгауэра «Щит с борзой» (1480-е годы)

В XIX в. зеленое чудовище из Вовера именовалось также «большим зеленым дьяволом» – надо думать, не без влияния идиомы “au diable vert”: «Обратите особое внимание на маленькую часовню: именно там король Роберт построил свой знаменитый замок Вовер. <...> Что касается меня, то, признаюсь, я никогда не смотрю на нее, невольно представляя себе того большого зеленого дьявола, который там так шумел; его борода, его хвост и его цепи никогда не изглаждаются из моей памяти» [Paris ... , 1855, p. 24 (XVI)].

Проклятие, лежащее на замке Вовер, литераторы XIX в. стали связывать с королем Робертом II, сыном Гуго Капета. В 997 г. Роберт женился вторым браком на Берте Бургундской, вдове Эда I из Блуа. Берта приходилась ему троюродной сестрой, вдобавок Роберт был крестным отцом одного из ее сыновей. Такое родство по церковным догматам было недопустимым, и папа Григорий V объявил брак недействительным. Роберт игнорировал это постановление, даже когда папа отлучил его от церкви (998 г.), и развелся с Бертой лишь после того, как она родила мертвого ребенка (1002 г.). «В народе говорят, – сообщалось в путеводителе по Парижу, – что замок Вовер, оскверненный присутствием двух отлученных от церкви, пал жертвой дьявола. <...> Новый хозяин этого поместья – большой зеленый дьявол» [Richomme, 1845, p. 124–125].

Жюль Гарине в «Истории колдовства во Франции» (1818) изложил еще более жуткую версию легенды о проклятом замке:

«Роберт любил свою жену; она была на сносях, и ему казалось ужасным опозорить ее и ее будущего ребенка. Он отказался подчиниться и был отлучен от церкви. <...>. Однажды утром, когда он, по своему обыкновению, отправился помолиться у дверей церкви Нант-Бартелеми (потому что войти в церковь он не осмеливался), к нему подошел добрый аббат Флери в сопровождении двух женщин, которые несли большое серебряное с позолотой блюдо, накрытое тканью. Аббат объявил, что Берта только что родила, и, открыв блюдо, сказал: “Взгляни на последствия твоего непослушания постановлениям церкви и на печать анафемы на этом плоде твоей любви”. Роберт смотрит и видит чудовище с шеей и головой утки. Напуганный этим чудом, опасаясь, что в конце концов его задушит дьявол, король <...> отрекся от Берты, чтобы жениться на Констанции Прованской» [Garinet, 1818, p. 63–64].

В рассказе «Берта и Роберт», опубликованном в «Журнале для девушек», повествовалось о танцах адских созданий вокруг Роберта и Берты, сопровождавшихся взрывами смеха. Жители окрестностей рассказывали, что «зеленое чудовище с пылающими глазами, белой бородой и змеиным хвостом вырезало стада, сжигало хижины и похищало женщин и девушек; и горе тем, кто встанет у него на пути! иные исчезли навсегда; тела других были найдены лежащими на дороге со свернутыми шеями, сожженными волосами и одеждой» [Piet, 1841, p. 278–279].

Пародийную версию этой легенды создал Жерар де Нерваль в рассказе, трижды опубликованном в 1849 г. под тремя разными заглавиями: «Зеленый дьявол», «Зачарованный» и «Зеленое чудовище» (“Le Diable vert”, “Enchantée”, “Le Monstre vert”; последнее заглавие стало окончательным¹). Действие легенды отнесено здесь ко времени царствования Людовика XIII (1610–1643). В рассказе Нерваля обнаруживаются явные сходства с двумя процитированными выше версиями легенды (что осталось незамеченным комментаторами).

«Зеленый Дьявол, – сообщает Нерваль, – один из старейших обитателей Парижа; прежде его называли Дьяволом из Вовера»; дальше на все лады обыгрывается идиома “au diable au vert”. Глав-

¹В комментарии к русскому переводу [Нерваль, 1999] указано, что это заглавие восходит к названию водевиля Мерля и Антони (1826). На самом деле водевиль назывался «Чудовище и чародей»; о нем речь пойдет ниже.

ный персонаж рассказа – сержант (т.е. городской стражник), спустившийся в подвал замка Вовер, чтобы выяснить, кто там шумит по ночам. В подвале он наблюдает фантазмагорический танец винных бутылок. «Неистовый смех грянул тут со всех сторон <...>. Пляска тотчас же остановилась; изо всех углов погребца послышались крики ужаса <...> «Сержант видит распростертое тело нагой женщины, белокурые волосы которой тонут в крови. Сержант убегает, прихватив «бутылку с зеленой головкой, которая словно бы строила ему рожи» [Нерваль, 1999, с. 519–521].

Сержант женится на белошвейке; на свадьбе молодожены пьют из бутылки, вынесенной из подвалов замка. Спустя девять месяцев белошвейка родила «маленькое чудовище сплошь зеленого цвета и с красными рожками на лбу». Супруги с горя ударились в пьянство, и «когда жена сержанта слишком долго прикладывалась к бутылке с зеленой головкой, во сне ей являлся огромный бес самого отталкивающего вида. И бес говорил ей: “Ты удивляешься, что я пришел к тебе? Разве не пила ты из той бутылки?.. Разве не я отец твоего ребенка?” «Дожив до тринадцати лет, ребенок исчез; страшные видения больше не повторялись, а что случилось с зеленым чудовищем, «никто никогда не узнал» [там же, с. 522–523].

Зеленые дьяволы / черти во французском театре и раннем кинематографе

Зеленых дьяволов / чертей француз конца XVIII–XIX в. чаще видел на сцене, чем в иконографии. В печати о них также чаще всего упоминалось в связи с театром.

Балет-пантомима «Психея» держался в репертуаре парижской Оперы с 1790 по 1829 г. [Psiche ..., 1795]. В III действии перед зрителем предстала картина ада со множеством демонов. О зеленом черте из этого балета упоминалось неоднократно, например: «Очень уродливый якобинец, точь-в-точь как зеленый черт из балета “Психея”» [A MM. les ..., 1791, p. 351].

В мелодраме «Хвост дьявола» (1807) Зеленый дьявол выступает в роли волшебного помощника. «Мой цвет, – объясняет он, – это цвет надежды <...>. Моя обязанность – защищать верных возлюбленных и супругов; поэтому я почти всегда без работы». Некий кабалист запер Зеленого дьявола в бутылке, и теперь освободить его может только супруг, «чья верность была бы равна его мужеству. Где отыскать подобного Феникса?» [Ribié, Martainville, 1807, p. 12].

Огромный успех имела мелодрама-феерия «Чудовище и чародей», поставленная в парижском театре Порт Сен-Мартен в 1826 г.; для сдерживания толпы, ринувшейся за билетами, пришлось вызывать полицию [Plouz, 2017]. В печатном издании мелодрамы в качестве авторов либретто указаны Мерль (псевд. Жана Туссена) и Антони Беро, а в каталоге 1844 г. – Беро и Шарль Нодье (в скобках, после имен «Мерль и Беро») [Merle, Béraud, 1826; Martineau de Solleune, 1844, p. 217]. В 1991 г. «Чудовище и чародей» вошло в собрание сочинений Нодье, хотя Ж.Р. Даан, специалист по творчеству Нодье, считает его причастность к созданию мелодрамы сомнительной [Dahan, 1994, p. 125].

«Чудовище и чародей» – французская версия английской мелодрамы «Самонадеянность, или Судьба Франкенштейна» (“Presumption; or, the Fate of Frankenstein”, 1823) по мотивам романа Мэри Шелли «Франкенштейн» (1818). И в английской, и во французской постановке искусственное чудовище играл английский актер Томас Поттер Кук. В романе чудовище, созданное Франкенштейном, желтокожее; в мелодраме Пика оно стало синим. И в романе, и в театральных версиях этого сюжета чудовище, в сущности, выступает в роли созданной человеком нечистой силы и часто именуется дьяволом.

В центре романа стоит диспут между чудовищем и его творцом; в театральных адаптациях чудовище стало немым и гораздо более однозначным персонажем.

Перед французским зрителем дьявольское чудовище предстало зеленым, в соответствии с устоявшейся театральной традицией. Оно появляется на свет в лаборатории Заметти, итальянского алхимика XVI в. Чудовище влюбляется в жену Заметти, а в III действии хватает его шестилетнего сына (рис. 4; источник: [Biger, 2014]¹). В финале чудовище убивает Заметти и погибает само, пораженное молнией.

«...Напрасно пытался бы я сегодня воскресить в своем уме или в своем сердце тот ужас, который возбуждало во мне Зеленое чудовище», – вспоминал один из зрителей двадцать лет спустя [Labourier, 1846, p. 2]. Теофиль Готье увидел «Чудовище и чародея» в 15 лет; позднее он дал своей дочери Эстель прозвище «Зеленое чудовище», имея в виду оливковый цвет ее лица [Dreyfous, 1912, p. 83].

¹Это изображение относится к постановке мелодрамы 1861 г. в том же театре Амбигу, но в несколько иной версии [Dugue, 1861].

Рис. 4. Сцена из мелодрамы «Чудовище и чародей» на рекламном веере театра “l’Ambigu” (1861).

Полтора месяца спустя после премьеры «Чудовища и чародея» в театре Порт Сен-Мартен была показана одноактная комическая пантомима «Сети Вулкана, или Назавтра после триумфа» (“Les Filets de Vulcain; ou, Le lendemain d’un succès”). Чудовище и здесь играл Кук. Он «появился <...> в приличном костюме, – отмечал рецензент, – и было отрадно видеть, что устрашающее зеленокожее чудовище <...> обладает безупречными манерами <...>» [Fogry, 2016, p. 34]. 11 июля и 3 августа 1826 г. в парижском театре Конта были показаны еще два одноактных водевиля по мотивам «Чудовища и чародея»: «Самонадеянный» и «Чудовище и физиолог» (“Le Présomptueux”, “Le Monstre et le physicien”) [ibid.].

Неменьшим успехом пользовался балет-опера «Искушение» (хореография Жана Коралли, музыка Ф. Галеви, либретто Э. Каве), премьера которого состоялась 20 июня 1832 г. В печатном тексте либретто фигурирует «маленькое, коренастое, синекое чудовище» [Cavé E., Coralli, 1832, p. 22], однако в отзывах о спектакле оно именовалось «зеленым чудовищем». Чудовище появляется из ведьминского котла, чтобы превратиться в обнаженную женщину – искусительницу Миранду. После первого представления этот эпизод был изъят, а затем, чтобы подогреть интерес публики, директор парижской Оперы Луи Верон объявил в афише: «Поскольку многие англи-

чане жаловались в контору театра на эту купюру, сцена с чудовищем будет восстановлена в том виде, в каком она была на премьерном показе» [Ces demoiselles ..., 1887, p. 111–112].

Видную роль в «Искушении» играет Дитикан, подручный дьявола Астарота. Неизменным исполнителем этой роли был Франсуа Луи Сильвен Симон, «первенствующий *зеленый дьявол* (*premier diable vert*) Королевской академии музыки¹» (так он назван в романе Альфонса Карра «Клотильда», 1839) [Karr, 1870, p. 118].

21 июля 1832 г., всего месяц спустя после премьеры «Искушения», в театре Пале-Рояль был показан пародийный водевиль «Антуан, или Искушение». Здесь юноше Антуану, решившему пойти по стопам пустынноика св. Антония, является «зеленое чудовище шести футов ростом» (ок. 2 м.) с «прекрасным басистым голосом» [Théâtre ..., 1832, p. 2]. Это чудовище напоминало скорее об огромном чудовище из мелодрамы 1826 г.

Зеленые черти появлялись на сцене парижской Оперы в «Дон Жуане» Моцарта, «Роберте Дьяволе» Мейербера и, надо думать, в ряде других опер.

В 1847 г. Жорж Санд устроила в своем имении Ноан домашний кукольный театр. К семи куклам, представлявшим персонажей ярмарочного театра, писательница добавила зеленое чудовище, «чья огромная пасть, предназначенная для того, чтобы проглотить Пьеро, была сделана из пары туфель на красной подкладке, а тело – из голубоватого атласного рукава; так что это чудовище, существующее и теперь все под тем же именем “зеленого чудовища”, всегда было синим!» [Sand, 1877, p. 133]. Отсюда можно заключить, что «зеленое чудовище» (или «зеленый дьявол / черт») могло означать театрального черта независимо от его реального цвета.

Зеленый черт к тому времени был обычным персонажем пантомим самого различного рода. Парижский корреспондент ирландского журнала описывает пантомиму, главные зрители которой – дети: «Волшебная пещера, освещенная странной луной, “на спине” которой зеленый чертенок, весь в чешуе, танцует, ныряет и сгибается пополам для развлечения синего и красного чертей, своих закадычных друзей» [Paris ..., 1855, p. I–II].

С искусством иллюзионистов и театром марионеток изначально связывались представления о магии, следовательно, о нечистой силе [Даркевич, 1988, с. 59, 65]. Феерии и арлекинады продолжали тради-

¹Официальное наименование парижской Оперы.

цию комической трактовки черта, восходящую к средневековым дьяблериям, «народно-площадной части мистерий» [Бахтин, 1996, с. 351]. «Мистерийные черти <...> напоминали вегетативных демонов языческих маскараров» [Даркевич, 1988, с. 117]. Возможно, зеленый цвет театральных чертей восходит именно к этой традиции.

Задний план мистерийной сцены занимал, на возвышении, рай (небеса), а на занавеси внизу виднелась громадная голова черта (Эрлекина), т.н. «адова пасть», преддверие ада. Память об этом устройстве сцены была жива и в Новое время. В наброске балета XVII в., сохранившемся в архиве парижской Оперы, в центре сцены находится громадная голова с разинутой пастью [Бахтин, 1996, с. 350–351]. Вспомним об «огромной пасти» зеленого чудовища в домашнем театре Жорж Санд, – пасти, «предназначенной для того, чтобы проглотить Пьеро».

Из французских мелодрам и пантомим зеленый дьявол / черт перекочевал на подмостки театров других европейских стран, от Испании до России.

Премьера одноактной комедии-феерии «Зеленый дьявол» (“El Diablo verde”) состоялась в Мадриде в 1829 г. Это была анонимная переделка с французского; Диего Клеменсин, комментатор сочинений Сервантеса, называет ее в числе пьес, которые «послал <...> французский театр» и которые «очаровывают неразумную толпу» [Cervantes Saavedra, 1833, p. 409]. Феерия держалась на сцене вплоть до 1870-х годов.

С 1844 г. в Австро-Венгрии и Германии неоднократно ставилась пантомима «Люцифер и арендатор» (“Lucifer und Pächter”). Различные ее постановки шли под названиями «Люцифер, зеленый дьявол» (“Lucifer, der grüne Teufel”), «Демон ночи, или Арендатор и его кошмар» (“Der Dämon der Nacht, oder: Der Pächter und sein Schrecken”) и др. В представлениях участвовали акробаты, жонглеры, фокусники, а роль Люцифера, как сообщалось в одном из анонсов, исполнял «каучуковый человек» [Rappo-Theater, 1865].

В 1851 г. в Нюрнберге был поставлен одноактный балет «Зеленый черт, или Волшебная палочка» (“Der grüne Teufel, oder: Der Wunderstock”). Зеленый черт здесь, как и во французской мелодраме «Хвост дьявола», выступал в роли волшебного помощника, «духаслуги» феи Авроры [Stadttheater., 1851]. Одноактная пантомима

«Зеленый дьявол, или Бал в царстве теней» (“Der grüne Teufel, oder: Der Ball im Schattenreiche”) была показана на бале-маскараде в Оломоуце (Чехия) в 1873 г.

Не позднее 1847 г. в репертуаре итальянской танцевально-мимической труппы братьев Кьярини появился фантастический балет-пантомима «Зеленый дьявол» (“Il diavolo verde”) – «с полетами, превращениями, заклинаниями и всем, что душе угодно» [Papere ... , 1884]. Балет держался на сцене не менее полувека; в версии 1874 г. в качестве автора музыки указан Армандо Галлеани, хореография Лоренцо Кьярини.

Действие испанской оперетты «Зеленый дьявол» (1906, либретто Мигеля де Паласио, музыка Херонимо Хименеса и Амадео Вивеса) происходит в Париже, а в центре сюжета – постановка танцевального представления «Зеленый дьявол» с нимфами, феями и чертями. Дело заканчивается «триумфом Дианы, которая выплеснула воду из озера в глаза дьяволу и ослепила его, рассеяв тем самым мрак вечной ночи» [Palacios, 1906, p. 12].

Зеленый дьявол / черт нередко выступал уже не в демоническом облике, а в роли помощника феи, устраивающего судьбу влюбленных, как в уже упомянутой мелодраме «Хвост дьявола». На русскую почву этот сюжет был занесен иностранными балаганными труппами, а к концу XIX в. в цирковой репертуар прочно вошел акробатический номер «Зеленый черт».

Изобретатель трюковой киносъемки Жорж Мелье начинал как иллюзионист и специалист по созданию театральных эффектов. В 1890–1910-х годах он был владельцем парижского иллюзионистского театра «Робер Уден». Здесь Мелье поставил магическую сценку «Зеленый черт» (1890), а в 1907 году снял фильм по ее мотивам. Зеленый черт, связанный в мешке и спрятанный на несколько секунд за ширмой, тут же появляется вновь, освобожденный от пут, при этом мешок остается на месте [Malthête, 1996, p. 46].

В том же 1907 году Сегундо де Шомон¹ снял раскрашенный по трафарету трехминутный фильм «Неистовые фантазии» (“Fantaisies

¹С. де Шомон (1871–1929), французский кинорежиссер родом из Испании. Роль дьявола в фильме сыграла его жена Жюльен Матье.

endiablées”, студия «Пате»). В фильме де Шомона зеленый дьявол / черт – воплощение запретных желаний. Он устраивает оргиастические пляски вокруг лежащих девушек, исчезая и появляясь в разноцветном адском пламени, как в театральных феериях XIX в. [Fantaisies ..., б.г.].

Мотив зеленой нечисти в антиалкогольной пропаганде

Во франкоязычной литературе нет прямого соответствия русскому «зеленому змию» как метафоре пьянства. Единственное известное нам исключение – название романа бельгийского писателя Эдмона Каттье «Винокурня Зеленого дьявола» (1898) [Cattier, 1898] (рис. 5), где «Зеленый дьявол / черт» – олицетворение пьянства.

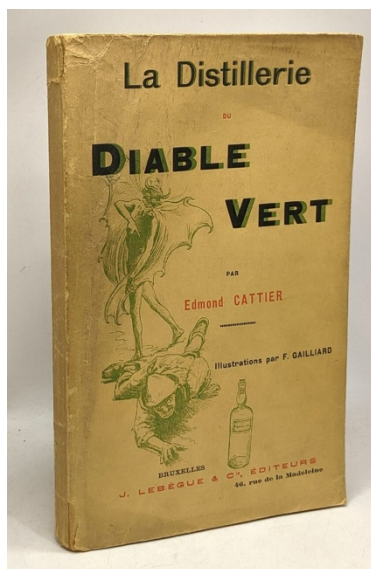

Рис. 5. Обложка романа Эдмона Каттье «Винокурня зеленого дьявола» (1898)

Во Франции 2-й половины XIX – начала XX в. главным объектом антиалкогольной пропаганды являлся абсент. Его производство было запрещено в марте 1915 г., менее года спустя после введения российского «сухого закона».

Первоначально абсент (изумрудно-зеленого цвета) был по преимуществу напитком военных – участников колониальных войн в Северной Африке. Именно в этой среде в 1850-е годы появились возвышенные синонимы абсента: зеленоглазая фея (*fée aux yeux verts*) и Зеленая муза (*la Muse verte*). В очерке Поля де Молен¹ «Видения походной палатки» (1856) читаем:

«Один поэт иностранного легиона <...>, капрал по профессии и немец по рождению, написал очаровательные стихи об абсенте, которые начинаются так:

Приветствую тебя, зеленоглазая фея, возлюбленная нимфа² несчастных <...>.
Ты нам даруешь блаженные сны, – те, что можно видеть, не смыкая век <...>
[Molènes, 1856, p. 699].

Это стихотворение, по всей вероятности, и было источником выражения. «“Зеленоглазая фея”, как де Молен называл абсент», – сообщает литератор, знакомый с де Моленом [Rude, 1877, p. 50].

Еще два свидетельства:

«...Я служил в гарнизоне и, чтобы развеять скуку, пестовал зеленую музу, как мы ее называли...» [Régnauld de Prébois, 1860, p. 11];

«Отряд офицеров срывается с места и, поскольку уже пять часов, отправляется принести жертву Зеленой Музе» [Launay, 1890, p. 178].

Очень скоро абсент стал излюбленным напитком французской богемы, а затем, (среди прочего, из-за его крайней дешевизны) – достоянием широких городских слоев.

В стихотворении Франсуа Барийо «Зеленая муза» (1859) абсент порождает зеленую нечисть:

Если этой женщине случится забеременеть,
Она одарит нас зеленым маленьким чудищем,
Раздувшимся, словно лягушка, с открытым глазом
В кроваво-золотом ореоле, – чудищем, жаждущим пить <...>
[Barrillot, 1859, p. 2].

«Зеленое чудище», которое рождается у любительницы абсента, появилось, возможно, не без влияния рассказа де Нерваля.

¹В Крымской войне де Молен командовал взводом североафриканской кавалерии, входившей в состав французского экспедиционного корпуса.

²В оригинале на немецкий лад: «ундина», – вероятно, потому, что стихотворение приписано немцу.

Источником наименования «зеленая фея» (la fée verte) был фантастический (теперь бы сказали: фэнтезийный) роман Эдгара Кине «Чародей Мерлин» (1860). Мерлин здесь – первый покровитель Франции, влюбленный в фею Вивиану; такое имя получила Озерная фея в поздних версиях артуровского цикла. «Зеленая фея» – название одной из глав романа в оглавлении; в основном тексте глава называется «Вивиана и Мерлин» (кн. XI, гл. 3). Вивиана пишет Мерлину: «Бутон погребен под коричневой оболочкой. Я прихожу, я разрываю саван; появляется скрывавшаяся за ним душа; из глубин своего черного склепа возникает маленькая зеленая фея и улыбается мне. Она уже сшила себе платье из складчатого цветного листа <...> [Quinet, 1860, p. 7]. Речь тут о цветке, который развивается из почки.

Очень скоро «зеленой феей», по аналогии с «зеленоглазой феей», стали называть абсент; в раннем упоминании (1864) – с прописной буквы и курсивом, как новое выражение: “La Fée verte” [Dyas, 1864]. Социальные реформаторы неизменно протестовали против подобной поэтизации: «...Абсент, ужасное, ненасытное божество, более свирепое, чем Юпитер древних, желающее лишиться всех верующих в него, поразив их безумием. Его называют *зеленой феей*, а следовало бы называть *преступной феей*» [Bonzon, 1899, p. 91].

Действие одной из сцен фарсового обозрения «Турникеты» (1861) происходит в парижском кафе «Варьете». Абсент, роль которого исполняла актриса в зеленом платье, поет:

Абсент, абсент,
Зеленый дьявол с пылающим сердцем!
Найдется ль такое угасшее пламя,
Которого я не разжег бы опять?

Ему возражают:

Ступай, ты больше не зеленая чародейка (la verte enchanteresse).
Теперь мы знаем, что ты – всего лишь яд [Lemercier de Neuville, 1862, p. 28–29].

Иногда абсент именовался также «зеленым чудовищем». Поль Верлен в своей «Исповеди» (1895) называет абсент «ужасной зеленой ведьмой»; «какой кретин возвеличил ее именем зеленой феи и музыки!» [Verlaine, 1899, p. 148].

Наименования «Зеленая муза», «зеленая / зеленоглазая фея» получили распространение и за пределами Франции, а в романе американского писателя Дж. М. Формана «Сад лжи» (1902) абсент назван

«маленьким зеленым дьяволом»: «Мой маленький зеленый дьявол, великий зеленый бог! – сказал он, словно мерцающий напиток мог слышать его голос. – Мой маленький зеленый дьявол, великий зеленый бог, заведи меня в рай – избавь меня от прошлых сожалений и будущих страхов» [Forman, 1902, p. 78].

Итак, главными источниками мотива зеленой нечисти во Франции была фразеология французского языка, религиозная иконография и, по-видимому, традиция мистериального, а затем балаганного народного театра. Образ зеленого дьявола / черта активно осваивался популярной культурой XIX – начала XX в. В театре, начиная с оперы и заканчивая кукольным театром, присутствие зеленых inferнальных существ было заметнее, чем в литературе.

Список литературы

Исследования

Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Москва : Русские словари, 1996. – Т. 1 : Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.). – 1119 с.

Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. – Москва : Наука, 1988. – 344 с.

Неклюдов С.Ю. Опыт сравнительной демонологии: «дикие люди» Центральной и Западной Европы // Вопросы ономастики. – Москва, 2024. – Т. 21. – № 3. – С. 70–92.

Пастуро М. Зеленый: история цвета. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 164 с.

Biger P.-H. “Le Monstre et le Magicien” un éventail de théâtre, de mode et d’actualité // Le Vieux Papier, 2014. – Т. 40, avril. – P. 265–271. – URL: <https://hal.science/hal-01144814> (date of access: 05.05.2025)

Dahan J.-R. Charles Nodier. Œuvres dramatiques. I // Romantisme. – 1994. – № 84. – P. 124–125.

Forry S.E. Hideous Progenies: Dramatizations of “Frankenstein” from the Nineteenth Century to the Present. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2016. – 311 p.

Illouz J.-N. Nerval conteur (à propos de Contes et facéties) // Féeries, 2017. – № 14, July. – URL: <http://journals.openedition.org/feeries/1047> (date of access: 10.05.2025).

Malthête J. Méliès: images et illusions. – Paris : Exporégie, 1996. – 256 p.

Источники

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Ленинград : Наука, 1987. – 717 с.

Мишле Ж. Ведьма / пер. под ред. В. Фриче. – Москва : Современные проблемы, 1912. – VIII, 373 с.

- Нерваль Ж. де.* Зеленое чудовище / пер. А. Андрее // *INFERNALIANA: Французская готическая проза XVIII–XIX веков.* – Москва : Ладомир, 1999. – С. 519–523.
- A MM. les Rédacteurs // *Journal de la cour et de la ville.* – Paris, 1791. – No. 44, 14 Octobre. – P. 350–351.
- Barrillot F.* La Muse Verte // *Orchestre.* – Paris, 1859. – 17 septembre. – P. 1–2.
- Blavignac J.-D.* Histoire des enseignes d'hotelleries, d'auberges et de cabarets. – Genève: Grosset & Trembley, 1878. – 542 p.
- Bonzon J.* Criminels, suicides et buveurs // *Revue du Christianisme social.* – Paris, 1899. – T. 12. – P. 65–106.
- Cattier E.* La distillerie du diable vert / illustrations par F. Gaillard. – Bruxelles : J. Lebègue, 1898.
- Cavé E., Coralli J.* La tentation: ballet-opéra en cinq actes. – Paris : J.-N. Barba, 1832. – 80 p.
- Cervantes Saavedra M. de.* El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha / y comentado por Don Diego Clemencin. – Madrid: D.E. Aguado, 1833. – Parte 1. – T. 3. – 541 p.
- Ces demoiselles de l'Opéra.* – Paris : Tresse et Stock, 1887. – 294 p.
- Dahan J.-R.* Charles Nodier. Œuvres dramatiques. I // *Romantisme.* – 1994. – No. 84. – P. 124–125.
- Depasse A.* Physiologie du diable. – Paris : Sergot, 1842. – 120 p.
- Dreyfous M.* Ce que je tiens à dire: Ce que je tiens à dire, 1862–1872. – Paris : P. Ollendorff, 1912. – 374 p.
- Dugue F.* Le Monstre et le magicien / d'après Merle et Béraud. – Paris : Librairie Théâtrale, 1861. – 22 p.
- Dulaure J.-A.* Nouvelle description des curiosités de Paris. – 1er partie. – Paris : Lejay, 1787. – 311 p.
- Dyas P.* Ça et la // *Желтый карлик.* – 1864. – No. 145, 1 октября. – P. 3.
- État des recherches historiques (1877) // *Voltaire. Œuvres complètes.* – Paris : Garnier frères, 1877. – T. 8. – P. 292–301. (Подпись: L.M.)
- Fantaisies endiablées (1907) – URL: <https://ya.ru/video/preview/138889048438456-93730> (date of access: 05.05.2025)
- Félibien M.* Histoire de la ville de Paris. – Paris : G. Desprez, 1725. – T. 1. – 675 p.
- Forman J.M.* The Garden of Lies: A Romance. – New York : F.A. Stokes, 1902. – 331 p.
- Gabourd A.* Les pèlerinages de Paris. – Paris : Catholique de Perisse frères, 1863. – 458 p.
- Garinet J.* Histoire de la magie en France: depuis le commencement de la Monarchie Jusqu'à Nos Jours. – Paris : Foulon, 1818. – 363 p.
- Guéraud A.* Notice sur Gilles de Rais. – Rennes : A. Marteville, 1855. – 74 p.
- Huet P.D.* Les origines de la ville de Caen et lieux circonvoisins et lieux circonvoisins. – Rouen : Maurry, 1702. – 652 p.
- Karr A.* Clotilde. – Paris : Michel Lévy Frères, 1870. – 318 p.
- Labourier T.* Le boulevard du Temple // *L'Oeil du diable.* – Paris, 1846. – No. 21, 4 Juin. – P. 1–2.
- Launay A. de.* La journée du lieutenant // *Launay A. de. Mademoiselle Mignon.* – Paris : C. Marpon & E. Flammarion, 1890. – P. 178–191.
- Lemercier de Neuville L.* Les tourniquets: Revue de l'année 1861. – Paris : Poulet-Malassis, 1862. – 107 p.

- Martineau de Solleyne J.* Bibliothèque dramatique de Monsieur de Soleinne. – Paris : Administration de l'Alliance des artistes, 1844. – T. 4, 1er partie. – 228 p.
- Merle (Toussaint J.), Béraud A.* Le monstre et le magicien: mélodrame féerie en trois actes / par MM. Merle et Antony. – Paris : Bezou, 1826. – 52 p.
- Molènes P. de.* Visions de la tente // Revue des deux mondes. – Paris, 1856. – 15 août. – P. 689–711.
- Nerval G. de.* Le Diable Vert // Revue comique à l'usage des gens sérieux. Novembre 1848 – avril 1849. – Paris : Duméray, 1849. – P. 181–184.
- Palacios M. de.* Diablo verde: opereta cómica en un acto, dividido en cuatro cuadros, original y en prosa. – Madrid : Sociedad de Autores, 1906. – 38 p.
- Papere e stecche // L'arte rivista di lettere, di arti e di teatri. – 1884. – No. 17, 19 Dicembre. – P. 128. (Подпись: Il Conte Sirchi.)
- Paris Correspondence. No. II. The Rue de Rivoli, and its Neighbours // The Irish Quarterly Review. – Dublin, 1855. – Vol. 5. – No. 18, June. – Art. X, p. I–XVI.
- Piet, m-me.* Berthe et Robert ou l'Excommunication // Journal des demoiselles. – Paris, 1841. – P. 272–281.
- Poiré F.* La triple couronne de la mère de Dieu. – Paris : Cramoisy, 1630. – 798 p.
- Psiche: ballet-pantomime en trois actes / par le Citoyen Gardel. – Paris : l'Imprimerie civique, 1795. – 20 p.
- Pullen de Saint-Foix G.-F.* Essais historiques sur Paris. – Londres, 1754. – 1er partie. – 196 p.
- Quinet E.* Merlin, l'enchanteur. – Paris : Michel Lévy Frères, 1860. – T. 2. – 430 p.
- Rappo-Theater // Nationalzeitung. – Berlin, 1865. – No. 37, 22 Januar. – S. [12].
- Rabelais F.* Tout ce qui existe de ses œuvres / texte collationné, précédé d'une vie de l'auteur et suivi d'une bibliogr., de notes et d'un glossaire par L. Moland. – Paris : Garnier frères, 1881. – XLIV, 766 p.
- Régnauld de Prébois A.* Une pécheresse: drame en cinq actes. – [Paris:] Michel Lévy Frères, 1860. – 24 p.
- Ribié C., Martainville A.* La queue du diable: mélodrame féerie-comique en trois actes. – Paris : Hénée et Dumas, 1807. – 59 p.
- Richomme F.* Paris monumental et historique: depuis son origine jusqu'à 1789. – Paris : L. Janet, 1845. – 451 p.
- Rude M.* Tout-Paris au café. – Paris : M. Dreyfous, 1877. – 304 p.
- Sand G.* Dernières pages. – Paris : C. Lévy, 1877. – 286 p.
- Speranza M.* Qualcuno in grigio. – Aquila : Casa editrice Vecchioni, 1925. – 181 p.
- Stadttheater in Nürnberg // Der Beobachter in Nürnberg: Blätter für Ernst und Scherz. – Nürnberg, 1851. – No. 81, 9. Juli. – S. 324.
- Théâtre du Palais Royal. Antoine, ou la Tentation // Gazette des théâtres. – Paris, 1832. – No. 419, 26 Juillet. – P. 2–3.
- Verlaine P.* Confessions: notes autobiographiques. – Paris : Société anonyme la Plume, 1899. – 265 p.
- Villon F.* Œuvres complètes / publiées avec une introduction et des notes Louis Dimier. – Paris : Delagrave, 1927. – 318 p.

References

- Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. Vol. 1: Fransua Rable v istorii realizma (1940 g.) [François Rabelais in the History of Realism (1940)]. 1119 p. (In Russ.)
- Darkevich, V.P. *Narodnaia kul'tura srednevekov'ia: svetskaia prazdnichnaia zhizn' v iskusstve IX–XVI vv. [Folk Culture of the Middle Ages: Secular Festive Life in the Art of the 9th–16th Centuries]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 344 p. (In Russ.)
- Pasturo, M. *Zelenyi: istoriia tsveta [Green: The History of Color]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 164 p. (In Russ.)
- Biger, P.-H. “Le Monstre et le Magicien” un éventail de théâtre, de mode et d’actualité [“The Monster and the Magician” a Range of Theater, Fashion and Current Affairs]. In *Le Vieux Papier*, Vol. 40, avril, 2014, pp. 265–271. URL: <https://hal.science/hal-01144814> (date of access: 05.05.2025) (In French)
- Dahan, J.-R. Charles Nodier. Œuvres dramatiques. I [Charles Nodier. Dramatic Works. I]. In *Romantisme*, no. 84, 1994, pp. 124–125. (In French)
- Forry, S.E. *Hideous Progenies: Dramatizations of “Frankenstein” from the Nineteenth Century to the Present*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press Publ., 2016. 311 p.
- Illouz, J.-N. Nerval conteur (à propos de Contes et facéties) [Nerval the Storyteller (About Tales and Jokes)]. In *Féeries*, no. 14, July. 2017. URL: <http://journals.openedition.org/feeries/1047> (date of access: 10.05.2025). (In French)
- Malthête, J. *Méliès: images et illusions [Méliès: Images and Illusions]*. Paris, Exporégie Publ., 1996. 256 p. (In French)
- Neklyudov, S.Yu. Opyt sravnitel'noj demononimii: “dikie lyudi” Central'noj i Zapadnoj Evropy [Essay on Comparative Demononymy: The “Wild People” of Central and Western Europe] In *Voprosy onomastiki*. Vol. 21, no. 3, 2024, p. 70–92. (In Russ.)

*Минц М.М.**

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОООБРАЖАЕМОЙ
РЕАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА¹**

Аннотация. В статье рассматривается ряд теоретических и методологических вопросов, связанных с исследованием художественной вселенной Дж. Р. Р. Толкина как воображаемого мира. Основное внимание уделяется особенностям работы с источниками, их классификации, различным вариантам внутреннего авторства, взаимосвязям между отдельными группами произведений Толкина. Также рассматриваются представления самого Толкина о природе творчества.

Ключевые слова: Дж. Р. Р. Толкин; легендарииум; Средиземье; воображаемые миры; теория и методология

Поступила: 04.09.2025

Принята к печати: 12.11.2025

**Минц Михаил Михайлович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; mints@inion.ru

Персональная страница: <https://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

Mints Mikhail Mikhailovich – PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mints@inion.ru

Personal webpage: <https://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

¹Соображения, изложенные в данной статье, обсуждались в 2019–2020 гг. на заседаниях неформального методологического семинара с участием Н.Б. Прохоровой, З.Ю. Метлицкой, О.О. Иванова, А.Л. Блехера и А.В. Ашариной и уточнялись по результатам этих обсуждений. Я благодарен всем участникам семинара; без наших дискуссий в непринуждённой домашней атмосфере многие важные детали, вероятнее всего, остались бы вне моего поля зрения.

Для цитирования: Минц М.М. Особенности изучения воображаемой реальности на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 182–197. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.12

Mints M.M.

Special Aspects of the Study of Imaginary Worlds, through the Example of Fiction by J. R. R. Tolkien

Abstract. The article deals with a number of theoretical and methodological issues related to the study of J. R. R. Tolkien's fictional universe as an imaginary world. The author concentrates mainly on particularities of the primary sources, their classification, various kinds of internal authorship, and interrelations between certain groups of Tolkien's works. Tolkien's own views on the nature of creative work are also considered.

Keywords: J. R. R. Tolkien; legendarium; Middle-earth; imaginary worlds; theory and methodology

Received: 04.09.2025

Accepted: 12.11.2025

For quoting: Mints M.M. Special Aspects of the Study of Imaginary Worlds, through the Example of Fiction by J. R. R. Tolkien // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 182–197. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.12

Как я уже писал ранее [Минц, 2025], методологические аспекты изучения творчества Дж. Р. Р. Толкина представляют интерес по нескольким причинам, среди которых – междисциплинарный характер толкинистики как области исследований; недостаточное внимание профессиональных учёных к вопросам «внутренней» истории толкиновского мира; значительное число любительских работ, где эти вопросы, напротив, рассматриваются довольно активно, но далеко не всегда методологически корректно; и наконец, некоторые важные характерные черты толкиновского творческого наследия. Центральным элементом этого наследия фактически является сама вселенная Средиземья, проработанная автором настолько подробно, что мы можем с полным правом рассматривать ее как самостоятельное произведение. По сравнению с большинством других произведений культуры этот мир обладает целым рядом особенностей, обусловленных прежде всего тем, что он полностью нематериален. В сознании самого Толкина его вымыш-

ленная вселенная, по-видимому, существовала в виде неразрывного комплекса взаимосвязанных между собой образов, включавших в себя как пространственное измерение этой вселенной, так и временное («внутреннее» время). Более того, на протяжении его жизни этот комплекс образов не только разрастался и детализировался, но и неоднократно пересматривался, так что Средиземье, описанное, к примеру, во «Властелине колец» и в черновиках, на основе которых сын писателя Кристофер Руэл Толкин впоследствии составил «Сильмариллион», значительно отличается от мира, где происходит действие «Книги утраченных сказаний» [Tolkien, 1983, 1984; Толкин, 2018a]. Аналогичным образом рабочие записи Толкина-отца, опубликованные в «Преображенных мифах» [Tolkien, 1993, p. 367–431], свидетельствуют о том, что он обдумывал новую радикальную перестройку всей своей мифологии. Вместе с тем, изучение толкиновской вселенной возможно лишь посредством доступных текстов, рисунков и ряда других памятников, которые могут быть использованы в качестве первичных источников. При этом следует учитывать, что данные источники содержат лишь дискретное описание Средиземья и его истории, к тому же зачастую весьма фрагментированное.

Парадоксальным образом это сближает толкинистику с исторической наукой, что позволяет использовать, в частности, современные наработки в области методологии истории [Минц, 2025, с. 125–126]. Важно, однако, помнить и о том, что вымышленный мир по своей природе во многом отличается от нашей эмпирической реальности, так что его изучение имеет свою специфику. В той или иной степени это применимо ко всем таким мирам, в немалом количестве порожденным культурой XX века; их основные особенности подробно анализируются, например, в монографии М. Дж. П. Вулфа (сам он предпочитает использовать термин *imaginary worlds* – «воображаемые миры») [Wolf, 2012]. Но при попытке применить эти общие рассуждения к конкретному материалу – в данном случае к творческому наследию Толкина – возникают и многочисленные частные вопросы. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Толкин о природе своей вселенной

В среде поклонников Толкина встречаются самые разные точки зрения о характере его творчества – вплоть до представлений о том, что его книги о Средиземье являются результатом визионерского

опыта¹. Этот разброс мнений сам по себе мог бы стать хорошей темой для научного исследования, но до сих пор изучался лишь на любительском уровне [см. например: Виноходов, 1999; Остогер, 2000]. В конечном счете метафизическая природа толкиновской вселенной – это вопрос личной веры, не имеющий отношения к науке, но интересно посмотреть, что по этому поводу думал сам автор «Властелина колец».

В эссе «О волшебных сказках» Толкин характеризует рассказчика как «вторичного творца» (sub-creator), а создание мифов и сказок – как «вторичное творчество» (sub-creation, sub-creative art). Если рассказчик достаточно искусен, то он «создает Вторичный Мир (Secondary World), в который получает доступ ваш разум. И в его пределах всё, что рассказчик рассказывает, – “истинно”: всё согласуется с законами этого мира. Потому вы верите каждому слову – пока находитесь, так сказать, внутри». Это состояние слушателя писатель называет «Вторичной Верой» (Secondary Belief) [Толкин, 2006, с. 132]. Термином «Первичный Мир» (Primary World) он обозначает нашу эмпирическую реальность. Создание по-настоящему убедительного Вторичного Мира, «в пределах которого зелёное солнце покажется правдоподобным и породит Вторичную Веру», – задача чрезвычайно трудная, но наградой успешному мастеру будет «редчайшее из произведений Искусства: речь идёт об искусстве повествовательном, сочинительстве в его исходной и наиболее могущественной форме» [там же, с. 140]. В качестве метафоры для такого искусства Толкин использует эльфийские чары (Enchantment) [там же, с. 142–143]. Примечательно, что таким образом он во многом предвосхитил те представления о вымышленных мирах, которые являются уже общепринятыми в современной нарратологии, хотя из-за отсутствия готовых терминов вынужден был самостоятельно выстраивать свой понятийный аппарат [Monteiro, 2019].

Он также отмечает, что «возможно, каждый писатель, создающий вторичный мир, фантазию, каждый творец вторичной реальности в какой-то степени мечтает быть истинным творцом или надеется, что приближается к реальности; надеется, что особое, неповторимое ощущение от его вторичного мира (если не все детали)

¹ Подобное мнение высказывали, к примеру, переводчики Толкина Н.В. Григорьева и В.И. Грушецкий. См.: *Григорьева Н., Грушецкий В.* Несколько слов вначале... // *Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I–III / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого.* — Москва: Издатель, 1993. — С. 6.

заимствовано из Реальности или перетекает в неё» [Толкин, 2006, с. 155]. Хорошая сказка не только описывает убедительный Вторичный Мир, но и передает в иносказательной форме фундаментальные истины, относящиеся к первичной реальности. Наконец, высшая надежда для автора-христианина состоит в том, что «Фантазией он ни много ни мало как содействует украшению и многократному обогащению сотворенного мира. Все сказки могут однажды сбыться – и тогда наконец, очищенные и возрождённые, они будут так же похожи и непохожи на те формы, что мы им придаём, как Человек спасенный будет похож и непохож на того падшего, которого мы знаем» [Толкин, 2006, с. 156–157].

Эту мысль писатель развивает в сказке-притче «Лист кисти Ниггля». Главный герой – художник по имени Ниггль – не успевает завершить важнейшую свою работу (Дерево) при жизни (до отъезда в Путешествие). Более того, перед самой его смертью Инспектор домов конфискует картину, чтобы использовать как материал для ремонта крыши, так что в мире живых остаётся лишь небольшой ее фрагмент, да и тот впоследствии сгорит при пожаре. После смерти Ниггль какое-то время проводит в чистилище (в больнице при Работном доме), но затем Второй Голос предлагает назначить ему «курс помягче», и художник попадает в тот самый мир, который когда-то пытался изобразить на холсте. Он еще не закончен, но Дерево уже готово и выглядит именно так, как его в свое время и представлял себе Ниггль (хотя и не успел дорисовать). Теперь этот мир получает материальное воплощение (став частью первичного Творения) и превращается в небольшую страну в преддверии рая (у подножия Гор). Сам Ниггль, по-видимому, это предчувствовал, поскольку Горы присутствовали на заднем плане картины. Вскоре к нему присоединяется его сосед Пэриш, который тоже умер и которого отпустили из Работного дома благодаря заступничеству Ниггля. Вдвоем они завершают картину – теперь уже не в переносном, а в буквальном смысле слова уподобляясь толкиновским валар, совершенствующим первичный мир. Затем Ниггль отправляется в Горы. В финале сказки мы узнаём, что созданная ими страна получила название (Ниггль-Пэриш), а Второй Голос направляет туда «всё больше и больше» пациентов больницы для подготовки к Восхождению¹.

¹Образы Первого Голоса и Второго Голоса нередко интерпретируются как метафора Бога Отца и Бога Сына, однако, как указывает в своей книге П. Парфентьев,

Примечательно, что «Лист кисти Ниггля» и эссе «О волшебных сказках» писались и издавались почти синхронно. «Лист...», вероятнее всего, был написан в 1942 г. и в 1945 г. впервые опубликован в ирландском католическом журнале *Dublin Review* [Scull, Hammond, 2006a, p. 792; Scull, Hammond, 2006b, p. 494–495]. Эссе «О волшебных сказках» было написано немного раньше (на основе лекции, прочитанной Толкином в 1939 г.) и впервые опубликовано в 1947 г. [Essays ..., 1947, p. 38–89]. В 1964 г. обе эти работы были перепечатаны издательством Allen & Unwin в виде сборника «Дерево и лист» [Tolkien, 1964].

Похожая идея присутствует и в «Сильмариллионе», где среди прочего изложен толкиновский миф о сотворении гномов. Не дождавшись пробуждения Детей Илуватара (эльфов и людей), вала Ауле решает создать свой собственный народ, но не может сделать гномов по-настоящему живыми, поскольку это под силу лишь Всевышнему. Приняв его покаяние, Илуватар (Бог Отец в толкиновской мифологии) дарует гномам самостоятельное бытие [Толкин, 2018б, с. 60–61].

Наконец, в черновике письма Питеру Гастингсу Толкин, рассуждая о возможности браков между относительно бессмертными эльфами и смертными людьми, подчёркивает, что «таков биологический закон в моем вымышленном мире. Это всего лишь (пока) недостаточно домысленный мир, “вторичный” в зачаточном состоянии; но, ежели угодно будет Создателю наделить его (в исправленном виде) Реальностью на каком-либо плане, тогда вам просто придется войти в него и взяться за изучение его иной биологии – вот и всё» [Толкин, 2004, с. 216]. Впрочем, абзацем ниже он добавляет любопытное уточнение: «Хотя этот мир словно бы вырвался из-под контроля, так что отдельные его составляющие, как кажется (мне), скорее явлены через меня, нежели мною, – цель его по-прежнему главным образом литературная (и, если термин вас не пугает, дидактическая)» [там же], – тем самым допуская возможность того, что какие-то базовые идеи его произведений могли быть подсказаны свыше.

Как видим, Толкин фактически повторяет здесь ту же мысль, которая в иносказательной форме изложена в «Листе кисти Ниггля» и в «Сильмариллионе». Он безусловно считал Средиземье своим собственным sub-creation, но надеялся, что оно всё же созвучно первичному Творению и что мир, возникший просто как плод его вообра-

речь в данном случае идет скорее о Божьей справедливости и Божьем милосердии [Парфентьев, 2004, с. 99].

жения, возможно, еще может получить свое воплощение в первичной реальности (хотя и недоступной жителям «нашего» мира при жизни) и в этом новом качестве принести пользу другим, если Всевышний даст на то Свое соизволение. Используя терминологию самого Толкина, можно сказать, что это была его *эстель* – надежда, основанная на вере¹.

Источники

Если мы будем рассматривать мир Средиземья как самостоятельное художественное произведение, то становится очевидным, что многие работы Толкина представляют интерес не только сами по себе, но и как источники для изучения его воображаемой вселенной. Подобный подход позволяет выявить некоторые дополнительные взаимосвязи между отдельными произведениями и их группами. Так, произведения, непосредственно относящиеся к легендарному, можно разделить на ряд категорий в зависимости от их внутреннего авторства:

1) Значительное число текстов Толкина стилизованы под подлинники, возникшие непосредственно в Средиземье. Таковы, в частности, практически все главы «Сильмариллиона», а также стихи из сборника «Приключения Тома Бомбадила» и большинство приложений к «Властелину колец».

2) Внутренним автором «Книги утраченных сказаний» (цикл самых ранних текстов о Средиземье, опубликованный К.Р. Толкином в 1983–1984 гг.) является земной путешественник – Эриол Эльфвине, житель средневековой Англии.

3) В таких произведениях, как «Утраченный путь» и «Записки клуба “Мнение”», события из истории Средиземья описываются глазами земных визионеров, «постигающих» мифическое прошлое человечества. Это тем более любопытно, что, как следует из предыдущего раздела, сам Толкин никогда не рассматривал свое творчество как визионерский опыт.

4) Во многих других текстах в качестве внутреннего автора в каком-то смысле выступает сам Толкин – как «исследователь» Средиземья. К этой группе относятся не только многочисленные материа-

¹В созданных Толкином эльфийских языках различались два вида надежды: надежда, основанная на знании (*amatire* на квенья, *amdir* на синдарине) и надежда, основанная на вере (*estel*). Разница между ними объясняется в диалоге «Речи Финрода и Андрет» [Tolkien, 1993, p. 320].

лы, посвящённые его вымышленным языкам, но и, например, пролог к «Властелину колец».

5) «Хоббит» и основной текст «Властелина колец» (за исключением пролога и приложений) стилизованы под современную прозу, написанную Толкином на основе подлинных источников, созданных в Средиземье (прежде всего на основе Алой книги Западных пределов). В этих работах внутреннее авторство становится уже многоуровневым. С одной стороны, как и в предыдущем случае, внутренним автором является сам Толкин – теперь уже как писатель, но опирающийся в своём творчестве на результаты своих же «исследований» по истории Средиземья. С другой стороны, в числе внутренних авторов оказываются главные герои его произведений – Бильбо, Фродо, Сэм Гэмджи и ряд других – чьи воспоминания, собственно, и составили Алую книгу.

6) Отдельную группу составляют тексты, в которых внутренний автор отсутствует, то есть Толкин в данном случае выступает непосредственно как создатель Средиземья. К этой категории относятся его письма, а также «Преображенные мифы» и до сих пор недоступные для исследователей дневниковые записи. Следует также учитывать, что у писем по определению есть внешний адресат, тогда как дневники и рабочие заметки вроде тех же «Преображенных мифов» создавались их автором прежде всего для себя и с точки зрения его персонажей представляют собой своеобразные «черновики Бога».

Отдельные исследователи уже обращали внимание, что феномен внутреннего авторства в произведениях Толкина имеет несколько измерений. Так, К. Баркли показывает на ряде примеров (путешествие Бильбо и гномов к Одинокой горе, история Берена и Лутиэн, плавание Эарендила), насколько по-разному могут описываться отдельные события и сюжеты в изложении различных персонажей [Barkley, 1996]. При анализе «Властелина колец», как видно из статьи Дж. Пейнтера [Painter, 2016], исследователь сталкивается с ещё более сложной конструкцией. В прологе к роману Толкин отмечает, что оригинал Алой книги до нас не дошёл и ему пришлось «реконструировать» ее первоначальный текст на основе материалов, хранящихся в трех хоббитских семейных архивах, восходящих к личным архивам Сэма Гэмджи, Перегринна Тука и Мериадока Брендибака [Tolkien, 2005, p. 14–16]. Пейнтер в своей работе приходит к выводу, что это замечание писателя необходимо воспринимать всерьёз, поскольку Толкин, будучи профессиональным филологом, имел значительный опыт работы со средневековой литературой и

действительно стилизовал текст «Властелина колец» (осознанно или неосознанно) под реконструкцию, выполненную на основе трех прототекстов, частично различающихся между собой. Между фрагментами текста, «основанными» на архивах Туков, Брендибаков и Гэмджи, нет четких границ (в противном случае произведение в целом больше походило бы на филологическую работу, а не на роман), но при внимательном чтении эти фрагменты можно различить – в основном по характерной расстановке акцентов на определенных мотивах и темах. Таким образом, даже точка зрения одного и того же персонажа может передаваться по-разному в разных главах книги. К названным работам примыкает и исследование В.Б. Браун, анализирующей элементы метапрозы во «Властелине колец» [Браун].

Приведенные соображения справедливы не только для текстов, но отчасти и для других видов произведений. Так, у большинства рисунков Толкина внутренний автор, по-видимому, отсутствует (это же относится к немногочисленным сохранившимся звукозаписям и фрагментам кинохроники), но есть и исключения – например, карта Трора (воспроизводится в «Хоббите») и уцелевшие листы из книги Мазарбул, нарисованные Толкином для первого издания «Властелина колец», а также изображения эльфийских гербов, нуменорских изразцов и ковров и т. д.

Если же не ограничиваться текстами о Средиземье, то можно обнаружить еще ряд взаимосвязей между ними и некоторыми другими группами произведений. Например, ещё в 1914–1915 гг., будучи студентом, Толкин написал прозаическую «Историю Куллерво» [Tolkien, 2015], основанную на «Калевале». Позже, в 1920-е – 1930-е годы, к ней добавились такие тексты, как «Легенда о Сигурде и Гудрун» [Tolkien, 2009; Толкин, 2011] и «Смерть Артура» [Tolkien, 2013; Толкин, 2016], которые также являются переработками известных эпических сюжетов. Все три произведения остались неоконченными, однако «История Куллерво» впоследствии стала основой для легенды о Турине Турамбаре – одного из центральных сюжетов толкиновского легендарiums. В других случаях образы из истории Средиземья могли проникать в произведения, сюжетно никак с ним не связанные, – например, в «Роверандоме», написанном в 1925 г., воспроизводится описание Домика Утраченной Игры из «Книги утраченных сказаний», созданной в 1916–1917 гг. и впоследствии отвергнутой Толкином [Ашарина, 2019, с. 3–6]. Своеобразная перекличка между философскими идеями о природе творчества, изложенными в эссе «О волшебных сказках», сказкой «Лист кисти Нигг-

ля» и историей сотворения гномов в «Сильмариллионе» уже обсуждалась выше.

Наконец, чем больше произведений Толкина становятся доступными для широкого читателя, тем большее значение приобретают различия в обстоятельствах их публикации. Еще при его жизни увидели свет не только «Хоббит», «Властелин колец», «Приключения Тома Бомбадила», но и такие дополняющие их работы других авторов, как карта Средиземья П. Бейнс и сборник песен Д. Суонна «Дорога вдаль и вдаль идет» на стихи Толкина. Он одобрил и карту Бейнс, и музыку Суонна, которая таким образом может теперь рассматриваться как едва ли не единственный пример того, как звучала «настоящая» музыка Средиземья (известна также аудиозапись, где сам Толкин исполняет плач Галадриэли «Намариз» из «Властелина колец» на мотив григорианского хора; на это исполнение опирался и Суонн) [Минц, 2022, с. 29]. Позже, уже после смерти Толкина, его сын Кристофер не только опубликовал значительный массив его черновиков в 12-томной серии «История Средиземья», но и попытался реконструировать по этим черновикам текст «Сильмариллиона», который его отец так и не успел закончить. Похожим образом уже в начале 2000-х годов он подготовил к изданию реконструированный полный текст «Детей Хурина». Значительное число черновиков, в основном посвященных языкам Средиземья, были изданы в 1993–2015 гг. в журналах *Vinyar Tengwar* и *Parma Eldalamberon*. Кристофер Толкин дал согласие на их публикацию, но сам в этой работе не участвовал. Уже после его смерти вышел сборник «Природа Средиземья» [Tolkien, 2021; Толкин, 2024], подготовленный К.Ф. Хостеттером с его разрешения и при его содействии. Еще один сборник «Падение Нуменора», выпущенный в 2022 г. Б. Сибли [Tolkien, 2022], вызвал противоречивые отзывы специалистов [Garth, 2022; Kane, 2022]. Смерть К. Толкина, таким образом, обозначила важный рубеж в истории публикации черновиков его отца, и мы не можем предвидеть, как эта работа будет развиваться в дальнейшем.

Возможные направления исследований

Описанные выше особенности позволяют скорректировать предварительный список основных «разделов» толкинистики, опубликованный мною ранее [Минц, 2025, с. 126]:

– Текстология произведений Толкина (включая незавершенные работы и черновики).

– Биографические исследования. Помимо классических биографий сюда относятся также исследования по истории семьи писателя, а также работы, авторы которых изучают влияние его жизненного опыта и окружения на его творчество. Массив литературы по данной тематике уже довольно обширен, следует отметить прежде всего ряд работ, посвящённых периоду Первой мировой войны в жизни Толкина [Garth, 2004, 2014; Гарт, 2019, 2022; Mathison, 2012].

– Изучение «внешней» истории толкиновской вселенной, то есть эволюции образа этого мира в представлении писателя. Как отмечает Г.И. Романова, творческая история произведения образует самостоятельную область исследований, поскольку, в отличие от текстологии, изучает историю мира произведения, а не историю текста [Романова, 2008, с. 47].

– Источниковедческий анализ произведений Толкина, посвящённых Средиземью, с учетом особенностей, описанных выше. Некоторые намеки на необходимость критического отношения к таким текстам можно найти в письмах Толкина. Так, в письмах к Мильтону Уолдману и С. Оуботеру упоминается об «эльфоцентричности» сказаний Первой эпохи, составляющих «Сильмариллион», которая повлияла, в частности, на то, как в этих сказаниях показаны люди [Толкин, 2004, с. 169–170, 303]. В письме к Уолдману также говорится, что происхождение хоббитов «неизвестно (даже им самим), поскольку великие, они же цивилизованные, народы, из тех, что составляют летописи, их своим вниманием обошли» [Толкин, 2004, с. 181]. Там же, а также в письме к Наоми Митчисон можно встретить и упоминания о том, что некоторые подробности, приводимые, к примеру, в «Хоббите», «ошибочны» [там же, с. 182, 224]. Но эти вопросы нуждаются в дальнейшей проработке.

– Изучение «внутренней» истории толкиновской вселенной с учётом ее «внешней» истории и результатов источниковедческих изысканий.

– Классические литературоведческие исследования.

– Изучение нетекстовых источников по истории Средиземья. Так, к настоящему моменту вышли уже несколько работ, посвящённых рисункам Толкина. Следует отметить также чрезвычайно интересное, хотя и любительское, исследование, где в качестве одного из источников используется уже упоминавшийся сборник песен Д. Суонна «Дорога вдаль и вдаль идет» [Онойко, 2018].

– Реконструкция толкиновских языков на разных этапах их развития с применением методов сравнительной лингвистики фактически тоже является составной частью изучения истории Средиземья

(как «внешней», так и «внутренней»). Публикация соответствующих черновиков писателя продолжается до сих пор¹.

Заключение

В толкинистском фэндоме бытует шутка, что толкинистика – в своем роде идеальная модель науки, поскольку на толкиновском материале можно проводить (или моделировать) исследования в рамках самых разных научных дисциплин – от географии и даже геологии до экономики и международных отношений. В этой шутке (как и во многих других) есть немалая доля истины, поскольку специалистам-толкиноведам приходится иметь дело с обширным и крайне разнородным материалом. Творческое наследие Толкина включает в себя научные работы, популярные лекции и эссе, художественную прозу, стихи и поэмы, письма, рабочие заметки, рисунки и даже немногочисленные аудиовидеоматериалы, где Толкин, к примеру, читает вслух «А Эльберет Гильтониэль...» на синдарине или поет «Намариз» на квенья. К его наследию также относятся более двух десятков искусственных языков, реконструкция которых на основе доступных источников составляет отдельную – и весьма непростую – задачу, так как исчерпывающего описания этих языков Толкин не оставил. Наконец, как уже говорилось, существенную часть его наследия составляет сама его вымышленная вселенная с тщательно проработанной метафизикой, географией и многотысячелетней историей.

Такое разнообразие (жанровое и содержательное) изучаемого материала вынуждает нас применять для анализа одних и тех же источников методы различных гуманитарных дисциплин (в ряде случаев – также с привлечением дополнительной информации из естественных наук, поскольку Толкин очень неплохо разбирался в современном ему естествознании); современное понимание природы источника, выработанное исторической наукой XX столетия, предоставляет нам такую возможность. Отношение к миру Средиземья как к самостоятельному произведению является ещё одной важной отправной точкой для дальнейших изысканий.

¹О текущей ситуации с публикацией черновиков Толкина см. Интервью с Карлом Ф. Хостетгером, составителем и редактором сборника «Природа Средиземья» // Creative space. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ABusbr39oYM>. – Дата публикации: 10.02.2022.

Список литературы

Исследования

Браун В. Б. Элементы метаповествования во «Властелине колец» Дж. Толкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. – Т. 14, вып. 2. – С. 162–170.

Гарт Дж. Толкин в Эксетер-колледже: как оксфордский студент создал Средиземье / пер. с англ. и дополнения И. Хазанова; под ред. С. Лихачёвой. – Москва : [б. и.], 2019. – 303 с.: ил. – (Tolkienistica Rossica Magna).

Гарт Дж. Толкин и великая война: на пороге Средиземья / пер. с англ. С. Лихачёвой. – Москва : АСТ, 2022. – 479 с.: ил. – (Толкин – творец Средиземья).

Миц М.М. Библиография Средиземья: творчество Дж. Р. Р. Толкина и его изучение в России и за рубежом: указатель источников и литературы. – Москва ИНИОН РАН, 2022. – 470 с.

Миц М.М. Изучение творчества Дж. Р. Р. Толкина как методологическая проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. – Вып. 7 (901). – С. 122–128.

Парфентьев П. Эхо Благой Вести: христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина. – Москва : ТТТ : ТО СПб., 2004. – 322 с. – (Tolkienistica Rossica Magna).

Романова Г.И. Мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема. – Москва : Университетский, 2008. – 221 с.

Barkley Ch. Point of View in Tolkien // Mythlore. – 1996. – Vol. 21. – No. 2(80). – P. 256–262.

Garth J. The Fall of Númenor by JRR Tolkien Review – Masterful World-building from the Father of Fantasy // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2022/nov/23/the-fall-of-numenor-by-jrr-tolkien-review-masterful-world-building-from-the-father-of-fantasy>. – Дата публикации: 23.11.2022. – Рец. на кн.: Tolkien J. R. R. The Fall of Númenor / Ed. by B. Sibley; Illustrated by A. Lee. – London : HarperCollins Publishers, 2022. – XXXIV, 298 p.

Garth J. Tolkien and the Great War: the Threshold of Middle-earth. – London : HarperCollins Publishers, 2004. – XVIII, 398 p.: Ill.

Garth J. Tolkien at Exeter College: How an Oxford Undergraduate Created Middle-earth. – Oxford : Exeter College, 2014. – 64 p.

Kane D.C. [Rec.] // Journal of Tolkien Research. 2022. – Vol. 15. – No. 2. – URL: <https://scholar.valpo.edu/journaloftolkienresearch/vol15/iss2/5/> (date of access: 13.01.2025). – Рец. на кн.: Tolkien J.R.R. The Fall of Númenor / Ed. by B. Sibley; Illustrated by A. Lee. – London : HarperCollins Publishers, 2022. – XXXIV, 298 p.

Mathison Ph. Tolkien in East Yorkshire, 1917–1918: an Illustrated Tour. – Newport (East Yorkshire) : Dead Good Publications, 2012. – 119 p.: Ill.

Monteiro M.R. On Stories: Tolkien and Fictional Worlds // Intelligence, Creativity and Fantasy: Proceedings of the 5th International Multidisciplinary Congress (PHI 2019), October 7–9, 2019, Paris, France / Ed. by M.M. Kong, M.R. Monteiro, M.J.P. Neto. – London : CRC Press, 2019. – P. 394–403.

Painter J. “A Honeycomb Gathered from Different Flowers”: Tolkien-the-Compiler’s Middle-earth “Sources” in “The Lord of the Rings” // Tolkien Studies. 2016. – Vol. 13. – P. 125–147.

Scull Ch., Hammond W.G. The J. R. R. Tolkien Companion and Guide. – Boston ; New York : Houghton Mifflin, 2006a. – Vol. 1: Chronology. – XVIII, 996 p.

Scull Ch., Hammond W.G. The J. R. R. Tolkien Companion and Guide. – Boston ; New York : Houghton Mifflin, 2006b. – Vol. 2: Reader's Guide. – XVIII, 1256 p.

Wolf M.J.P. Building Imaginary Worlds: the Theory and History of Subcreation. – New York : Routledge, 2012. – XIV, 394 p.: Ill.

Источники

Толкин Дж.Р.Р. Книга утраченных сказаний / пер. с англ. под общ. ред. С. Таскаевой. – Москва : АСТ, 2018a. – Ч. 1. – 308 с.; Ч. 2. – 390 с.

Толкин Дж.Р.Р. Легенда о Сигурде и Гудрун / пер. с англ. С. Лихачёвой под ред. М. Артамоновой. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 410 с.

Толкин Дж.Р.Р. Письма / под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; пер. с англ. С. Лихачёвой под ред. А. Хромовой, С. Таскаевой. – Москва : Эксмо, 2004. – 574 с.

Толкин Дж.Р.Р. Природа Средиземья / под ред. К. Ф. Хостеттера. – Москва : АСТ, 2024. – XXVI, 467 с.

Толкин Дж.Р.Р. Сильмариллион / пер. с англ. С. Б. Лихачёвой. – Москва : АСТ, 2018б. – 431 с.: ил.

Толкин Дж.Р.Р. Смерть Артура / под ред. К. Толкина; пер. с англ. С. Лихачёвой. – Москва : АСТ, 2016. – 223 с.

Толкин Дж.Р.Р. Чудовища и критики и другие статьи / под ред. К. Толкина. – Москва : Elsewhere, 2006. – IV, 315 с.: ил. – (Дж. Р. Р. Толкин: филологическое наследие).

Essays Presented to Charles Williams / D. Sayers, J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, A.O. Barfield, G. Mathew, W.H. Lewis. – London : Oxford University Press, 1947. – XIV, 145 p.

Tolkien J.R.R. Morgoth's Ring: The Later Silmarillion, Part One / Ed. by Ch. Tolkien. – Boston : Houghton Mifflin, 1993. – Vol. 10. – 471 p. – (The History of Middle-earth; Vol. 10).

Tolkien J.R.R. The Book of Lost Tales / Ed. by Ch. Tolkien. – London ; Boston : Allen & Unwin, 1983. – Vol. 1. – [5], 297 p. – (The History of Middle-earth; Vol. 1).

Tolkien J.R.R. The Book of Lost Tales / Ed. by Ch. Tolkien. – London; Boston : Allen & Unwin, 1984. – Vol. 2. – [5], 385 p. – (The History of Middle-earth; Vol. 2).

Tolkien J.R.R. The Fall of Arthur / Ed. by Ch. Tolkien. – London : HarperCollins Publishers, 2013. – 233 p.

Tolkien J.R.R. The Fall of Númenor / Ed. by B. Sibley; Illustrated by A. Lee. – London : HarperCollins Publishers, 2022. – XXXIV, 298 p.

Tolkien J.R.R. The Lays of Beleriand / Ed. by Ch. Tolkien. – London ; Boston : Allen & Unwin, 1985. – 393 p.: Ill. – (The History of Middle-earth; Vol. 3).

Tolkien J.R.R. The Legend of Sigurd and Gudrún / Ed. by Ch. Tolkien. – London : HarperCollins Publishers, 2009. – 377 p.: Ill.

Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings: 50th Anniversary Edition. – London : Harper Collins Publishers, 2005. – XXII, 1178 p.: Ill.

Tolkien J.R.R. The Nature of Middle-earth: Late Writings on the Lands, Inhabitants and Metaphysics of Middle-earth / Ed. by C. F. Hostetter. – London : HarperCollins Publishers, 2021. – 400 p.

Tolkien J.R.R. The Story of Kullervo / Ed. by V. Flieger. – London : HarperCollins Publishers, 2015. – XXIII, 166 p.

Tolkien J.R.R. Tree and Leaf. – London : Unwin Books, 1964. – 92 p

Любительские исследования

Ашарина А. (Алоэ). Домик утраченной игры: о домыслах и вымыслах // Палантир. 2019. – № 79. – С. 3–12.

Виноходов Д.О. Задать вопрос... // Tolkien Texts Translation: [1999]. – URL: <http://www.nto-ttt.ru/dv/question.shtml> (дата обращения: 30.12.2024).

Онойко О. (Ауренга). Эльфийская музыка: взгляд музыковеда: доклад, прочитанный на конвенте «ВесКон» (23–25 февраля 2018 г.) // Палантир. 2018. – № 76. – С. 19–39.

Остогер. Классификация // Арда-на-Куличках: [2000]. – URL: <http://kulichki.com/tolkien/arhiv/fandom2/seok.shtml> (дата обращения: 30.12.2024).

References

Asharina, A. “Domik utrachennoi igry: O domyslakh i vymyslakh” [The Cottage of Lost Play: on Speculation and Fiction]. In *Palantir*, no. 79, 2019, pp. 3–12. (In Russ.)

Braun, V.B. Elementy metapovestvovaniya vo “Vlasteline kolets” Dzh. Tolkina [Elements of Metanarrative in J.R.R. Tolkien’s The Lord of the Rings]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. V. 14, Issue. 2, 2017, pp. 162–170. (In Russ.)

Garth, J. *Tolkin i velikaia voina: Na poroge Sredizem’ia [Tolkien and the Great War: the Threshold of Middle-earth]*. Transl. from English by Likhacheva S. Moscow, AST Publ., 2022. 479 p.: Ill. (In Russ.)

Garth, J. *Tolkin v Ekseter-kolledzhe: Kak oksfordskii student sozdal Sredizem’e [Tolkien at Exeter College: How an Oxford Undergraduate Created Middle-earth]*, Transl. from English by Khazanov I. Moscow, [No Publisher’s Name Provided], 2019. 303 p.: Ill. (In Russ.)

Grigor’eva, N., Grushetskii, V. Neskol’ko slov vnachale... [A Few Words at the Beginning...]. In *Tolkien Dzh.R.R. Vlastelin Kolets. Kn. 1–3 [The Lord of the Rings. Books 1–3]*. Transl. from English by N. Grigor’eva, V. Grushetskii. Moscow, Izdatel’ Publ., 1993, pp. 6. (In Russ.)

Mints, M.M. Izuchenie tvorchestva Dzh. R. R. Tolkina kak metodologicheskaya problema [The Study of J.R.R. Tolkien’s Fiction as an Issue of Methodology]. In *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. Vol. 7 (901), 2025, pp. 122–128. (In Russ.)

Mints, M.M. *Bibliografiya Sredizem’ya: tvorchestvo Dzh.R.R. Tolkina i ego izuchenie v Rossii i za rubezhom: ukazatel’ istochnikov i literatury [Bibliography of Middle-earth: J.R.R. Tolkien’s Works and Their Study in Russia and Abroad: An Index of Sources and Literature]*. Moscow, INION RAN Publ., 2022. 470 p. (In Russ.)

Onoiko, O. El’fiiskaia muzyka: vzgliad muzykoveda [Elvish Music: a View of a Musicologist]. In *Palantir*, no. 76, 2018, pp. 19–39. (In Russ.)

Ostoger. Klassifikatsiya [Classification]. In *Arda-na-Kulichkakh: [2000]*. URL: <http://kulichki.com/tolkien/arhiv/fandom2/seok.shtml> (date of access: 30.12.2024). (In Russ.)

Parfent'ev, P. *Ekho Blagoi Vesti: Khristianskie motivy v tvorchestve Dzh.R.R. Tolkiena* [*The Echo of the Glad Tidings: Christian Motives in the Fiction by J.R.R. Tolkien*]. Moscow, Tolkien Texts Translation, 2004. 322 p. (In Russ.)

Romanova, G. I. *Mir epicheskogo proizvedeniia kak teoretiko-literaturnaia problema* [*The World of an Epic Writing as a Problem of Literary Theory*]. Moscow, Universitetskii Publ., 2008. 221 p. (In Russ.)

Vinokhodov, D.O. Zadat' vopros... [To Ask a Question...]. In *Tolkien Texts Translation* : [1999]. URL: <http://www.nto-ttt.ru/dv/question.shtml> (date of access: 30.12.2024).

Barkley, Ch. Point of View in Tolkien. In *Mythlore*. Vol. 21, no. 2(80), 1996, pp. 256–262.

Garth, J. The Fall of Númenor by JRR Tolkien Review – Masterful World-building from the Father of Fantasy. In *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2022/nov/23/the-fall-of-numenor-by-jrr-tolkien-review-masterful-world-building-from-the-father-of-fantasy>. Date of publication: 23.11.2022. Book review: Tolkien J.R.R. The Fall of Númenor / Ed. by B. Sibley; Illustrated by A. Lee. London, Harper Collins Publ., 2022. XXXIV, 298 p.

Garth, J. *Tolkien and the Great War: the Threshold of Middle-earth*. London, Harper Collins Publ., 2004. XVIII, 398 p.: Ill.

Garth, J. *Tolkien at Exeter College: How an Oxford Undergraduate Created Middle-earth*. Oxford, Exeter College, 2014. 64 p.

Kane, D.C. [Rec.]. In *Journal of Tolkien Research*. Vol. 15, no. 2. 2022. URL: <https://scholar.valpo.edu/journaloftolkienresearch/vol15/iss2/5/> (date of access: 13.01.2025). – Book review: Tolkien J.R.R. The Fall of Númenor / Ed. by B. Sibley; Illustrated by A. Lee. London, Harper Collins Publ., 2022. XXXIV, 298 p.

Mathison, Ph. *Tolkien in East Yorkshire, 1917–1918: an Illustrated Tour*. Newport (East Yorkshire), Dead Good Publications, 2012. 119 p.: Ill.

Monteiro, M.R. On Stories: Tolkien and Fictional Worlds. In *Intelligence, Creativity and Fantasy: Proceedings of the 5th International Multidisciplinary Congress* (PHI 2019), October 7–9, 2019, Paris, France, Ed. by M.M. Kong, M.R. Monteiro, M.J.P. Neto. London, CRC Press Publ., 2019, pp. 394–403.

Painter, J. “A Honeycomb Gathered from Different Flowers”: Tolkien-the-Compiler’s Middle-earth “Sources” in “The Lord of the Rings”. In *Tolkien Studies*. Vol. 13, 2016, pp. 125–147.

Scull, Ch., Hammond W.G. *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide*. Boston; New York, Houghton Mifflin Publ. Vol. 1: Chronology, 2006a. XVIII, 996 p.

Scull, Ch., Hammond W.G. *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide*. Boston; New York, Houghton Mifflin Publ. Vol. 2: Reader’s Guide, 2006b. XVIII, 1256 p.

Wolf, M.J.P. *Building Imaginary Worlds: the Theory and History of Subcreation*. New York, Routledge Publ., 2012. XIV, 394 p.: Ill.

*Абилова Ф.А.**

**МЕЧ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА В РОМАНЕ
Э. БЕРДЖЕССА «ЖЕЛЕЗО, РЖАВОЕ ЖЕЛЕЗО»[©]**

Аннотация. В статье анализируется тема и образ меча короля Артура. Приобретая черты лейтмотива, меч становится отправным моментом в развитии действия. Превращение культурного мифа в политический формирует иронический контекст повествования. Эффект обманутого ожидания создает название, заставляя читателя вернуться к нему после прочтения романа.

Ключевые слова: меч; король Артур; миф; Экскалибур; кельты, валлийцы

Поступила: 20.09.2025

Принята к печати: 10.11.2025

Для цитирования: Абилова Ф.А. Меч как элемент национального мифа в романе Э. Берджесса «Железо, ржавое железо» // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 198–210. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.13

**Абилова Фируза Абуталибовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Дагестанского государственного университета, Махачкала, Россия; abilovafiruza@mail.ru*

Abilova Firuza Abutalibovna – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature of the Dagestan State University, Makhachkala, Russia; abilovafiruza@mail.ru

© Абилова Ф.А., 2026

Abilova F.A.

**The Sword as an Element of the National Myth in the Novel
by E. Burgess “Any Old Iron”**

Abstract. The article analyzes the theme and image of King Arthur’s sword. Acquiring the features of a leitmotif, the sword becomes the starting point in the development of the action. The transformation of a cultural myth into a political one forms the ironic context of the narrative. The effect of disappointed expectation creates the title, forcing the reader to return to it after reading the novel.

Keywords: sword; King Arthur; myth; Excalibur; Celts; Welsh

Received: 20.09.2025

Accepted: 10.11.2025

For quoting: Abilova F.A. The Sword as an Element of the National Myth in the Novel by E. Burgess “Any Old Iron // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 198–210. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.13

Одной из активно разрабатываемых тем в современной английской литературе стала дихотомия «английскость» / «британскость», Englishness and Britishness. В ее основе, по мысли Д. Фаулза, лежат представления о том, что Англия и Британия – это разные мировоззрения и разные способы существования нации. Английскость – отражение национальной ментальности англичан, выработанной климатом, природой, культурой, британскость – понятие скорее политическое, проявление «островного шовинизма внутри страны и высокомерия за ее пределами» [Фаулз, 2004, с. 148].

Но Англия неоднородна не только по мировоззренческим принципам. Наряду с общегосударственной (британской) в стране существует и региональная идентичность. «Я – англичанин, точно так, как уэльсец – это валлиец, а уроженец Шотландии – шотландец», – пишет Д. Фаулз [Фаулз, 2004, с. 188]. У малочисленных народов, составляющих население Англии, интерес к своей этнической истории оказывается наиболее ярко выраженным. Стремление возродить историю, найти истоки своего народа – задача, которую пытаются решить эти народы.

Идентифицировать себя с предками помогает миф, предполагающий наличие национальной истории, в которой говорится о происхождении той или иной этнической группы (народа). «Миф не признает разнотчений и отвергает вероятность нескольких равно-

значных гипотез» [Шнирельман, 2000, с. 14]. Поэтому формируется одномерная упрощенная картина исторической действительности.

В настоящее время основная сфера существования мифа – это искусство, «которое никогда не переставало видеть реальность сквозь призму мифа», – пишет К. Хюбнер [Хюбнер, 1996, с. 6]. По мнению Л.Ф. Хабибуллиной, даже несмотря на засилье Интернета, «в художественной литературе мифотворчество имеет наибольшие возможности для самоосуществления» [Хабибуллина, 2010, с. 5]. Прежде всего потому, что художественный текст обладает абсолютной свободой в обращении с историческим материалом. «Художественное произведение самодостаточно, оно не связано обязательствами референциальности и фактографичности...», – подчеркивает Е.В. Колодинская [Колодинская, 2004, с. 23]. А роман, чья форма далека от канонической, предлагает различные равноправные интерпретации мифа.

Вместе с тем, миф используется не только в искусстве и художественной литературе. Есть еще одна сфера, «которая неизбежно пользуется мифическими формами мышления, особенно в национальном вопросе», это – сфера политики [Хюбнер, 1996, с. 6]. Мифологизация становится элементом политической культуры и «служит важным ресурсом для легитимации власти и средством оправдания ее определенных решений и взглядов» [Шестакова, 2018, с. 9.].

Среди наиболее привлекательных национальных мифов для английских писателей и политиков стал миф о короле Артуре, единственном всемирно известном персонаже кельтской мифологии. «Образ короля Артура прошёл долгий путь от кельтских мифов до полноценно оформленных рыцарских романов» [Корж, Дадашева, 2021, с. 37]. Четко структурированным повествованием о жизни короля Артура считается «История бриттов» Гальфрида Монмутского. «Эта работа представляет собой отважную попытку вычленив сухой исторический материал из огромного количества мифов и легенд» [Роллестон, 2004, с. 280]. Здесь Артур предстает монархом, которому удалось подчинить не только Британию, но и успешно противостоять Риму. «Завершением длительного процесса, в ходе которого полулегендарный персонаж далеких и темных времен оказался в центре большого цикла рыцарских романов, преданий и легенд», стала книга Т. Мэлори «Смерть Артура» [Мортон, 1970, с. 22]. Кретьен де Труа придал этим романам и легендам «ту форму, в которой миф об Артуре завоевал весь мир и благодаря которой в XII–XIII столетиях он стал тем, чем была в более поздние времена легенда о

Фаусте, – сосудом, который каждая эпоха наполняла собственным содержанием» [Роллестон, 2004, с. 284].

Исторические факты говорят, что «Артур не был ни королем, ни основателем династии. Он был военачальником, главой союза малых королевств», – пишет Миранда Олдхаус-Грин, автор книги «Кельтские мифы. От короля Артура и Дейрдре до фейри и друидов» [Олдхаус-Грин, 2024, с. 111]. Но истории о его героизме и непревзойденном боевом мастерстве так вдохновили поэтов и писателей, что их произведения о средневековом рыцаре вышли даже за пределы Британии. «Легенды, связанные с именем Артура, оказались гораздо важнее, чем сам человек» [там же, с. 112].

Миф о короле Артуре стал темой произведений английских писателей XX и XXI веков: Т. Уайта и М. Стюарт, П. Акройда и К. Исигуро, а также нескончаемых фэнтэзи. Среди них заметное место принадлежит роману Э. Берджесса «Железо, ржавое железо» (*Any Old Iron*, 1987).

Сюжетной основой романа Э. Берджесса является история одного семейного клана, в составе которого русско-валлийская и еврейская части. Его герои постоянно озадачены положением в обществе, своей смешанной идентичностью. Поэтому одним из ведущих становится вопрос о национальных отношениях.

В романе развернута тема малочисленных народов Англии, которая связывает его «с актуальным культурным и литературным процессом» [Хабибуллина, 2010, с. 3]. Прежде всего заходит речь о героях-валлийцах, жителях Уэльса. Уэльс – одно из четырёх административных образований Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а его жители – валлийцы. Эта часть Англии никогда не была независимой. Кельтское население, современными представителями которого являются шотландцы, ирландцы и валлийцы, в результате англо-саксонской колонизации было разделено. И дальше их борьба за независимость приняла разные формы: у северных ирландцев – форму вооруженного конфликта, Шотландия «добивается своих политических целей, не прибегая к кельтскому мифу» [Шнирельман, 2007, с. 482], а стремление к независимости Уэльса от Великобритании приняло форму борьбы за сохранение валлийского языка и культуры. Валлийский язык, один из древнейших и относящийся к группе кельтских языков, сохранил свое значение. В настоящее время на нем говорят исключительно жители Уэльса. Поэтому для валлийцев «образ далекого прошлого, связанного с кельтами, играет второстепенную роль по сравнению с ролью

местного самобытного языка», – пишет В. Шнирельман [Шнирельман, 2007, с. 482].

В романе Э. Берджесса акцентируется кельтская (валлийская) составляющая британской нации и актуализируется история кельтов через упоминание важнейших маркеров этой истории: христианства кельтов, воспринятого непосредственно от римлян, истории короля Артура и волшебного меча Экскалибура.

Главным носителем идеи независимости валлийцев в романе является Реджинальд Морроу Джонс. Его отец «был приверженцем валлийского национализма», он рассказывает Реджинальду историю кельтов и Уэльса: «У нас было римское христианство, с римскими банями, белыми шерстяными тогами и мраморными храмами, посвященными единому истинному Богу, пока кровожадные саксы не вторглись и не оттеснили нас в Корнуэлл и Камберленд, где мы укрылись в горах, поэтому считаем их родными» [Берджесс, 2005, с. 23].

Вопрос о независимости Уэльса, о его исторической судьбе поднимается на страницах романа не раз. От него не могут отвлечь даже мировые войны. Он обсуждается на фронте первой мировой войны: «Мы ведь не англосаксы, черт возьми мы – валлийцы, и мы ни за что не будем служить угнетателям» [Берджесс, 2005, с. 59], – и во время второй мировой войны: «На главной улице Гибралтара в двухкомнатной квартирке над фруктовой лавкой каждый вечер собирався валлийский клуб» [там же, с. 137] Одни – сторонники полной независимости Уэльса – провозглашают необходимость валлийского господства над всей Британией под руководством короля Артура. «Наступает эпоха малых народов», – подчеркивает сторонник валлийского суверенитета. Другие, в том числе Реджинальд, не считают это возможным. «Артур был всего лишь римским наместником, получавшим приказы непосредственно из Рима. ...Валлийцы и англичане давно уже перемешались друг с другом, валлийцы стали верно-подданными Соединенного Королевства» [Берджесс, 2005, с. 139]. Этот вопрос не дает им покоя и после войны.

«При реконструировании исторической памяти в условиях исчезновения старинных традиций “воображаемые сообщества” прибегают к историческому изобретательству. ...Этот изобретательский процесс приводит к персонификации нации, которая начинает ассоциировать себя с определенным образом, символом или историческим героем», – отмечает Н.Ф. Шестакова [Шестакова, 2018, с. 4]. Историческим героем в романе Э. Берджесса должен был стать король Артур. Но здесь происходит некоторое смещение акцента с об-

раза короля на образ его меча. Понятия «валлийцы», Уэльс визуализируются не столько образом короля Артура и рассказами о его подвигах, сколько введением в роман одного из самых загадочных артефактов в истории – меча Экскалибура. Его местонахождение, как и само существование, до сих пор остаются нераскрытыми и недоказанными. Миф не случайно привлекает Берджесса. «В уже существующих мифах есть полезная для писателя глубина, бездна смысла, они очень выручают романиста – не надо что-то дополнительно изобретать», – сказал он в одном интервью [Интервью Э. Берджесса Джорджу Каллинэну, 2017, с. 246].

Как известно, меч – неперемнный элемент доспехов средневекового рыцаря, но это не просто оружие, а символ статуса и могущества владельца. Мечи часто получали собственные имена, становились легендарными артефактами мировой культуры. Таков волшебный меч Дюрандаль, владельцем которого был граф Роланд, герой французского средневекового эпоса. Мечи Тисона и Колада принадлежали Родриго Диасу де Вивару, герою испанского эпоса, меч Бальмунг – Зигфриду, герою германского эпоса, меч Зульфикар – пророку Мухамеду и др.

В романе Э. Берджесса меч становится ключевым элементом повествования, которое начинается с характеристики якобы Экскалибура, латинскому названию которого «предшествует валлийское Каледвелч, родственное ирландскому Каладболг» [Берджесс, 2005, с. 12–13]. Повествователь размышляет над составом стали, из которой он выкован, пытается понять, мог ли он сохраниться в течение многих столетий, и приходит к выводу, что это маловероятно. Столь же неправдоподобна, по словам повествователя, история «жизни человека, который с большим риском для себя вывез Экскалибур из Советской России» [там же, с. 14].

Образ меча в романе повторяется, варьируется, формирует эмоциональный тон произведения, приобретая черты лейтмотива. Он звучит в размышлениях Реджинальда в поезде, который герой везет его на первую мировую: «История, уходящая во тьму веков, всегда была полна рева, и мечей, и ножей в животах и лишь изредка освещалась истинным светом» [Берджесс, 2005, с. 53]. О нем говорится в книжке «про большой меч с буквой А.» [там же, с. 87]. О нем говорят археологи, которые после бомбежки, разрушившей «древние руины бенедиктинского монастыря» во время Второй мировой войны, нашли камни с латинскими надписями и расшифровали их как меч Артура-короля [там же, с. 143]. Чем ближе к финалу, тем чаще упоминается «меч в каменных ножнах», меч, который вывезли «крас-

ные», меч, который начинает восприниматься как икона и т.п. Лейт-мотив проходит через ключевые моменты текста, соединяя его различные фрагменты – крушение Титаника, историю семьи, революцию в России, две мировые войны, жизнь в Ленинграде после войны, образование государства Израиль и т.д.

«Как давно доказано специалистами, практически любая этническая группа формируется из нескольких разных компонентов, имевших свои своеобразные предшествующие линии развития, связанные с теми или иными достижениями или потерями, славными победами или сокрушительными поражениями. Поэтому-то и возможен поиск предков, наиболее отвечающих запросам сложившейся этнополитической ситуации. И именно такому выбору предков с увлечением отдаются духовные лидеры этнонационалистических движений в поисках национальной идеи», – пишет В. Шнирельман [Шнирельман, 2003].

Для валлийцев наиболее отвечающим этнополитической ситуации в послевоенный период XX века стал образ короля Артура. Но героическая борьба кельтов все-таки закончилась поражением, оставив на современной культуре Уэльса и отчасти Шотландии отпечаток «виктимизации» [Шнирельман, 2007, с. 464]. В стремлении преодолеть этот отпечаток духовные лидеры валлийских националистических движений пытаются выстраивать жизнь в соответствии со славными образцами далекого прошлого, избрав символом грядущей победы мифический меч короля Артура.

По мысли Р. Барта, миф – это «деполитизированное слово». Миф говорит о вещах, осмысливая которые «как нечто невинное, природно-вечное, делает их ясными – но не объясненными, а всего лишь констатированными» [Барт, 2000, с. 270]. Миф представляет реальный мир упрощенным, утратившим противоречия, «отменяет сложность человеческих поступков, дарует им эссенциальную простоту, упраздняет всякую диалектику, всякие попытки пойти дальше непосредственной видимости» [там же].

Но деполитизированным миф остается только до того момента, когда появится случай для реализации его политической составляющей, которая просто казалась безразличной. Как пишет Р. Барт, «политическая незначимость мифа зависит лишь от внешней ситуации. ...меняя его окружение, ту общую (и преходящую) систему, в которой он помещается, можно точно регулировать его эффект» [Барт, 2000, с. 272].

С обнаружением мифического меча короля Артура миф в романе Э. Берджесса превращается в идеологию, утрачивая черты стихийно сформировавшегося культурного мифа, всегда существовав-

шего в сознании валлийцев (кельтов). Теперь он становится средством формирования их политической ориентации, приемом политтехнологии. Используя образ Экскалибура, политтехнологи обещают избавить жителей Уэльса от ощущения утраты и обрести в будущем потерявшийся «золотой век».

При этом политическая мифология не всегда опирается на реальные основания, подтвержденные факты. «Людей интересует в мифе не истинность, а применимость – они деполитизируют вещи по мере нужды», – пишет Р. Барт [Барт, 2000, с. 271]. Точно так же, по мере необходимости вещи могут политизироваться. Именно так в романе Э. Берджесса происходит превращение культурного мифа о короле Артуре и его мече в миф политический. Буква «А» на обнаруженном мече могла означать как его принадлежность валлийцу Артуру, так и гунну Аттиле, римлянину Аэцию или королю Британии Амвросию Аврелиану. Но националистические идеи будоражат валлийцев, заставляя их считать найденный меч принадлежащим королю Артуру.

Миф не только участвует в конструировании художественного мира в романе Э. Берджесса, он становится способом выражения авторской позиции. В качестве основополагающей черты художественного мышления XX века выступает ирония. Как пишет Е.М. Мелетинский, «мифологизм XX века немыслим без юмора и иронии, неизбежно вытекающими уже из самого факта обращения современного писателя к древним мифам. ...ирония и карнавальность...выражают неограниченную свободу современного художника по отношению к традиционной системе символов, давно потерявшей свою обязательность...» [Мелетинский, 2000, с. 329].

Э. Берджесс обыгрывает миф о короле Артуре и его мече, совмещая далекое прошлое с событиями XX века, низводя произошедшую в достопамятные времена сакральную историю до обыденных происшествий. Это сочетание историй о мифическом мече с реальными событиями XX века не может не придать изображаемому иронического оттенка. Так, временный штаб организации «Сыны Артура» находился в «полусгнившей фермерской халупе, которую они снимали за смехотворную плату» [Берджесс, 2005, с. 336]. Выступающий на собрании «Сынов Артура» ирландец с шотландской фамилией Макмагон, долгое время скрывавшийся от правосудия, обозначает методы борьбы за независимость «необходимыми акциями»: таковыми должны быть «взрывы на почтамтах и вокзалах, убийства мелких правительственных чиновников», в результате чего правительство может признать движение валлийцев силой, «с которой приходится считаться, и пригласить за

стол переговоров» [Берджесс, 2005, с. 339]. «Начало борьбы за независимый Уэльс» ознаменовалось грабежом банка, при этом очевидно, что похищенные деньги пойдут не на заявленные цели. «А до нас деньги доходят в последнюю очередь. Мы не можем найти средства на небольшой тираж нашей брошюры», – жалуется один из «Сынов Артура» [там же, с. 344]. И, наконец, в пародийной, даже саркастической форме писатель изображает церемонию коронации принца Уэльса, где стихи на валлийском продублировала русская, хозяйка местного трактира, а принц в бутафорской короне «призвал к отказу от уплаты налогов и выступил с инициативой прекратить водоснабжение Глостера из кимрских водохранилищ» [Берджесс, 2005, с. 356].

В дальнейшем об этой церемонии рассказывается еще раз, с большим количеством комических деталей. Так, меч извлекли с большим трудом, и сделал это не коронованный Артур, а «пьяный валлиец, во всеуслышанье объявивший себя законным наследником легендарного короля» [там же, с. 434]. У Артуровых развалин появляются «щелкающие фотокамерами американские туристы», а рядом с ними – некто, выпрашивающий денег на борьбу за свободу, успевающий при этом сказать, что название их страны имеет валлийское происхождение.

Сцена вербовки работника министерства культуры, который должен выкрасть легендарный меч из Эрмитажа, куда он будто бы попал в конце войны, становится пародией и на шпионский фильм: «Шляпу, явно отечественного производства, он нахлобучил, как русские актеры, изображающие шпионов, по самые уши» [Берджесс, 2005, с. 402]. А эпизод кражи меча является не просто неправдоподобным, а фактически недостоверным, он выдуман писателем.

После дерзкой кражи меча из Эрмитажа его хранителем становится Реджинальд: оставшись один, он «с благоговением и некоторым страхом взял в руки Каледвелч» [там же, с. 416]. Если до этого момента знаменитый артефакт именовался просто «меч», то теперь он чаще называется валлийским именем. Редж обращался с ним, как с «дорогим существом, говорил с ним, как с любимым сиамским котом» [там же, с. 419]. В соединении таких разнородных, разноуровневых образов проступают уже не иронические, а гротескные черты.

Меч не становится объединяющим началом, скорее, он выглядит «яблоком раздора», провоцируя конфликты между людьми. На церемонии, где Каледвелч предполагалось выставить на всеобщее обозрение, выступает «древний старичок в мешковатом сером костюме» – старый профессор истории, его сменяет толстый человек в очках с набитым авторучками жилетным карманом – местный политик, «типичный вал-

лийский демагог», затем – человек в арабском бурнусе и темных очках, представитель Ближнего Востока. Каждый из них по-своему обозначает цель использования меча. Как пишет В.А. Шнирельман, «если историк стремится найти истину, то мифотворец манипулирует историческими данными для достижения совершенно иных целей, связанных с современной этнополитикой» [Шнирельман, 2000, с. 14]. Словно подтверждая мысль ученого, историк в романе Берджесса призывает «сохранить здоровый скептицизм» и изучать прошлое, потому что «каждый дошедший до нас фрагмент прошлого делает нас духовно богаче» [Берджесс, 2005, с. 445]. Местный политик объявляет «войну длинных ножей в темных переулках и бомбовую войну в общественных местах» [Берджесс, 2005, с. 448], преследуя политические цели. Мифологизированная история возникает в речи араба, считающего валлийцев «потерянным племенем исмаилитов, или катанитов», и призывает к борьбе за свободу Палестины. Споры доходят до открытых столкновений и даже терактов.

У публики показанный меч вызвал не восторг, а разочарование, так как не был похож на легендарный меч, а представлял собой «кусок зазубренного железа». «Прошлое всегда скромнее, чем оно нам представляется», – резюмирует Берджесс [там же, с. 451]. Надо научиться жить в сегодняшнем мире, а не мечтать о прошлом, и кусок металла, ржавеющего где-то, не должен стать причиной межнациональных конфликтов. «Мне нужно было сердцем, всем своим существом прикоснуться к романтическому прошлому, чтобы понять, что это всего лишь железо, ржавое железо», – говорит Реджинальд и отправляет меч в озеро, из которого, согласно легенде, меч когда-то появился [там же, с. 494].

В книге «О поэтах и поэзии» Ю.М. Лотман писал, что анализ произведения следует начинать и кончать разговором о заглавии [Лотман, 1996, с. 780]. Заглавие – это рамочный знак, одна из «сильных позиций текста», которая становится для читателя «первым шагом к интерпретации произведения» [Ламзина, 2001, стб. 849]. Название романа Э. Берджесса – «Железо, ржавое железо» – создает эффект обманутого ожидания: можно подумать, что речь идет о чем-то из области металловедения. Тем более, что на первых страницах говорится именно об этом. А может быть, речь идет о переработке утильсырья, потому что в качестве эпиграфа использован «крик араба-старьевщика на улицах Тель-Авива»: «Железо, тряпье, бумага» [Берджесс, 2005, с. 10].

Только после прочтения романа целиком, читателю станет понятен смысл его названия. «Заглавие, с которого чтение началось, оказывается рамочным знаком, требующим возвращения к себе» [Кухаренко, 1988, с. 92]. Э. Берджесс использует прием, напоминающий бриколаж,

– один из способов бильярдной игры, который означает, что шар отправляется к борту, чтобы, оттолкнувшись от него, вернуться и попасть в лузу. Вот этим возвратным движением – от финала романа к его началу – писатель направляет мысль читателя, связывая начало и конец и актуализируя авторскую формулировку заглавия.

Для литературы XX века миф приобрел особую притягательность, превратившись в «многозначную категорию, способную выражать, иллюстрировать, обозначать и символизировать чрезвычайно широкую палитру смыслов» [Можаева, 2002, с. 305]. Миф может изображаться и как целостный художественный образ, и как идеологическая система. В качестве ведущего элемента романа «Железо, ржавое железо» Э. Берджесс использует образ меча короля Артура, центрального элемента кельтского (валлийского) национального мифа, благодаря которому обеспечивается структурная и тематическая связность повествования. В рамках эстетики постмодернизма писатель обыгрывает мифологическую семантику образа, сочетая с ним реальные исторические и политические события XX века. Ирония, пародия, гротеск меняют восприятие мифа, десакрализуют его и приводят к разрушению.

Список литературы

Исследования

- Барт Р.* Мифологии. – Москва : Издательство имени Сабашниковых. 2000. – 314 с.
- Колодинская Е.В.* Историческое прошлое как предмет высказывания: современная англоязычная проза и постмодернистская историография : Г. Свифт, Дж. Барнс: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 24 с. – URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/istoricheskoe-proshloe-kak-predmet-vyskazyvaniya-sovremennaja-anglojazychnaja-proza-i.html> (дата обращения: 10.04.2025).
- Корж Т.Н., Дадашева А.Б.* Художественное воплощение сюжетов Артуровского цикла в англоязычной литературе XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 36–47.
- Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. – Москва : Просвещение, 1988. – 192 с.
- Ламзина А.В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / сост. Николюкин А.Н. – Москва : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 849.
- Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. – 848 с.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – Москва : Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.
- Можаева А.Б.* Миф в литературе XX века : структура и смыслы // Художественные ориентиры XX века. – Москва : ИМЛИ РАН, 2002. – С. 305–330.
- Мортон А.Л.* От Мэлори до Элиота. – Москва : Прогресс, 1970. – 255 с.
- Олдхаус-Грин М.* Кельтские мифы. От короля Артура и Дейдре до фейри и друидов. – Москва : МИФ, 2024. – 240 с.

Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2004. – 349 с.

Фаулз Д. Быть англичанином, а не британцем // Фаулз Д. Кротовые норы. – Москва : АСТ, 2004. – 702 с.

Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в английской литературе второй половины XX века: автореф. дис. ... док. филол. наук. – Самара, 2010. – 39 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004839719/ (дата обращения: 10.04.2025).

Хабибуллина Л.Ф., Саттарова Д.Т. Историко-политический контекст романа Т. Мэлори «Смерть Артура» // Филология и культура. 2013. – № 4 (34). – С. 230–233.

Хьюбнер К. Истина мифа. – Москва : Республика, 1996. – 448 с.

Шестакова Н.Ф. Историческая память Уэльса (конца XV – нач. XX вв.): основные этапы и механизмы конструирования: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Екатеринбург, 2018. – 17 с. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60315/1/urgu1838.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

Шницерльман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. – Москва : Гендальф. 2000. – С. 12–33.

Шницерльман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. – № 4. – URL: https://clck.yandex.ru/redirect/nWO_r1F33ck?data (дата обращения: 15.04.2025)

Шницерльман В.А. Единая Европа и соблазн кельтского мифа // Национализм в мировой истории. – Москва : Наука. – 2007. – С. 452–485.

Источники

Берджесс Э. Железо, ржавое железо / пер. с англ. А. Пинского и Е. Домбаян. – Москва : Иностранка, 2005. – 495 с.

Интервью Э. Берджесса Джону Каллинэну: «Исследуя закоулки сознания» // Иностранная литература. 2017. – № 2. – С. 217–250.

References

Bart, R. *Mifologii [Mythology]*. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovy'x Publ., 2000. 314 p. (In Russ.)

Kolodinskaya, E.V. *Istoricheskoe proshloe kak predmet vy'skazyvaniya: sovremennaya angloyazychnaya proza i postmodernistskaya istoriografiya*: G. Swift, Dzh. Barns: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Kolodinskaya E.V. *Historical Past as a Subject of Expression: Modern English-Language Prose and Postmodernist Historiography*: G. Swift, J. Barnes : *Abstr. of the dis. ... Cand. of Philol. Sciences*]. Moscow, 2004. 24 p. URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/istoricheskoe-proshloe-kak-predmet-vyskazyvaniya-sovremennaya-angloyazychnaya-proza-i.html> (date of access: 10.04.2025). (In Russ.)

Korzh, T.N., Dadasheva, A.B. Hudozhestvennoe voploshhenie syuzhetov Arturovskogo cikla v angloyazychnoj literature XIX veka [Artistic Presentation of Arthurian Cycle Legend in English Literature of the 19th Century]. In *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences]*. V. 7 (73), no. 2, 2021, pp. 36–47. (In Russ.)

- Kukharenko, V.A. *Interpretaciya teksta [Interpretation of the Text]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)
- Lamzina, A.V. Rama proizvedeniya [The Frame of the Work]. In *Literaturnaya eñciklopediya terminov i ponyatij. Sost. Nikol'yukin A.N. [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Comp. by Nikol'yukin A.N.]* Moscow : NPK "Intelvek" Publ., 2001. Stb. 849. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. *O poetax i poezii [On Poets and Poetry]*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1996. 848 p. (In Russ.)
- Meletinskij, E.M. *Poetika mifa [Poetics of Myth]*. Moscow, "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2000. 407 p. (In Russ.)
- Mozhaeva, A.B. Mif v literature XX veka: struktura i smysly [Myth in the Literature of the Twentieth Century: Structure and Meanings]. In *Khudozhestvenny'e orientiry` XX veka. [Artistic Landmarks of the Twentieth Century]*. Moscow, IWL RAN Publ., 2002, pp. 305–330. (In Russ.)
- Morton A.L. *Ot Melori do Eliota [From Mallory to Eliot]*. Moscow, Progress Publ., 1970. 255 p. (In Russ.)
- Oldhaus-Grin, M. *Kel'tskie mify. Ot korolya Artura i Dejrdre do fejri i druidov [Celtic Myths. From King Arthur and Deirdre to Faeries and Druids]*. Moscow, MIF Publ., 2024. 240 p. (In Russ.)
- Rolleston, T. *Mify, legendy i predaniya kel'tov [Myths, Legends and Legends of the Celts]*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf Publ., 2004. 349 p. (In Russ.)
- Faulz, D. By't' anglichaninom, a ne britancem [To Be an Englishman, Not a British]. In Faulz, D. *Krotovy'e nory` [Mole Holes]*. Moscow, AST Publ., 2004. 702 p. (In Russ.)
- Khabibullina, L.F. *Nacional'nyj mif v anglijskoj literature vtoroj poloviny` XX veka: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk. [National Myth in English Literature of the Second Half of the Twentieth Century: Abstr. of the dis. ... Doc. of Philol.]*. Samara, 2010. 39 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004839719/ (date of access: 10.04.2025) (In Russ.)
- Khabibullina, L.F. Sattarova, D.T. Istoriko-politicheskij kontekst romana T. Me'lori "Smert' Artura" [Historical and Political Context of T. Mallory's Novel "Le Morte d'Arthur"]. In *Philology and Culture*, no. 4 (34), 2013, pp. 230–233]. (In Russ.)
- Hyubner, K. *Istina mifa [The Truth of the Myth]*. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p.
- Shestakova, N.F. *Istoricheskaya pamyat' Uel'sa (kontsa XV – nach. XX vv.): osnovny'e etapny` i mexanizmy` konstruirovaniya: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. [Historical Memory of Wales (End XV – Early XX Centuries): Main Stages and Mechanisms of Construction: Abstr. of the dis. ... Cand. of Historical Sciences]*. Yekaterinburg, 2018. 17 p. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60315/1/urgu1838.pdf> (date of access: 10.04.2025). (In Russ.)
- Shnirel'man, V. Cennost' proshlogo: e'tnocentristskie istoricheskie mify, identichnost' i e'tnopolitika [The Value of the Past: Ethnocentrist Historical Myths, Identity and Ethnopolitics]. In *Real'nost' e'tnicheskix mifov [The Reality of Ethnic Myths]*. Moscow, Gandalf Publ. 2000, pp. 12–33]. (In Russ.)
- Shnirel'man, V.A. E'tnogenez i identichnost': nacionalisticheskie mifologii v sovremennoj Rossii [Ethnogenesis and Identity: Nationalist Mythologies in Modern Russia]. In *Ethnographic review*, no. 4, 2003. URL: https://clck.yandex.ru/redir/nWO_r1F33ck?dataШнирельман В. (date of access: 15.04.2025). (In Russ.)
- Shnirel'man, V.A. Edinaya Evropa i soblazn kel'tskogo mifa [United Europe and the Temptation of the Celtic Myth]. In *Nacionalizm v mirovoj istorii [Nationalism in World History]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 452–485]. (In Russ.)

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК

130.2+7.03

DOI: 10.31249/hoc/2026.01.14

*Горбани Х.**

СИЯХ И МОБАРАК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ОБРАЗОВ В ТРАДИЦИОННОМ ИРАНСКОМ ТЕАТРЕ®

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу двух персонажей традиционного иранского театра: *Сиях* – героя комедийного представления *сиях-бази* и *Мобарака* – центральной фигуры кукольного театра *хейме-шаб-бази*. Несмотря на различия в формах исполнения, оба персонажа объединены общей миссией: сатирической критикой социальных устоев, озвучиванием народного недовольства и воплощением маргинального взгляда. Через сравнение данных персонажей раскрываются традиции выражения различных настроений и социальных типажей в иранской театральной традиции.

Ключевые слова: Сиях-бази; Хеймэ-шаб-бази; Мобарак; Сиях; иранский народный театр; социальная сатира; шут; импровизация; карнавализация; М.М. Бахтин; фольклор

Поступила: 08.09.2025

Принята к печати: 28.11.2025

Для цитирования: Горбани Х. Сиях и Мобарак: сравнительный анализ двух образов в традиционном иранском театре // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 211–220. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.14

**Горбани Хамидреза – аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург, Россия; hampuppets@gmail.com*

Ghorbani Hamidreza – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Culture at the Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia; hampuppets@gmail.com

© Горбани Х., 2026

Ghorbani H.

Siah and Mobarak: a Comparative Analysis of Two Characters in Traditional Iranian Theater

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of two characters from traditional Iranian theater: *Siah* – the hero of the comedic performance *siah-bazi* – and *Mobarak* – the central figure of the puppet theater *kheimeh-shab-bazi*. Despite differences in performance formats, both characters share a common mission: the satirical critique of social norms, voicing public discontent, and representing a marginalized perspective. By comparing these characters, the article reveals traditions of expressing various sentiments and social archetypes within the Iranian theatrical tradition.

Keywords: Siah-bazi; Kheimeh-shab-bazi; Mobarak; Siyah; Iranian folk theater; social satire; jester; improvisation; carnivalization; M.M. Bakhtin; folklore

Received: 08.09.2025

Accepted: 28.11.2025

For quoting: Ghorbani H. Siah and Mobarak: a Comparative Analysis of Two Characters in Traditional Iranian Theater // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 211–220. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.14

Народный театр в Иране испокон веков играл роль не только развлекательного, но и социального института – пространства, где художественное выражение становилось способом общения между народом и властью. Такие формы традиционного иранского театра, как *Сиях-баз* (театр живого актера) и *Хеймэ-шаб-баз* (театр марионеток), были тесно связаны с устной культурной традицией, фольклором и повседневной речью и превращали сцену в площадку для выражения общественного мнения, критики и коллективной рефлексии. Эти представления обычно проходили в неофициальной обстановке и были доступны самой широкой публике, представляя своеобразное пространство для обсуждения общественных проблем, сатиры на власть и выражения народного юмора. Герои данных форм театра, такие как Сиях и Мобарак, выступавшие в роли слуг, опираясь на юмор, импровизацию и аллегории, стали символами народного голоса – совестью общества, которая не боится говорить правду.

Сиях – главный персонаж представления сиях-бази, воплощающий образ «чёрного раба» южного происхождения, чаще всего ассоциируемого с Хузестаном (область на юге Ирана) или прибрежными регионами Персидского залива. Это отсылает к историческим реалиям работорговли и присутствию африканских рабов в южных районах Ирана. Однако на сцене этническая специфика превращается в маску – стереотипный, театрально преувеличенный образ, построенный на внешней экспрессии и гротеске. Бахрам Бейзаи считает, что «образ персонажа «Сиях» (Черный) восходит к кочевым азиатским народам, особенно индийским цыганам, которые мигрировали в Иран до и после прихода ислама и расселились по всей стране. – Он полагает, – что такие фигуры, как *Хаджи Фируз* и *Аташ Афруз* – уличные артисты с выкрашенными в чёрный цвет лицами или в масках, танцующие, шутящие и развлекающие народ – являются подражателями тех самых цыганских традиций» [Бейзаи, 2000, с. 164].

Представления сиях-бази являлись составной формой театра *тахт-хози* или *рухози*, что «изначально обозначает групповые представления и короткие сценки, которые исполнялись на специальной деревянной платформе, устанавливаемой во время праздников над бассейнами во дворах домов. Такие бассейны, края которых возвышались над землей, представляли собой удобную основу для настила сцены. Этот жанр включал короткие выступления продолжительностью от пятнадцати до двадцати минут, обычно с участием одного-двух актёров, акробатические номера, чтение в поэтической форме (*«бахр-е тавиль»*), танцы, музыку и пародийное представление, которое фактически было главным номером. Эти постановки могли носить и серьёзный характер. Позднее пародии с участием темнокожего слуги и его господина или хаджи приобрели такую популярность, что за ними закрепилось название сиях-бази» [Немат Таавоси, 2015, с. 96].

Характеристика и положение Мобарака несколько сложнее, поскольку это кукла, точнее марионетка, а не живой актер. Кукле в данном случае позволялось многое, и, кроме того, кукла могла выполнять ряд трюков, которые были недоступны актеру. Мобарак одновременно выступает как слуга – участник повседневных отношений с хозяином, с другой стороны – он шут, находящийся в символическом диалоге с правителем. «Эти две роли открывают перед ним два разных пространства: внутреннее – пространство доверия, юмора и иронии между клоуном и правителем, и внешнее – пространство служения, подчинения и социальных ритуалов между слугой и господином» [Масуди, 2016, с. 190]. Именно эта двойствен-

ность позволяет Мобараку балансировать между двумя социальными мирами. Он одновременно принадлежит им обоим – и народу, и элите – и умеет говорить на языке каждого. Его клоунская маска дает ему свободу маневра: он может и развлекать, и критиковать: «Он – слуга, который в своей кажущейся глупости способен раскрыть тайны и слабости своего хозяина» [Масуди, 2016, с. 192]. Его мудрость замаскирована наивностью, и в этом – его сила: он критикует не прямо, а «между строк», не вызывая гнева, но оставляя повод для размышлений, «а также с помощью невежества и хитрости, чтобы донести до людей информацию о коварстве и порочности первого» [Кешаварзи, 2009, с. 14].

Рассматривая происхождение персонажей, отметим, что образ Сияха уходит корнями в глубины иранской народной культуры, оформившись в рамках уличного театра, обогатившись полупрофессиональными труппами в эпоху Каджаров. Причем в этот период растет популярность театрального искусства, ориентированного не на элиту, а на широкие слои населения – торговцев, ремесленников, сельских жителей и городскую бедноту.

Такие представления не стремились к изысканной эстетике придворного искусства. Публика тахт-хози ожидала не высокого искусства, а смеха, сатиры, пародий и элементов импровизации, благодаря которым происходящее на сцене отражало повседневную реальность зрителей. Их сила заключалась в живом, непосредственном контакте с аудиторией, в языке улиц и остроумном, пусть и простом, юморе. Как подчеркивает Азизи, такие представления обычно ставились «на праздниках, церемониях обрезания, свадьбах, а также во время национальных и религиозных торжеств. Эти спектакли отличались крайне простыми и примитивными формами. В целом, среди народа были более распространены комедийные или ритуальные представления, нежели театры идей. <...> комедии и развлекательные спектакли, как правило, служили для весёлого времяпрепровождения, вызывали смех, а также способствовали снятию социального напряжения и психологической разрядке зрителей» [Азизи, 2008, с. 191]. Именно в этом контексте рождается персонаж Сиях – не как исторически конкретная фигура, а как культурный архетип.

Происхождение образа Мобарака – результат культурного диалога и взаимодействия в регионе. Иранская кукольная традиция, включая хейме-шаб-бази, испытала влияние османского театра теней (например, *Карагёз*), а также среднеазиатских образов шута. Однако Мобарак – это не копия, а иранская интерпретация древнего образа

шута, адаптированная под местный язык, веру и социальную структуру, и в этом уникальность образа. По словам Лале Тегиан, ссылающейся на исследование Бахрама Бейзаи, история появления кукольного театра хейме-шаббазы в Иране восходит, согласно сохранившимся источникам и документам, как минимум к IV веку хиджры. Однако неясно, насколько тот древний театр был схож или отличался от современной его формы. Тот же автор, ссылаясь на Сабри *Иззата Сиявошгила*, известного под псевдонимом «*Карагёз*», указывает на возможное тюркестанское происхождение этого вида представлений, когда Тюркестан ещё был частью Ирана. Другие исследователи также подчёркивают, что хейме-шаббазы вошёл в круг культурных развлечений Ирана относительно поздно. До конца прошлого столетия иранцы в основном были знакомы лишь с китайским теневым театром и турецким Карагёзом. Хейме-шаббазы считается заимствованием из тюркестанского искусства, которое впоследствии было воспринято и адаптировано уличными артистами – лутти [Тагиан, 1991, с. 98].

Рассматривая внешние характеристики персонажей, отметим, что визуальный образ Сияха формируется через устойчивый набор символических элементов. Его лицо традиционно покрывается сажей или черным театральным гримом – это не только отсылка к его предполагаемым южным (афроиранским) корням, но и способ создать сценическую маску, подчеркивающую его отличие, маргинальность и гротескную сущность. Этот визуальный элемент усиливает ощущение преувеличения, делая героя карикатурным и в то же время выразительным.

Его костюм также несёт как комическую, так и символическую нагрузку. Сиях облачен в мешковатую, небрежную одежду, явно не соответствующую официальным нормам. На его голове – войлочная шапка, ассоциирующаяся в иранской культуре с простонародьем. А чрезмерно большие башмаки усиливают комический эффект при движении. Все эти элементы создают ощущение визуального дисбаланса, – словно герой намеренно нарушает порядок, чтобы показать его нелепость. Через абсурд он обнажает истину.

Мобарак – персонаж, чья узнаваемость также во многом строится на его ярком визуальном и звуковом образе. Он представлен как небольшая деревянная кукла с характерной внешностью: тело, как правило, окрашено в чёрный цвет, что несёт в себе символику, схожую с образом Сияха в театре живого плана. Этот цвет – не просто визуальный элемент, он намекает на инаковость, а также отражает

скрытую ироничную мудрость, присущую социально «низкому», но внутренне свободному герою.

В отличие от Сияха, реплики которого часто рождаются спонтанно и зависят от живого взаимодействия с публикой, Мобарак действует по заранее написанному сценарию. Это соответствует характеру хейме-шаб-бази как постановочного театра, где структура жёстче, чем в театре Сиях-бази. Однако благодаря преувеличенной интонации, активной мимике и выразительной пластике, даже заученные фразы звучат живо и ярко. Более того, именно эта театральная условность позволяет кукловоду прятать под видом детского спектакля сатирические выпады в адрес власти, чиновников и социальных устоев. Так, визуально-звуковой образ Мобарака – это многослойная конструкция, в которой сочетаются элементы фольклора, традиционной театральной техники и острая культурная рефлексия. Он умеет быть одновременно смешным и пронизательным, что и делает его по-настоящему значимым и устойчивым героем в иранском театральном сознании.

Несмотря на схожие функции – сатирическое разоблачение, обличение социальной несправедливости и народную мораль, – персонажи Сиях и Мобарак представляют собой разные театральные традиции. Хотя у этих двух персонажей много общего – от манеры речи до социальной сатиры и популярности у зрителей, – они заметно различаются по формату исполнения, аудитории и выразительным приёмам. Сиях, как живой актёр, использует непосредственный, уличный язык и взаимодействует со зрителями напрямую, что создаёт мощный эффект присутствия. В то же время Мобарак, герой кукольного театра, действует в более условном и даже детском пространстве. Голос куклы был необычным: человек, озвучивавший ее, держал во рту специальный свисток пишик и выдыхал воздух через него во время разговора. В результате голос куклы становился очень высоким. Часто этот высокий голос был неразборчивым и зрителям было трудно понять, что говорила кукла. Поэтому со временем стало традицией, что кукловод перед тем, как ответить кукле, повторял её слова с вопросительной интонацией. Это создало особую и интересную форму диалога. Что касается речи Сияха, то он говорит просто и прямо. Его язык насыщен просторечиями, окрашен южным акцентом и лишён официозности. Именно это делает его по-настоящему «народным» персонажем. Он говорит так, как говорят зрители – понятно, живо и эмоционально. При этом он мастер импровизации: его

реплики рождаются в ответ на реакцию публики и события, происходящие в обществе прямо сейчас.

Как отмечают Бахтияри и Ширвани, характерная черта Сияха – использование двусмысленностей, сексуального юмора и политической иронии [Махмуди-Бахтияри, Ширвани-Саадатабади, Халеги-Болболи, 2020, с. 345]. Эти элементы кажутся лёгкими и смешными, но на самом деле служат способом обхода цензуры. Они позволяют поднимать острые темы – от общественных табу до политической несправедливости – не напрямую, а с иронией и вуалью комизма. Даже грубые или на первый взгляд вульгарные шутки Сияха выполняют важную функцию – они снимают социальное напряжение, открывают запретные темы и дают выход коллективным чувствам.

Таким образом, внешние и речевые черты Сияха – это инструменты двойного кода. С одной стороны, он развлекает, с другой – говорит о вещах, которые обычно не обсуждаются. Сиях – это не просто персонаж в гриме, это мост между официальным и неофициальным, дозволенным и запретным, весёлым и трагичным.

Импровизационный стиль Сияха делает каждый его выход уникальным. Он не просто персонаж с четко заданными репликами, а «живая маска», которая адаптируется под аудиторию, контекст и настроение момента. Один и тот же актёр, играющий Сияха, может превратиться в весёлого клоуна, задумчивого философа, дерзкого обличителя или, наоборот, тонкого психолога и утешителя. Это делает Сияха не просто театральной ролью, а живым «перформансом», через который сцена говорит с реальностью, откликаясь на неё и вовлекая в разговор публику.

Что касается Мобарака, то он, будучи во многом схож с Сияхом, – персонаж с несколько иным темпом и ритмом речи. Эта кокетливая, обаятельная и всегда аккуратная марионетка говорит особым, мелодичным голосом. Интонации Мобарака легко узнаваемы и сами по себе вызывают улыбку, он – смешной персонаж, который умело балансирует между шуткой и критикой, особенно в театральных жанрах хейме-шаб-бази. Его язык – это не только способ общения, но и инструмент сатиры, через который он мягко, но метко обращается к зрителю. [Азимпур, 2010, с. 367].

В статье под названием «Подходящая модель обучения навыкам критического мышления в традиционных иранских кукольных представлениях» Исмаил Шафиаи и Наргес Язди в ходе сравнительного анализа оценивают таких персонажей, как султан, визирь, Сиях и особенно Мобарак, с точки зрения их образовательного и критического потенциала. Результаты их исследования показывают, что

«Мобарак, благодаря таким чертам, как импровизация, юмористический язык и культурная близость к аудитории, обладает уникальной способностью выступать в роли социального критика» [Шафии, Язди, 2014, с. 51]. Этот персонаж может передавать глубокие социальные, нравственные и критические идеи в увлекательной форме и создавать условия для обучения навыкам критического мышления.

Характеризуя Мобарака и Сияха необходимо коснуться их глубинных качеств как особых комичных персонажей. Одним из ключевых теоретиков, анализировавших природу комических фигур, является М.М. Бахтин. В своей теории «карнавализации» он утверждает, что «в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью. В этом специфическая природа карнавала, особый род его бытия. Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь. Праздничность – существенная особенность всех смеховых обрядово-зрелищных форм средневековья» [Бахтин, 1990, с. 13]. Если мы воспринимаем карнавалы как жизнь, то шутки и поведение этих персонажей так же можно рассматривать, как реакцию и общение людей. Такие персонажи, как шуты и безумцы, в традиционной литературе и театре, представляют собой «голос иного», оппозицию официальному дискурсу. Эти фигуры свободно преодолевают границы властных структур, церемониального этикета и социального порядка, вскрывая истину от лица низовых слоёв общества в пространстве карнавального смеха.

В этом контексте персонажи, такие как Сиях и Мобарак, могут быть интерпретированы как фигуры, действующие внутри карнавалы парадигмы: используя простую речь, ироничный тон и находясь в подчинённой социальной позиции, они выступают скрытыми критиками господствующего порядка, их можно описать как «культурных шутков». Это не просто комические герои, развлекающие публику. Это фигуры, несущие важную социальную нагрузку. Они, словно зеркало, отражают напряжённые отношения между властью и народом, обострённое чувство справедливости и моральные конфликты времени.

Особую важность в комических спектаклях с рассматриваемыми персонажами обретает горькая ирония – тонкий прием, позволяющий говорить о сложных и болезненных темах без прямого конфликта. И Сиях, и Мобарак – персонажи, облачающие серьезные истины в гротескную форму. Их критика не всегда очевидна, но именно в этом ее сила – в замаскированной иронией правде, направленной против лицемерия и произвола. Особенно в те периоды, когда свободное слово под-

вергалось ограничениям, именно такие фигуры становились голосом народа, выражая недовольство там, где другие молчали.

Персонажи Сиях и Мобарак представляют собой два архетипических образа в традиционном иранском театре – соответственно в жанрах тахт-хози и хейме-шаб-бази. Несмотря на различие театральных форм и выразительных средств, оба героя выполняют сходную культурную функцию: они являются медиаторами между народом и властью, озвучивая общественное недовольство через юмор, сатиру и аллегорию. Их маргинальный статус – «шута», «раба», «слуги» – становится условием культурного освобождения. Эти фигуры сохраняют актуальность и сегодня, поскольку через них театр становится ареной не только развлечения, но и социального размышления. Так, образы Мобарака и Сияха фигурируют в современной культуре Ирана в рамках театральных фестивалей, на различных фольклорных мероприятиях, на детских игровых площадках, в кино и анимации, а также в некоторых других сферах. Творческая адаптация этих персонажей открывает новые горизонты для культурной преемственности и сохранения традиционных культурных кодов.

Список литературы

- Азизи М. Тахт-хози: театр рухози и его трансформация // Театр, искусство и архитектура. 2008. – № 42–43. – С. 190–200.
- عزيزی، م. تخت‌حوضی: تئاتر روح‌حوضی و تحول‌پذیری آن // نشریه تئاتر، دوره هنر و معماری. ۱۳۸۷. ۴۲–۴۳. ص. ۱۹۰–۲۰۰.
- Азимтур П. Кукольная культура и традиционные ритуальные кукольные представления Ирана. – Тегеран : Namayesh, 2010. – 690 с.
- عظیم‌پور، پ. فرهنگ عروسک‌ها و نمایش‌های عروسکی آیینی سنتی ایران. – تهران: انتشارات نمایش، ۱۳۸۹. ص ۶۹۰.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Бейзай Б. Пьеса в Иране. Т. 2. – Тегеран : Рошангар и исследования женщин, 2000. – 224 с.
- بیضائی، ب. نمایش در ایران. جلد دوم. – تهران: انتشارات روشنگران و مطالعات زنان، ۱۳۷۹. ص ۲۲۴.
- Бейзай Б. Хейме-шаббази в Иране // Араш. 1962. – № 3. – С. 34–35.
- بیضائی، ب. خیمه‌شب‌بازی در ایران // آرش. ۱۳۴۱. № ۲. ص. ۲۵–۳۴.
- Кешаварзи А. Как сделать театральных кукол? – 2-е изд. – Тегеран : Седа ва Сима, 2009. – 272 с.
- کشاورزی، ا. چگونه عروسک‌های تئاتری بسازیم؟ چاپ دوم. – تهران: صدا و سیما، ۱۳۸۹. ص ۲۷۲.
- Масуди Ш. Карнаме-е Талхакан. – Тегеран : Ней, 2016. – 404 с.
- مسعودی، ش. کارنامه تلخکان. – تهران: انتشارات نی، ۱۳۹۵. ص ۴۰۴.
- Махмуди-Бахтияри Б., Ширвани-Саадатабади З., Халеги-Болболи А. Алмаз муанас: постфеминистский подход к роли женщин в образе Сияха после Исламской революции // Женщина в культуре и искусстве. 2020. – Т. 12, № 2. – С. 323–348.

- محمودی بختیاری، ب. شیروانی سعادت‌آبادی، ز.، خالقی بلیلی، ا. الماس مؤنث: رویکردی پسافمینیستی به تجلی زنان در نقش سیاه بعد از انقلاب اسلامی // زن در فرهنگ و هنر. - ۱۳۹۹. - دوره ۱۲، № ۲. - ص. ۳۲۳-۳۴۸.
- Немат Таавоси М. Рихтар намоеши Сиях-базі // Научно-исследовательский театральный журнал. - Тегеран, 2015. - № 62. - С. 93-108.
- نعمت‌طاوسی، م. ریختار نمایشی سیاه‌بازی // فصلنامه علمی-پژوهشی تئاتر. - تهران، ۱۳۹۴. - № ۶۲. - ص. ۹۳-۱۰۸.
- Тагян Л. Хейме-шаббазі - неповторимый театр // Театр. 1991. - № 14. - С. 95-116.
- تقیان، ل. خیمه‌شب‌بازی، نمایش بی‌همتا // نشریه تئاتر. - ۱۳۷۰. - № ۱۴. - ص. ۹۵-۱۱۶.
- Шафиш Э., Язди Н. Подход к обучению критическому мышлению в традиционных иранских кукольных театрах (на примере Хейме-шаббазі) // Искусства - Театр и музыка. 2014. - № 16. - С. 41-52.
- شفیعی، ا. یزدی، ن. الگوی مناسب آموزش مهارت‌های تفکر نقادانه در نمایش‌های سنتی عروسکی ایرانی (با تکیه بر خیمه‌شب‌بازی) // فصلنامه هنرهای زیبا - هنرهای نمایشی و موسیقی. - ۱۳۹۳. - № ۱۶. - ص. ۴۱-۵۲.

References

- Azizi, M. Taht-hozzi: teatr ruhozi i ego transformaciya [Takht-Hozi: The Roohozi Theater and Its Transformation]. In *Teatr, iskusstvo i arhitektura*, no. 42-43, 2008, pp. 190-200. (In Pers.)
- Azimpur, P. *Kukol'naya kul'tura i tradicionnye ritual'nye kukol'nye predstavljeniya Irana* [The Culture of Dolls and Traditional Ritual Puppet Performances in Iran]. Tegeran, Namayesh Publ., 2010. 690 p. (In Pers.)
- Bahtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renaissance* [The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2-e izd. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
- Bejzai, B. *P'esa v Irane* [Theater in Iran]. T. 2. Tegeran, Roshangar i issledovaniya zhenshchin Publ., 2000. 224 p. (In Pers.)
- Bejzai, B. *Hejme-shabbazi v Irane* [Kheimh-Shab-Bazi in Iran]. In *Arash*, no. 3, 1962, pp. 25-34. (In Pers.)
- Keshavarzi, A. *Kak sdelat' teatral'nyh kukol?* [How to Make Theatrical Puppets?]. 2-e izd. Tegeran, Seda va Sima Publ., 2009. 272 p. (In Pers.)
- Masudi, S.H. *Karname-e Talhakan* [The Record of the Talhakes]. Tegeran, Nej Publ., 2016. 404 p. (In Pers.)
- Mahmudi-Bahtiyari, B., SHirvani-Saadatabadi, Z., Halegi-Bolboli, A. Almaz muanas: postfeministskij podhod k roli zhenshchin v obraze Siyaha posle Islamskoj revolyucii [The Feminine Almas (Diamond): A Postfeminist Approach to the Representation of Women in the Role of Siyah after the Islamic Revolution]. In *ZHenshchina v kul'ture i iskusstve*. V. 12, no. 2, 2020, pp. 323-348. (In Pers.)
- Nemat Taavosi, M. Rihtar namoesi Siyah-bazi [The Dramatic Structure of Siyah-Bazi]. In *Nauchno-issledovatel'skij teatral'nyj zhurnal*. Tegeran, no. 62, 2015, pp. 93-108.
- Tagian, L. *Hejme-shabbazi - nepovtorimyj teatr* [Kheimh-Shab-Bazi, the Unique Performance]. In *Teatr*, no. 14, 1991, pp. 95-116. (In Pers.)
- SHafii, E., Yazdi, N. Podhod k obucheniyu kriticheskomu myshleniyu v tradicionnyh iranskih kukol'nyh teatrah (na primere Hejme-shabbazi) [A Suitable Model for Teaching Critical Thinking Skills in Traditional Iranian Puppet Shows (Focusing on Kheimh-Shab-Bazi)]. In *Iskusstva - Teatr i muzyka*, no. 16. 2014, pp. 41-52. (In Pers.)

*Ли Гуан**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВОБОДА» В
СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ[©]**

Аннотация. В статье исследуется эволюция концепта «свобода» в китайской популярной музыке (С-пор) как репрезентативного феномена массовой культуры в период реформ и открытости. На основе анализа текстов ключевых песен выявляется траектория трансформации данного концепта: от подчинения коллективному долгу к утверждению личностного самоопределения и последующему синтезу с традиционными ценностями. Исследование демонстрирует, что популярная музыка выступает не пассивным зеркалом, а активным аксиологическим катализатором, участвуя в формировании новых ценностных парадигм и «приручении» глобальных идей для локального контекста. Таким образом, эволюция концепта «свобода» в китайском музыкальном дискурсе служит микромоделью макропроцессов социокультурной трансформации современного Китая.

Ключевые слова: массовая культура; китайская популярная музыка; концепт «свобода»; лингвокультурологический анализ; духовные ценности; трансформация ценностей; тексты песен

Поступила: 10.09.2025

Принята к печати: 24.11.2025

Для цитирования: Ли Гуан. Трансформация концепта «свобода» в современной китайской популярной музыке: эволюция в контексте

**Ли Гуан – аспирант Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия; guali@sfedu.ru*

Li Guang – Postgraduate Student at the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; guali@sfedu.ru

© Ли Гуан, 2026

массовой культуры // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 221–239. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.15

Li Guang

Transformation of the Concept “Freedom” in Contemporary Chinese Popular Music: Evolution in the Context of Mass Culture

Abstract. This article examines the evolution of the concept of "freedom" in Chinese popular music (C-pop) as a representative phenomenon of mass culture during the period of Reform and Opening-up. Through the analysis of key song lyrics, it traces the trajectory of this concept's transformation – from subordination to collective duty, through the assertion of personal self-determination, to a subsequent synthesis with traditional values. The study demonstrates that popular music acts not as a passive mirror but as an active axiological catalyst, participating in the formation of new value paradigms and the "domestication" of global ideas for the local context. Consequently, the evolution of the musical discourse of freedom serves as a micro-model of the macro-processes of sociocultural transformation in contemporary China.

Keywords: mass culture; Chinese popular music; concept of freedom; linguocultural analysis; spiritual values; value transformation; song lyrics

Received: 10.09.2025

Accepted: 24.11.2025

For quoting: Li Guang Transformation of the Concept “Freedom” in Contemporary Chinese Popular Music: Evolution in the Context of Mass Culture // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 221–239. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.15

Введение

Феномен массовой культуры в современном Китае, сформировавшийся в период реформ и открытости (с 1978 г.), представляет собой сложный синтез глобализационных влияний, рыночных механизмов и национальных традиций. В рамках этого феномена популярная музыка (С-пор) выступает одним из наиболее репрезентативных и динамичных медиумов, отражающих трансформацию духовных ценностей китайского общества. Хотя концепт «свобода» (自由, zìyóu) исторически занимал периферийное положение в системе тра-

диционных китайских ценностей, сформулированный Чэнь Инькэ в 1929 году принцип «независимый дух и свободная мысль» (独立之精神, 自由之思想) [цит. по: Ху Вэньхуэй 2021, с. 1] свидетельствует о его ключевом значении для китайской интеллектуальной элиты в эпоху модернизации. Данное исследование фокусируется на трансляции и трансформации этой идеи в пространстве массовой культуры. Мы проследим эволюцию концепта «свобода» в текстах китайских поп- и рок-песен, начиная с конца 1970-х годов, выявив тем самым влияние массовой культуры на аксиологические основания общества. Вслед за Гореловой И.Н., определяющей массовую культуру как создаваемую профессионалами и рассчитанную на «усредненного» человека [Горелова, 2018, с. 37], мы определяем ее как светскую потребительскую культуру, производимую индустриальным способом для широкой публики и функционирующую по законам рынка. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания того, как глобальные культурные паттерны, воплощенные в музыкальных жанрах, взаимодействуют с локальными ценностными системами.

Цель данного исследования – ответить на ключевой вопрос: как именно трансформировались понимание и репрезентация «свободы» в китайской популярной музыке под влиянием процессов модернизации и глобализации? Поиск ответа обусловил логику исследования: от исторической характеристики основных вех китайской поп-музыки – через анализ семантики концепта в традиционном дискурсе и системе современных ценностей – к финальному выявлению нарративных и ценностных сдвигов на примере конкретных песен. Такой подход позволяет не просто констатировать изменения, но и вписать их в широкий контекст переосмысления духовных ценностей в современном Китае.

Методология включает лингвокультурологический и семиотический анализ текстов песен, а также сравнительно-исторический подход. Исследование построено на анализе текстов ключевых песен, маркирующих поворотные моменты в развитии китайской музыки. Для удобства сопоставления оригинальные тексты, их перевод и краткий анализ сведены в таблицы. Переводы были верифицированы и уточнены для адекватной передачи культурного контекста и образности. Также использован дискурс-анализ для выявления связи музыкальных текстов с более широкими социокультурными процессами.

Исторический контекст: поп-музыка в Китае

Современная китайская популярная музыка (С-рор) оформилась как массовый феномен в период реформ и открытости, унаследовав традиции шанхайской школы 1920–1940-х годов и испытав мощное влияние из Сянгана (Гонконга), Тайваня, Запада, чему способствовало развитие звукозаписывающей индустрии и популярность караоке. 1980-е годы стали временем жанрового разнообразия и экспериментов, ознаменовались приходом западного рока и появлением первых местных рок-звезд, таких как Цуй Цзянь¹, «Черная пантера»², «Династия Тан»³ и «Кобра»⁴. 1990-е и 2000-е – это период коммерциализации, формирования национального музыкального рынка и появления жанра «китайский стиль» (中国风, Chinoiserie), синтезирующего традиционные мелодии с современной аранжировкой.

Концепт «свобода» в китайской традиции и его современная трансформация

Прежде чем обратиться к музыкальным текстам, необходимо обозначить семантическое поле концепта «свобода». В традиционном конфуцианском дискурсе индивидуальная свобода была подчинена идее гармоничных отношений в семье и обществе («государство – семья – личность»). Индивид мыслился не как автономная единица, личная реализация достигалась через следование ключевым концептам ритуала (礼, «Ли»⁵), долга (义, «И»⁶) и гармонии (和, «Хэ»¹).

¹Цуй Цзянь (崔健, р. 1961) – культовая фигура в китайской музыке, поэт и трубаач, признанный «отцом китайского рока». Его дебютная композиция «Ни с чем» (一无所有, 1986) с ее мощным протестным пафосом и экзистенциальной тоской стала гимном поколения 1980-х и точкой отсчета для всего рок-движения в Китае. Альбом «Рок-н-ролл на Новом Великом походе» (1989) закрепил его статус голоса интеллектуальной оппозиции.

²«Черная пантера» (黑豹) – одна из первых и наиболее влиятельных китайских хард-рок групп, основана в 1987 году.

³«Династия Тан» (唐朝乐队) – пионеры хэви-метала, известные масштабными композициями с элементами китайской классической поэзии и историческими аллюзиями, что сформировало уникальный эстетический синтез.

⁴«Кобра» (眼镜蛇乐队) – первая женская рок-группа, чье появление символизировало растущую социальную активность женщин и расширение границ гендерного самовыражения в китайской культуре.

⁵礼 lǐ «Ли» (ритуал, этикет) – культурность: нормы идеального поведения.

⁶义 yì «И» (справедливость) – моральный долг.

В XX веке, особенно после образования КНР, доминирующим стал дискурс коллективной свободы – освобождения нации и класса. Однако с началом политики реформ и открытости (1978 г.) постепенно интегрируется и концепт личной свободы в официальный дискурс, что находит отражение в системе социалистических основных ценностей, где «свобода» (自由) занимает место на общественном уровне, будучи инкорпорированной наряду с такими принципами, как патриотизм, справедливость и законность².

Данная институционализация концепта отражает формирование более широкого ценностного консенсуса, который, как отмечается в официальных выступлениях, складывается через органичный синтез национального духа (патриотизм), духа эпохи (реформы и новаторство) и фундаментальных социалистических ценностей [приводится по: Си Цзиньпин, 2013, 2014]³.

Именно в этот период на фоне масштабной идеологической трансформации данное включение легитимировало саму тему свободы в публичном пространстве, задав для нее определенные рамки.

Однако, как показывает наш анализ, живой процесс осмысления свободы вышел далеко за эти официальные установки. Параллельно с институционализацией в идеологии популярная музыка стала главным полем для экспериментов. Именно в пространстве массовой культуры понятие «свобода» стало наполняться сугубо личностным, эмоциональным и подчас протестным содержанием, пройдя эволюцию от подчинения долгу к экзистенциальному самоопределению.

Таким образом, динамика концепта «свобода» в современном Китае представляет собой двусторонний процесс: «сверху» – через интеграцию в официальный ценностный консенсус, и «снизу» –

¹和 hé «Хэ» (мир) – гармония: статус общества.

²В современном Китае мы можем определить 12 понятий базовых духовных ценностей, которые известны как 24 иероглифа (официально называют основные ценности социализма, которые основаны в 2012 г.) на трех уровнях – государственном, общественном и гражданском:

富强 – процветание страны, мощь страны (букв. 'богатство и могущество'), 民主 – демократия (букв. 'народ – хозяин'), 文明 – просвещение (цивилизованность), 和谐 – гармония;

自由 – свобода, 平等 – равенство, 公正 – справедливость, 法治 – законность;

爱国 – патриотизм, 敬业 – преданность работе, 诚信 – добросовестность, 友善 – дружелюбие.

³Си Цзиньпин отмечает отношение национального духа и основных ценностей социализма в ряде выступлений 2013 и 2014.

через персональное, подчас бунтарское освоение в массовой культуре. Популярная музыка в этом контексте выступает не антагонистом официальной идеологии, а скорее лабораторией по производству смыслов, где абстрактная ценность обретает плоть и кровь личного опыта, постоянно взаимодействуя и обогащая «органичный синтез», характеризующий современную китайскую идентичность.

Эволюция концепта «свобода» в зеркале популярных песен

Анализ ключевых музыкальных текстов разных эпох позволяет выявить четкую траекторию трансформации концепта «свобода». Их ранняя популяризация определяется переходом от коллективизма к индивидуальным чувствам.

Песня «Любовь в родном городе» (乡恋, 1979, табл. 1) служит ярким примером ценностного конфликта, характерного для культурного перехода того периода. Лингвокультурологический анализ текста выявляет противостояние между традиционными конфуцианскими концепциями – такими как «жэнь» (человеколюбие) и «хэ» (гармония), – и социалистическими ценностями модернизации, в частности долгом и социальной справедливостью. Семиотическая структура произведения демонстрирует явный приоритет темы социальной ответственности над индивидуальными переживаниями. Это проявляется в том, как лирический субъект последовательно субстантивирует понятие долга через лексические повторы, актуализирует императив коллективного блага (где «завтрашний день» метафорически означает социальный прогресс) и релятивизирует романтические чувства, маркируя их как вторичные с помощью композиционных контрастов.

«Любовь в родном городе»

Оригинальный текст («Любовь в родном городе» (乡愁) [Ли Гуи ¹ , 1979])	Литературный перевод	Аналитический комментарий
你的声音 你的歌声 永远印在 我心中 昨天虽已消逝 分别难相逢 怎能忘记 你的一片深情 我的情爱 我的美梦 永远留在 你的怀中 明天就要来临 却难得和你相逢 只有风儿 送去我的深情	Твой голос, Твое пение Навсегда отпечатались В моем сердце, Хоть вчерашний день и канул в Лету. В разлуке нам трудно встретиться. Как же могу я забыть твою нежную привязанность? Моя любовь, Моя прекрасная мечта – Остаться навсегда В твоих объятиях. Грядет завтрашний день, но тебя мне не встретить. Только ветер, Передай мою привязанность	Несмотря на лиризм, песня художественно воплощает подчинение личного чувства коллективному долгу. Ключевым маркером служит противопоставление: лирический герой тоскует о «вчера» (личное счастье), но его внимание и ответственность обращены к «завтра» (будущий социальный прогресс). Личное здесь – это «привязанность» (深情), которую можно лишь тайно «передать с ветром», тогда как публичное – «грядущий день» – неумолимо и безапелляционно. Таким образом, любовь легитимизируется не сама по себе, а лишь как память, уступающая место социальным обязательствам.

Рок-прорыв: свобода как протест и экзистенциальный вызов

В 1980-е годы зарождается под влиянием мировых тенденций китайский рок, его первый пик популярности пришёлся на 1986–1995-е годы. Наиболее известны песни «Ни с чем» (一无所有, 1986) (рок) и «Познать не дано» (无地自容, 1991) (тяжелый рок). Первая

¹Ли Гуи (李谷一, р. 1944) – выдающаяся китайская эстрадная певица, народная артистка КНР. Сыграла ключевую роль в становлении современной китайской поп-музыки в период реформ и открытости. Её исполнение песни «Любовь в родном городе» (乡愁, 1979), в котором лирический, камерный вокал пришёл на смену героико-патетической манере «революционного бельканто», было воспринято как культурный манифест нового времени и символ раскрепощения в искусстве.

песня становится манифестом поколения, ищущего новые ориентиры. Вторая песня отражает разочарование и отчуждение в условиях формирующегося рыночного общества (см. табл. 2)

Таблица 2

«Ни с чем» и «Познать не дано»

Оригинальный текст («Ни с чем» (一无所有) [Цуй Цзянь, 1986])	Литературный перевод	Аналитиче- ский комментарий
我曾经问个不休 你何时跟我走 可你却总是笑我 一无所有 我要给你我的追求 还有我的自由 可你却总是笑我 一无所有 噢..... 你这就跟我走 噢..... 你何时跟我走 脚下的地在走 身边的水在流 可你却总是笑我 一无所有 为何你总笑个没够 为何我总要求 难道在你面前 我永远是一无所有 噢..... 你这就跟我走 噢..... 你何时跟我走 告诉你我等了很久 告诉你我最后的要求 我要抓起你的双手 你这就跟我走 这时你的手在颤抖 这时你的泪在流 莫非你是在告诉我 你爱我一无所有 噢..... 你这就跟我走 噢..... 你何时跟我走 告诉你我等了很久 告诉你我最后的要求 我要抓起你的双手	[Куплет 1] Я спрашивал вновь и вновь: "Когда пойдёшь со мной?" Но ты смеёшься: "У тебя ничего нет." Я хочу отдать тебе "мои стремления, и еще мою свободу." Но вновь смеёшься: "Нет у тебя ничего." [Припев] Ох... Ну же, идём со мной! Ох... Когда ж пойдёшь со мной? [Куплет 2] Земля плывёт под ногами, река течёт рядом, А ты смеёшься: "Нет у тебя ничего." "Зачем твой смех? Зачем мне гнаться вновь?" "Неужели я навек для тебя – ничто?" [Припев] Ох... Ну же, идём со мной! Ох... Когда ж пойдёшь со мной? [Бридж] "Я ждал так долго, вот мой последний зов." Возьму твои руки: "Пошли, ведь мы готовы!" Твои дрожат руки, слёзы текут из глаз. "Неужели любишь, хоть я – ни с чем сейчас?" [Финальный припев] Ох... Ну же, идём со мной! Ох... Когда ж пойдёшь со мной?	Свобода впервые определяется как личное достоинство, которое можно «отдать». Это акт самоопределения, пусть и в образе любовника неудачника. Свобода осознанно провозглашается как высшая ценность, которую лирический герой, даже будучи «ни с чем», готов отдать возлюбленной. Это свобода-бунт, свобода-дар.

你就跟我走 这时你的手在颤抖 这时你的泪在流 莫非你是正在告诉我 你爱我一无所有 噢..... 你就跟我走 噢..... 你何时跟我走		
Оригинальный текст («Познать не дано» (无地自容) [Черная пантера, 1991])	Литературный перевод	Аналитиче- ский коммен- тарий
[Verse 1] 人潮人海中有你有我 相遇相识相互琢磨 人潮人海中是你是我 装作正派面带笑容 不必过份多说自己清楚 你我到底想要做些什么 不必在乎许多更不必难过 终究有一天你会明白我 [Verse 2] и [Verse 3] 人潮人海中又看到你 一样迷人一样美丽 慢慢的放慢慢慢的抛弃 同样仍是并不在意 不必过份多说自己清楚 你我到底想要做些什么 不必在乎许多更不必难过 终究有一天你会离开我 [Verse 4] 不再相信相信什么道理 人们已是如此冷漠 不再回忆回忆什么过去 现在不是从前的我 曾感到过寂寞也曾被别人冷落 却从未有感觉我无地自容	[Verse 1] Вот людей поток, вот мы с тобой Встретились и вновь разошлись. Вот людей <i>поток, как волны, при-</i> <i>бой.</i> Сделай маску и улыбнись, Хватит разговоров, всё ясно и так. Что же нужно сделать мне для тебя? Хватит размышлений, довольно играть. Будет день, и ты узнаешь меня. [Verse 2] и [Verse 3] Вот людей поток, увидел тебя. Ты чаруешь и лишаешь ума. Медленно отвлёк в сторонку глаза, Ведь ты не замечал меня. Хватит разговоров, всё ясно и так. Что же нужно сделать мне для тебя? Хватит размышлений, довольно играть. Ты однажды вновь <i>покинешь меня.</i> [Verse 4] Не верю больше ни в какие истины, люди стали так холодны. Род людской вовек обречён. Нет сомнений, нет и сожалений. Я уже совсем другой, Однажды познав одиночества зло. Но я никогда не чувствовал, что чувство стыда «познать не да- но».	В песне выра- жено экзистен- циальное отча- яние поколе- ния эпохи ран- ней меняю- щейся рыноч- ной экономи- ки. Свобода оборачивается одиночеством и разочарова- нием в обще- ственных ин- ститутах («сделай маску и улыбнись»). Герой заявляет о своей внут- ренней свободе даже от отри- цания и стыда, который ему «познать не дано», демон- стрируя экзи- стенциальный бунт.

Неоклассицизм, «китайский стиль» и фолк-рок: музыкальные характеристики и эволюция концепта «свобода»

На рубеже XX–XXI вв. в китайской популярной музыке оформились направления, для которых характерен органичный синтез традиционных элементов с современными аранжировками. Это выражается в сплаве народных мелодий с классической гармонией и активном использовании тембрового колорита традиционных инструментов, таких как гуцзинь, пипа и эрху.

Данное направление, известное как «китайский стиль», представлено такими композициями, как «Просто прогуляться» (1991, часть 1 в табл. 3) и «Жизнь – это больше, чем сиюминутные тяготы» (2016, часть 3 в табл. 3). В этих песнях эстетика неоклассицизма служит основой для философского осмысления свободы. В «Просто прогуляться» свобода приобретает гедонистический оттенок, воплощаясь в идее сиюминутного наслаждения и ухода от обязательств. Напротив, в «Жизни – это больше, чем сиюминутные тяготы» концепт свободы трансформируется: он интегрируется с идеей преемственности поколений и духовного поиска, обретая смысл не в отрицании, а в принятии ответственности.

Параллельно развивался жанр китайского фолк-рока, прошедший процесс активной «китаизации» и дивергенцию на сельскую (country folk) и городскую (city folk) версии. Песня Сюй Вэя «Свободен как ветер» (2006, часть 2 в табл. 3) является репрезентативным образцом последней. Ее музыкальная специфика заключается в сочетании гитарной аранжировки рок-баллады с мелизматикой, характерной для китайского фольклора. В этой композиции свобода достигает максимальной индивидуализации, представляясь как абсолютное, почти трансцендентное состояние, уподобленное стихии ветра, существующее вне социальных связей.

«Просто прогуляться», «Свободен как ветер» и
«Жизнь – это больше, чем сиюминутные тяготы»

Оригинальный текст	Литературный перевод	Анализ
«Просто прогуляться» (潇洒走一回) [Е Цяньвэнь, 1991]		
[Verse 1] и [Verse 2] 天地悠悠过客匆匆潮起又潮落 恩怨恩怨生死白头几人能看透 红尘啊滚滚痴痴啊情深 聚散终有时 留一半清醒留一半醉 至少梦里有你追随 我拿青春赌明天 你用真情换此生 岁月不知人间多少的忧伤 何不潇洒走一回 [Verse 3] 红尘啊滚滚痴痴啊情深 聚散终有时 留一半清醒留一半醉 至少梦里有你追随 我拿青春赌明天 你用真情换此生 [Verse 4] и [Verse 5] 岁月不知人间多少的忧伤 何不潇洒走一回	[Verse 1] и [Verse 2] Мир долог, и прохожие в спешке снуют вверх-вниз. Обиды, обиды на жизнь и смерть – лишь немногие люди могут видеть их насквозь. Клубится красная пыль, любовь глу- бока. Иногда собираясь и рассеиваясь. Оставайся наполовину бодрым, напо- ловину пьяным. По крайней мере, ты следуешь своим мечтам. Я ставлю юность на завтрашний день. Ты обмениваешь свои истинные чув- ства на эту жизнь. Я не знаю, сколько печали накопилось в мире за эти годы. Почему бы тебе просто не прогулять- ся? [Verse 3] Клубится красная пыль, любовь глу- бока. Иногда собираясь и рассеиваясь. Оставайся наполовину бодрым, напо- ловину пьяным. По крайней мере, ты следуешь своим мечтам. Я ставлю юность на завтрашний день. Ты обмениваешь свои истинные чув- ства на эту жизнь. [Verse 4] и [Verse 5] Я не знаю, сколько печали накопилось в мире за эти годы. Почему бы тебе просто не прогулять- ся?	В неоклассической эстетике «свобода» трактуется как гедонистическая, почти даосская «растворенность» в мире. Свобо- да здесь – это «взять от жизни всё», «по- ставить юность на завтрашний день» – сводится к гедонисти- ческому потреблению момента, уходу от глубоких обяза- тельств. Это не бунт, а индивидуалистиче- ский уход от «мир- ской пыли», призыв прожить жизнь ярко и осознанно.

«Свободен как ветер» (像风一样自由) [Сюй Вэй ¹ , 2006]		
我像风一样自由 就像你的温柔无法挽留 你推开我伸出的双手 你走吧最好别回头 无尽的漂流自由的渴求 所有沧桑独自承受 我给你温柔你拒绝接受 我给你双手真实的感受 我给你自由记忆的长久 我给你所有但不能停留 我像风一样自由	Я свободен, как ветер. Как будто твоя нежность не может сдержать. Ты отталкиваешь мои протянутые руки. Лучше не оглядываться. Бесконечное стремление к свободе. Вынеси все превратности в одиночку. Я даю тебе кротость, ты отказываешься принимать. Передаю тебе истинные ощущения ваших рук. Даю тебе долгую память о свободе. Я отдаю тебе все, но не могу остаться. Я свободен, как ветер.	В фолк-роке свобода абсолютизируется и метафорически уподобляется стихии. Это состояние души, не связанное ни с какими внешними атрибутами. Свобода романтизируется, но герой принимает одиночество как плату за эту абсолютную внутреннюю свободу. Это состояние «вне» социальных связей и обязательств – индивидуалистический идеал, лишенный социального контекста.
«Жизнь – это больше, чем сиюминутные тяготы» (生活不止眼前的苟且) [Сюй Вэй, 2016]		
[Verse 1] 妈妈坐在门前 哼着花儿与少年 虽已时隔多年 记得她泪水涟涟 那些幽暗的时光 那些坚持与慌张 在临别的门前 妈妈望着我说 生活不止眼前的苟且	[Verse 1] Мама сидит перед дверью, Напевая про цветы и молодежь. Хотя прошло много лет, Я помню ее слезы. Те мрачные времена, Эти настойчивость и паника Перед разделительной дверью. Мама посмотрела на меня и сказала: «Жизнь – это больше, чем сиюминутные тяготы».	Философский синтез. Ключевая метафора «моря» как духовного идеала. Свобода – это не уход, а «поиск своего моря» (идеала, мечты), этот поиск не разрушителен, а пре-емственен – и передается от матери к сыну. Свобода – это стрем-

¹Сюй Вэй (род. 1969) – ключевая фигура в китайском фолк-роке, оказал огромное влияние на несколько поколений слушателей.

还有诗和远方的田野 你赤手空拳来到人世间 为找到那片海不顾一切 [Verse 2] 她坐在我对面 低头说珍重再见 虽已时隔多年 记得她泪水涟涟 那些欢笑的时光 那些誓言与梦想 在分手的街边 她紧抱着我说 生活不止眼前的苟且 还有诗和远方的田野 你赤手空拳来到人世间 为找到那片海不顾一切 [Verse 3] 我独自渐行渐远 膝下多了个少年 少年一天天长大 有一天要离开家 看他背影的成长 看他坚持与回望 我知道有一天 我会笑着对他说 [Verse 3] и [Финаль- ный припев] (x2) 生活不止眼前的苟且 还有诗和远方的田野 你赤手空拳来到人世间 为找到那片海不顾一切	Есть <i>стихи</i> и <i>далекие поля</i>. Ты пришел в мир людей с <i>красными</i> <i>ручками</i> и <i>пустыми кулачками</i>,¹ Отчаявшись найти <i>море</i>. [Verse 2] Она сидит напротив меня. Посмотрите вниз и попрощайтесь. Прошло много лет. Я вспоминаю ее со слезами Те часы смеха, Эти <i>клятвы</i> и <i>мечты</i>. На улице, где мы расстались, Она обняла меня и сказала: «Жизнь – это больше, чем сиюминут- ные тяготы». Есть стихи и далекие поля. Ты пришел в мир людей с красными ручками и пустыми кулачками, Отчаянно пытаясь найти море. [Verse 3] Я ухожу один. Под коленом сидит мальчик. Юноша растёт каждый день. Однажды уйти из <i>дома</i>. Посмотрите на рост его спины, Посмотрите на его настойчивость и оглянитесь назад. Я знаю, что однажды Я расскажу ему с улыбкой: [Verse 3] и [Финальный припев] (x2) «Жизнь – это больше, чем сиюминут- ные тяготы». Есть стихи и далекие поля. Ты пришел в мир людей с красными ручками и пустыми кулачками, Отчаянно пытаясь найти море.	ление к высокому, передаваемое из по- коления в поколение. Противопоставление «сиюминутных тягот» (苟且) и «стихов с далекими полями» отражает поиск ба- ланса между повсе- дневностью и духов- ной свободой, между личными устремлени- ями и семейными ценностями.
--	--	--

Таким образом, в современной китайской музыкальной индустрии поп-музыка, рок и фолк образуют единое конвергентное пространство, предлагая разнообразные, эволюционирующие музыкаль-

¹Уточнение перевода: В переносном смысле идиома 赤手空拳 (chì shǒu kōng quán) дословно передает значение «безоружный», «не имеющий никаких ресурсов», «беззащитный», «беспомощный», что точнее отражает метафорический смысл песни о начале жизненного пути, чем буквальный перевод «голыми руками».

ные трактовки концепта свободы – от гедонизма и эскапизма до синтеза личного выбора с традиционными ценностями.

Трансформация концепта «свобода» как отражение взаимного влияния массовой культуры и духовных ценностей

Данная трансформация отражает более широкие социокультурные процессы: коммерциализацию, урбанизацию и интеграцию Китая в глобальный контекст. Как показывает опыт современного писателя Ван Шо, который, слушая песни Терезы Тэн¹, чувствовал, как «пробуждается человеческая натура, и какая-то оболочка смягчается и растворяется» [цит. по: 360 Вэньку, 2017, с. 1–2], этот процесс был не только внешним, но и глубоко личностным. Его наблюдение находит теоретическое подтверждение в концепции Саймона Фрита, который выделяет четыре ключевые социальные функции музыки: создание идентичности, управление эмоциями, организация времени и чувство обладания [приводится по: Frith, 1987, p. 140–144]². Именно эти функции в полной мере реализовала популярная музыка в Ки-

¹Тереза Тэн (Дэн Лицзюнь, 邓丽君, 1953–1995) – величайшая китайская эстрадная певица второй половины XX века, культурный символ и икона для всего китайскоязычного мира. Ее творчество, сочетавшее мягкий вокал, лирические мелодии и темы личной любви и тоски, оказало огромное влияние на формирование современной китайской поп-музыки. В 1970–1980-е годы ее песни, распространявшиеся через кассетные записи, стали для слушателей в материковом Китае «голосом иной, эмоционально более свободной жизни» и одним из первых массовых прорывов в сферу частного, личностного переживания, что оказало глубокое влияние на целое поколение.

²Simon Frith in *Towards an aesthetic of popular music* outlines four key social functions of popular music:

Identity Creation: Music helps us create self-definition and a place in society. **Managing Feelings:** Music, particularly love songs, provides a way to manage the relationship between our public and private emotional lives. **Time Organization:** Music shapes popular memory and organizes our sense of time. **Possession:** Music is experienced as something that can be possessed.

Саймон Фрит в своей работе «К эстетике популярной музыки» выделяет четыре ключевые социальные функции популярной музыки:

Создание идентичности Музыка помогает нам сформировать самоопределение и определять свое место в обществе. **Управление эмоциями** Музыка, особенно песни о любви, помогает нам управлять отношениями между публичной и частной эмоциональной жизнью. **Организация времени** Музыка формирует популярную память, организует наше чувство времени. **Чувство обладания** Музыка воспринимается как нечто, чем можно обладать.

тае, став рефлексивным пространством, где происходило освоение и «приручение» идеи личной свободы для массового сознания, что свидетельствует о переходе от идеологической монолитности к ценностному плюрализму.

Таким образом, массовая культура, в частности популярная музыка, выполняет роль не пассивного зеркала, а активного аксиологического катализатора. Она не просто фиксирует изменения, но и легитимирует новые ценностные парадигмы, способствуя их переходу из сферы интеллектуальных дискуссий, о которых говорил Чэнь Инькэ, в область народного консенсуса и повседневных практик. В эпоху культурного потребления она предлагает не просто «товар», но и ресурс для смыслопорождения и духовного утешения.

Проведенный анализ подтверждает диалектическую взаимосвязь культуры, идеологии и ценностей, в рамках которой массовая культура выступает как активный трансформатор духовного мира человека. Этот динамический процесс уходит корнями в стремление к личной и экономической самостоятельности, теоретически обоснованное еще Чэнь Дусю, утверждавшим, что «имея независимые средства зарабатывания на жизнь, можно стать независимой личностью» [Чэнь Дусю, 1915, с. 2], и что «независимость личности в современной этике и независимость собственности в экономике взаимно доказывают друг друга» [Чэнь Дусю, 1916, с. 3], и эта взаимосвязь является движущей силой прогресса. В современную эпоху массовая культура становится лабораторией, где это стремление реализуется на практике: через потребление и участие в культурной индустрии индивид обретает не просто экономическую свободу, но и инструменты для ценностного самоопределения. Легитимируя и распространяя идеи личной свободы, массовая культура, вслед за китайскими просветителями [приводится по: Лю Юй, 2009], выполняет миссию по формированию современной личности, способствуя тем самым не только внутреннему культурному развитию Китая, но и эффективной трансляции его обновленного духовного опыта.

Заключение

Настоящее исследование показало, что эволюция китайской популярной музыки со времени начала реформ и открытости представляет собой содержательную летопись трансформации духовных ценностей в обществе. Проведенный анализ позволяет интерпретировать эволюцию концепта «свобода» как микромодель макропроцессов социокультур-

ной трансформации Китая. Данная эволюция не была линейной, а развивалась по диалектическому принципу, где каждое новое значение свободы возникало как реакция на предыдущее, выстраиваясь в четкую историческую траекторию: от подчинения личности коллективу – через фазы протестного утверждения, экзистенциального отчуждения и гедонистического эскапизма – к современному поиску синтеза личной автономии с традиционными ценностями.

Исходной точкой этого пути стала песня «Любовь в родном городе» (1979), которая демонстрирует последние моменты доминирования коллективного этоса, где личное чувство легитимируется лишь через связь с социальным долгом. Подлинный прорыв совершила песня «Ни с чем» (1986), провозгласив индивидуальное «Я» и его право на автономию как самодостаточную ценность, что ознаменовало «рождение субъекта» в китайской массовой культуре. Дальнейшая траектория раскрыла множественность значений, которые массовая культура предложила для осмысления личной автономии: от экзистенциального бремени и противостояния отчуждению в «Познать не дано» (1991) до гедонистического эскапизма в «Просто прогуляться» (1991). Эта дивергенция наглядно показала, как массовая культура начала выполнять роль нормативного катализатора, легитимируя различные, подчас противоречивые, модели самоопределения для широкой аудитории.

С начала 2000-х годов на первый план выходит тенденция к синтезу и гибридизации, что нашло отражение в расцвете «китайского стиля» и городского фолк-рока. В таких песнях, как «Свободен как ветер» (2006) и, в особенности, «Жизнь – это больше, чем сиюминутные тяготы» (2016), происходит «китаизация» свободы: она перестает быть лишь негативным протестом («свободой *от*») и наполняется позитивным, локально укорененным содержанием («свободой *для*») – духовного поиска, преемственности поколений и обретения внутреннего баланса. Этот процесс наглядно иллюстрирует теоретический тезис Фрита С. о том, что музыка помогает управлять взаимоотношениями между публичной и личной жизнью. Китайская поп-музыка стала рефлексивным пространством, где происходило это «управление» и освоение глобального концепта для локальных нужд.

Таким образом, проделанный анализ убедительно доказывает, что массовая культура выполняет в современном Китае роль аксиологического катализатора. Она не просто фиксирует изменения в общественных настроениях, но и активно участвует в формировании новых ценностных парадигм, делая сложные идеи личной свободы и

самореализации достоянием и инструментом массового сознания. Это подтверждает существование диалектической взаимосвязи между культурой, идеологией и ценностями, где массовая культура выступает в качестве ключевого звена: она одновременно трансформируется под влиянием глубинных ценностных сдвигов, и сама оказывает мощное обратное влияние на духовный мир человека и общества. Изучение этой динамики позволяет лучше понимать не только внутренние культурные процессы в Китае, но и механизмы его диалога с глобальным миром, открывая новые перспективы для кросс-культурных исследований.

Список литературы

Горелова И.Н. Культура и межкультурное взаимодействие. – Москва : Академия, 2018. – 240 с.

Группа «Черная пантера». «Уди цзы жун» («Познать не дано») [Песня]. На альбоме «Hei Bao» (Черная пантера). Rock Records. 1991. [黑豹乐队. (1991). «无地自容» [歌曲]. 收录于《黑豹》. 滚石唱片.]

Ван Шо. Мой взгляд на массовую культуру, культуру в Гонконге – на Тайване и прочее // «Тянья». 2000. – № 2. – цит. по: 360 Вэньку. – С. 1–14. – URL: <https://wenku.so.com/d/b36fd35a0bb0d15969b1357482730da8> [王朔. 我看大众文化, 港台文化及其他[J]. 天涯, 2000年, 第2期. 360文库 (2017): <https://wenku.so.com/d/b36fd35a0bb0d15969b1357482730da8>, 第1–14页.]

Е Цяньвэнь. «Сяоса цзоу и хуэй» («Просто прогуляться») [Песня]. На альбоме «Сяоса цзоу и хуэй» («Просто прогуляться»). UFO Records. 1991. [叶倩文. (1991). «潇洒走一回» [歌曲]. 收录于《潇洒走一回》. 飞碟唱片.]

Ли Гуи. «Сян лянъ» («Любовь в родном городе») [Песня]. На альбоме «Бэйцзин чжи гэ» («Песни Пекина»). China Record Corporation. 1979. [李谷一. (1979). «乡恋» [歌曲]. 收录于《北京之歌》. 中国唱片总公司.]

Лю Юй. Опыт исследования культурного просветительского движения в поздней Цин : дисс. ... д-ра ист. наук. – Цзилиньский университет. 2009. – 201 с. [刘宇. 试论晚清文化启蒙运动 [D]. 历史学博士论文. 吉林大学, 2009年, 201页.]

Речь Си Цзиньпина, 17.03.2013. Жэньминь Жибао онлайн. «Шагаем по великому пути»: Все мы стремимся к мечте. (Источник: CGTV-русский) 14:49.18/10/2019. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1018/c95197-9624302.html>

Речь Си Цзиньпина. Жэньминьван – Жэньминь жибао. [Газетная статья], 14 октябрь, 2014. – С. 01. – URL: <http://jhsjk.people.cn/article/25827156> [人民网—人民日报. 习近平讲话[N], 2014年10月14日01版. 网址: <http://jhsjk.people.cn/article/25827156>]

Суй Вэй. «Сян фэн и ян цзыю» («Свободен как ветер») [Песня]. На альбоме «Цыши цыкэ» («Время и момент»). EMI: Gold Typhoon. 2006. [许巍. (2006). «像风一样自由» [歌曲]. 收录于《此时此刻》. 金牌大风.]

Сюй Вэй. «Шэнхо бу чжи яньнянь де гоуце» («Жизнь – это больше, чем синоп минутные тяготы») [Песня]. Сингл. Xiami Music. [Цифровая дистрибуция]. 2016. [许巍. (2016). «生活不止眼前的苟且» [歌曲]. 单曲发行. 虾米音乐.]

Цитаты Чэнь Инькэ / Ху Вэнхуэй (ред.). – Шанхай : Шанхайское издательство литературы и искусства, 2021. – 312 с. [胡文辉 (编). 陈寅恪语录[M]. 上海 : 上海文艺出版社, 2021年. 312页.]

Цуй Цзянь. «И у со ю» («Ни с чем») [Песня]. На альбоме «Синь чанчжэн лу шан дэ яогунь» («Рок-н-ролл на Новом Великом походе»). China Tour Audio & Video Press. 1986. [崔健. (1986). «一无所有» [歌曲]. 收录于《新长征路上的摇滚》. 中国旅游音像出版社.]

Чэнь Дусю. Обращение к молодежи // «Циннянь цзачжи» [LA JEUNESSE]. – Шанхай, 1915. – Т. 1. – № 1. – С. 1–6. [陈独秀. «敬告青年» // «青年杂志», 上海, 1915年, 第1卷, 第1期. 第1–6页.]

Чэнь Дусю. Путь Конфуция и современная жизнь // «Синь циннянь» [LA JEUNESSE]. – Шанхай, 1916. – Т. 2. – № 4. – С. 1–7. [陈独秀. «孔子之道与现代生活» // «新青年» 杂志, 上海, 1916年, 第2卷, 第4期, 第1–7页.]

Frith S. Towards an Aesthetic of Popular Music // Richard Leppert and Susan McClary (eds.), *Music and society*. – Cambridge : Cambridge University Press. 1987. – P. 133–149.

References

Gorelova, I.N. *Kul'tura i mezhkul'turnoe vzaimodejstvie* [Culture and Intercultural Interaction]. Moscow, Akademiya Publ., 2018. – 240 p. (In Russ.)

Black Panther. *Wu Di Zi Rong* [No Place to Hide]. [Song]. Black Panther. Rock Records. 1991. (In Chin.) [CD]

Chen, Duxiu. Address to the Youth. In *Qingnian zazhi* [Youth Magazine, LA JEUNESSE], Shanghai. Vol. 1, no. 1, 1915. – pp. 1–6. (In Chin.)

Chen, Duxiu. The Way of Confucius and Modern Life. In *Xin qingnian* [New Youth, LA JEUNESSE], Shanghai. Vol. 2, no. 4, 1916. – pp. 1–7. (In Chin.)

Cui Jian. *Yi Wu Suo You* [Nothing to My Name]. [Song]. Rock 'n' Roll on the New Long March. China Tour Audio & Video Press. 1986. (In Chin.) [Cassette tape]

Frith, S. Towards an Aesthetic of Popular Music. In Richard Leppert and Susan McClary (eds.), *Music and society*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1987, pp. 133–149.

Quotations by Chen Yinke [M]. Hu Wenhui (Ed.). Shanghai, Shanghai Literature and Art Publishing House, 2021. – 392 p. (In Chin.)

Li Guyi. *Xiang Lian* [Love in Hometown]. [Song]. Li Gui's Best Songs. China Record Corporation. 1979. (In Chin.) [Cassette tape]

Liu Yu. *On the Cultural Enlightenment Movement in the Late Qing Dynasty* [D]. Dis. ... Doc. of History. Jilin University, 2009. – 201 p. (In Chin.)

Wang Shuo. My View on Mass Culture, Hong Kong-Taiwan Culture and Others [J]. *Tianya Magazine*, no. 2, 2000. (In Chin.) Retrieved from 360 Wenku. 2017. – pp. 1–14. URL: <https://wenku.so.com/d/b36fd35a0bb0d15969b1357482730da8>

Rech' Si Tszin'pina [Speech by Xi Jinping]. 17.03.2013. Zhen'min' Zhibao" onlajn [People's Daily Online]. «*Shagaem po velikomu puti*»: *Vse my stremimsya k mechte* ["Walking the

Great Road": We All Strive for Our Dreams]. (Istochnik: CGTV-russkij) 14:49.18/10/2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1018/c95197-9624302.html> (In Russ.)

Xi Jinping's speech, People's Daily online. page 01 of October 14, 2014. (In Chin.) URL: <http://jhsjk.people.cn/article/25827156>

Xu Wei. *Xiang Feng Yi Yang Zi You [Free as the Wind]*. [Song]. Time and Moment. EMI: Gold Typhoon. 2006. (In Chin.) [CD]

Xu Wei. *Sheng Huo Bu Zhi Yan Qian De Gou Qie [Life Is More Than the Immediate Drudgery]*. [Song]. Single. Xiami Music. 2016. (In Chin.) [Digital streaming]

Ye Qianwen. *Xiao Sa Zou Yi Hui [Just Let Go]*. [Song]. Just Let Go. Ufo Records. 1991. (In Chin.) [Cassette tape]

ЦИФРОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 008:004.738.5:316.77 DOI: 10.31249/hoc/2026.01.16

Фархутдинов П.Э.*

ПРОБЛЕМАТИКА ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФРАГМЕНТИРОВАННОСТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА ПРИМЕРЕ КАТАРА®

Аннотация. В статье изучается проблема адаптации цифровых коммуникаций в Катаре. В исследовании анализируется, как цифровые сервисы адаптируют сообщения. Актуальность вопроса подтверждается растущим числом исследований региона при незначительном количестве исследований цифровых коммуникаций. Цель работы – определить влияние адаптации на восприятие контента. В ходе исследования автор доказывает отсутствие влияния адаптации коммуникаций на их эффективность. Результаты способствуют дальнейшему изучению проблемы.

Ключевые слова: А/Б-тестирование; Big Data; цифровые коммуникации; лингвистическая относительность; культурная когниция; анализ данных; язык и мышление

Поступила: 10.09.2025

Принята к печати: 28.11.2025

Для цитирования: Фархутдинов П.Э. Проблематика цифровых коммуникаций в условиях культурной и языковой фрагментированности Ближнего Востока на примере Катара // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 240–251. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.16

*Фархутдинов Павел Эдуардович – аспирант Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия; stud0000213194@utmn.ru

Farkhutdinov Pavel Eduardovich – Postgraduate Student at the University of Tyumen, Tyumen, Russia; stud0000213194@utmn.ru

© Фархутдинов П.Э., 2026

Farkhutdinov P.E.

Challenges of Digital Communications in the Culturally and Linguistically Fragmented Middle East Region: a Case Study of Qatar

Abstract. The article examines the problem of adapting digital communications in Qatar. The study focuses on analyzing how digital services adapt messages. The relevance of the research is confirmed by the growing number of studies of the region, contrasted with the limited number of studies on digital communications. The aim of the paper is to determine the impact of adaptation on the effectiveness of content perception. In the course of the study, the author demonstrates the absence of any influence of adaptation on its effectiveness. The results contribute to further exploration of the problem.

Keywords: A/B testing; big data; digital communications; linguistic relativity; cultural cognition; data analysis; language and thought

Received: 10.09.2025

Accepted: 28.11.2025

For quoting: Farkhutdinov P.E. Challenges of Digital Communications in the Culturally and Linguistically Fragmented Middle East Region: a Case Study of Qatar // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 240–251. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.16

В последние годы Ближний Восток все чаще является объектом исследований как мирового сообщества, так и российский ученых, в частности. Данный регион относительно недавно начал активно развивать свои цифровые сервисы, используя опыт других стран. Однако, в отличие от других регионов, для Ближнего Востока характерна исключительная демографическая ситуация – большую часть населения составляют трудовые мигранты. В связи с этим возникает ситуация, когда цифровые сервисы региона вынуждены либо адаптировать свои коммуникации под каждую отдельную языковую (культурную) группу, либо использовать какие-то универсально понятные смыслы для того, чтобы любой потенциальный потребитель медиаконтента смог с ним ознакомиться. Но создание универсального медиаконтента кажется достаточно сложной задачей, поскольку значительная часть мигрантов не владеет арабским языком [Savvin, 2024]. Так как цифровые сервисы все активнее встраиваются в повседневность большей части жителей региона, необходимо изучить, как именно они подходят к адаптации своих коммуникаций и подхо-

дят ли. В данный момент существующие исследования не позволяют проанализировать, насколько необходимо или, наоборот, не нужно адаптировать коммуникации для лучшего их восприятия аудиторией на Ближнем Востоке. Ответ на этот вопрос поможет не только повысить эффективность медиакоммуникаций, но также и выявить в процессе исследования, насколько в действительности язык и восприятие текстов связаны друг с другом.

Существующие актуальные исследования подчеркивают, что «языковые структуры влияют на человеческое восприятие и мышление мира» [Мусабекова, 2024, с. 233]. В контексте данного исследования мы остановимся на восприятии исключительно цифровых коммуникаций. Так как в ходе данной работы мы будем обращаться к Big Data двух крупных катарских компаний, объектом исследования станут следующие форматы коммуникаций: push-уведомления, СМС и электронные письма, которые эти компании отправляют своим клиентам. Катар – не уникальная в контексте Ближнего Востока и, если конкретизировать, государств Персидского залива страна, а достаточно классическая. Поэтому результаты данного исследования не следует считать исключительными.

Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, язык является не только основой культуры, но и мышления и осознания человеком себя и окружающего мира. «Влияние языка на культурную идентичность особенно заметно в многоязычных обществах, где язык выступает в качестве маркера групповой идентичности...» [Пинтин, 2025, с. 273]. Следуя этой гипотезе, можно сделать следующее предположение: принадлежность к той или иной языковой группе выделяет (и даже разделяет) людей, особенно в многоязычных обществах. Это означает, что одна коммуникация, которая использует язык, понятный каждому отдельному реципиенту (в случае двух и более языков будем иметь в виду переведенную на эти языки коммуникацию), теоретически должна восприниматься по-разному. Такую разницу в восприятии не цифровых коммуникаций, но многих других явлений уже многократно изучал и документировал, например, Герт Хофстеде [Hofstede, Bond, 1984]. В его работах успешно выделялись фундаментальные отличия между различными культурами или культурными группами. Факторами различий были социально-экономические особенности каждой культуры: «...карта мировой культуры также формируется на основе анализа до 20 национальных социально-экономических показателей, таких как показатели верховенства

закона, демократии и политической свободы, количество погибших на дорогах и другие показатели подверженности несчастным случаям, гендерное и иное социальное равенство, образовательные достижения, насильственные преступления, модели семьи...» [Minkov, Kaasa, 2024, p. 132].

Любой подобный анализ может с определенной точностью выявить характерные особенности отдельно взятой культуры, а также помочь в сравнении и типологизации разных культур. Однако остается открытым не менее важный вопрос – насколько различаются перцептивные особенности представителей разных культур? «Культурные факторы формируют поведение и предпочтения пользователей в цифровом мире. Пользователи из разных культурных групп могут иметь разные ожидания, восприятие и модели взаимодействия при использовании веб-сайтов, мобильных приложений или других цифровых продуктов» [Kumar, Kulkarni, 2022, p. 4]. Хотя гипотезу лингвистической относительности в последние годы воспринимают уже не столь однозначно, многие исследователи все еще явно отмечают связь языка и мышления [Абруева, 2025; Бурдые, 1994]. Таким образом, существующее представление о связи языка и восприятия однозначно утверждает о явной зависимости второго от первого.

Проверить такую гипотезу можно разными способами, например, опросом или глубинным интервью респондентов. Однако подобные методы могут сказать не о том, как люди воспринимают коммуникацию, а о том, как людям кажется будет правильное воспринимать данную информацию. Язык – это не отдельная от других аспектов общества и культуры сущность, а ее неотделимая часть. «На субъективном уровне восприятие социального мира структурировано, поскольку модели восприятия и оценки, особенно зафиксированные в языке, отражают строение связей символической власти...» [Бурдые, 1994, с. 145]. Таким образом, люди, которых мы потенциально можем опрашивать, сами того не зная, могут интерпретировать те или иные коммуникации не совсем объективно, понимая, что их интерпретация в дальнейшем будет исследоваться – эта проблема уже изучалась отдельными авторами [Zahle, 2023].

Такие ограничения приводят нас к гипотезе: анализировать восприятие цифровых коммуникаций продуктивнее при помощи таких методов, как А/Б-тестирование, при котором реципиенты не будут знать о проводимых тестах. У А/Б-тестирования есть два существенных недостатка: такой метод требует доступ к данным для проверки гипотез и дальнейшей интерпретации, а также не позволяет нам де-

лать гарантированно точные выводы – потенциально мы можем неверно интерпретировать результаты любого теста или неверно собрать данные: «Если предположить, что можно проводить контролируемые эксперименты, важно убедиться в их достоверности. При проведении онлайн-экспериментов получить цифры легко; получить цифры, которым можно доверять, сложно...» [Quin, 2024, p. 3]. Чаще всего А/Б-тестирование подразумевает обращение к внутренним организационным и техническим способностям организации [Kohavi, Longbotham, 2023], однако, когда доступ к Big Data есть, теоретические выводы можно будет подтвердить. Таким образом, в рамках данного исследования мы последовательно проведем несколько А/Б-тестов, чтобы изучить эффект от использования не адаптированных под культурные особенности коммуникаций. Это исключает какую-либо предвзятость – люди не осознают, что их действия (в нашем случае можно поставить знак равенства между действиями и ответами) анализируются кем-либо.

Так как в данной работе потребуется использование А/Б-тестирования на основе Big Data, обратимся к доступным автору базам данных двух крупных катарских компаний: одна компания занимается страхованием физических и юридических лиц, вторая – доставкой готовой еды и продуктов питания. Рассмотреть восприятие цифровых коммуникаций у разных культурных групп не получится в рамках данной статьи (данная задача слишком объемная), поэтому сконцентрируемся на двух группах: арабоязычной и англоязычной. В данной работе будет изучено восприятие текстовых коммуникаций двух форматов: push-рассылок и email-рассылок. В данных коммуникациях часто присутствует СТА (Call-to-Action – призыв к действию). Таким образом, получится оценить разницу в восприятии посредством оценки эффекта от призыва к действию. Если человек не совершил требуемое от него действие, то мы будем считать коммуникацию неэффективной. Это также поможет проверить то, насколько существующая типологизация культур по характеру коммуникаций справедлива по отношению к восприятию цифровых коммуникаций. «Ученые также различают арабскую и американскую культуры с точки зрения стилей прямого и косвенного общения... американская культура отдает предпочтение ясной и прямой коммуникации, о чем свидетельствуют многие распространенные американские выражения: “Говори, что имеешь в виду”, “Не ходи вокруг да около”, “Переходи к сути» [Zaharna, 1995, p. 243].

Начать анализ следует с последней гипотезы. Изучим, насколько отличается между арабоязычными и англоязычными пользователями восприятие электронного письма, если добавить в него явный призыв к действию. Под действием будем считать любой клик внутри письма. Таким образом, мы сможем либо обнаружить статистически значимую разницу в количестве кликов у одной из групп, либо отсутствие таковой. Используем два варианта письма: один с СТА-кнопкой (Call-to-Action), которая будет содержаться на главном изображении письма и содержать глагол в императивной форме (именно использование глаголов исследователи связывают с побуждением к действию [Formanowicz, 2024]), второй – без СТА-кнопки. СТА-кнопка – это достаточно классический визуальный элемент, который традиционно «...состоит из двух элементов: фоновой формы и короткого текста, призывающего к действию» [Biswas, Abell, Chacko, 2024, p. 52].

Для тестирования обратимся к базе данных одной из страховых компаний Катар без указания названия компании. В ходе теста было отправлено 10 разных электронных писем на различные клиентские сегменты, общим объемом более 35 000 клиентов (табл. 1). Если рассчитывать статистическую значимость с достоверностью в 95%, то можно сделать вывод – разницы в восприятии между коммуникациями нет. Это касается и англоязычной, и арабоязычной аудиторий и означает, что получателю текстовых коммуникаций неважно, есть ли прямой призыв к действию или нет. Ниже представлены более подробные числа. Схожие исследования уже приходили к аналогичным выводам [Charlesworth, 2024]. Таким образом, можно сделать вывод, что наличие или отсутствие призыва в формате СТА-кнопки на ключевом визуальном элементе электронного письма не оказывает влияния ни на англоязычную, ни на арабоязычную аудиторию.

Другой аспект, который следует изучить – ИИ, а именно технология производства изображений при помощи таких инструментов, как Midjourney. Исследуем, отличается ли восприятие таких изображений между англоязычной и арабоязычной аудиториями. Так как способности ИИ генерировать изображения улучшаются со значительной скоростью, возможность людей отличать такие изображения от изображений, созданных человеком, ухудшается. Так, люди все еще считают, что «...изображения, созданные моделью “текст-изображение”, были какими-то странными: они не соответствовали их ожиданиям относительно того, как должен быть изображен определенный предмет, потому что они содержат элементы, которые воспринимаются как несоответствующие или бессмысленные. Такие

элементы ставят под сомнение все изображение, поскольку они не могут быть интуитивно объяснены участниками» [Rapp, 2024, p. 9]. В ходе этого исследования, данные для которого собирались в 2024 году, использовалась менее качественная модель генерации изображений. Изображения, полученные таким образом, достаточно легко было отличить от работ графического дизайнера. Обратимся к данным приложения по доставке еды и продуктов питания Катара. Сравнивать будем два варианта: вариант А с использованием искусственного интеллекта и вариант Б – без использования соответственно.

Таблица 1

Влияние СТА-кнопки на восприятие электронных писем

	Открытие писем вариант А	Открытие писем вариант Б	Кликов в письме вариант А	Кликов в письме вариант Б	Конверсия вариант А	Конверсия вариант Б
Англоязычная аудитория	6790	6721	183	149	2.7%	2.2%
Арабоязычная аудитория	2532	2558	80	95	3.16%	3.71%

Здесь уже ситуация несколько иная – в обоих случаях статистическая значимость есть (табл. 2). Как англоязычные, так и арабоязычные пользователи предпочитают не изображение, сгенерированное ИИ, а изображение, созданное человеком. Следовательно, можно сделать вывод, что, как минимум в восприятии изображений, сгенерированных ИИ, мы не можем обнаружить корреляцию между языком и восприятием. При этом существуют тесты, в которых исследователи замечали, что разница между англоязычными и арабоязычными реципиентами существует [Alsaffar, Pemberton, Echavarria, 2018]. Возможно, что восприятие изображений, сгенерированных ИИ, зависит также и от формата самого изображения, однако в ходе данного теста было отправлено 12 электронных писем на аудиторию

более 100 000 человек, что исключает потенциальные ошибки в выводах теста.

Таблица 2

Разница в восприятии ИИ-изображений в электронных письмах

	Открытие писем вариант А	Открытие писем вариант Б	Кликов в письме вариант А	Кликов в письме вариант Б	Конверсия вариант А	Конверсия вариант Б
Англоязычная аудитория	24960	28500	1982	2448	7.94%	8.59%
Арабоязычная аудитория	23725	30593	1729	2492	7.29%	8.15%

Финальный тест следует посвятить эмодзи и их использованию – вновь на основе данных приложения доставки еды и продуктов питания. Для начала дадим объяснение термину: «“Эмодзи” представляет собой комбинацию двух японских слов: “е” (картинка) и “moji” (символ)» [Ali-Chand, Naidu, 2024, p. 84]. Существующие исследования приходят к выводу о значительной роли эмодзи в ходе межличностных коммуникаций [Adobe, 2021]. Понять, как эмодзи влияют на восприятие коммуникаций не от человека (межличностная коммуникация), а от компании (коммуникация бренда с человеком), нам поможет тест push-уведомлений. Важно заметить, что в тесте не будет сравнения восприятия конкретных эмодзи – отдельные исследователи обнаружили, что различий в использовании эмодзи представителями разных культур нет (за исключением специфических эмодзи, например, еды) [Guntuku, 2019]. Обратимся к данным теста (табл. 3).

Данный тест получился наиболее масштабным – в нем было проанализировано 30 push-уведомлений, а количество отправок превысило 1 000 000. В данном случае статистической разницы нет – эмодзи никак не влияют на восприятие клиентами push-уведомлений. Это означает, что вне зависимости от принадлежности к языковой группе (в данном случае англоязычной и арабоязычной) человек не находится под влиянием эмодзи при принятии решения о том, кликнуть на уведомление или нет. Остается принципиальной

проблема интерпретации – использование одинаковых эмодзи для двух разных языковых групп может приводить к разному эмоциональному отклику. Однако, если обратиться к другим исследованиям, можно также сделать вывод об отсутствии влияния интерпретации как таковой: «Результаты нашего исследования показали, что эмодзи различаются с точки зрения семантической интерпретации между собой, однако их интерпретация остается относительно единообразной в разных языках» [Zhou, 2024, p. 18706].

Таблица 3

Влияние эмодзи на восприятие push-уведомлений

	Отправлено уведомлений вариант А	Отправлено уведомлений вариант Б	Кликов вариант А	Кликов вариант Б	Конверсия вариант А	Конверсия вариант Б
Англоязычная аудитория	332985	378506	3635	4207	1.09%	1.11%
Арабоязычная аудитория	268019	334473	3063	3982	1.14%	1.19%

Таким образом, 3 А/Б-теста, проведенных на аудитории англоязычных и арабоязычных пользователей двух разных компаний, не показали статистически значимой разницы между восприятием отдельных аспектов цифровых коммуникаций, таких как использование ИИ, эмодзи, а также СТА-кнопок. Это означает, что существующее представление о необходимости адаптации цифровых коммуникаций под отдельные языковые группы не нашло подтверждения на тестах, проведенных на основе Big Data. В данном исследовании уделялось внимание именно особенностям восприятия отдельных аспектов цифровых коммуникаций. Более глубокое изучение восприятия цифровых коммуникаций и разделение аудитории на различные культурные группы – тема для отдельного исследования.

Список литературы

- Абруева М.* Взаимосвязь речи и мышления // Диалог, интеграция наук и культур в процессе научного и профессионального образования. 2025. – Т. 1. – № 1. – С. 199–200.
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетея, 1994. – 336 с.
- Мусабекова М.* Теоретические основы этнолингвистики // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. 2024. – Т. 2. – № 1/С. – С. 232–236.
- Пинтин Ч.* Язык и культурная идентичность: роль, взаимосвязь и вызовы в эпоху глобализации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. – № 2–2 (101). – С. 272–275.
- Adobe. Adobe Global Emoji Trend Report 2021 Key Findings. – 2021. – URL: <https://www.inputmag.dk/wp-content/uploads/2021/07/Adobe-Global-Emoji-Trend-Report-2021-Findings.pdf> (date of access: 02.07.2025).
- Ali-Chand Z., Naidu R.* Exploring the Impact of Emojis on Paralanguage in Social Media Communication among University Students // English Language Teaching. 2024. – V. 17. – No. 9. – P. 84–106. – DOI: 10.5539/elt.v17n9p84
- Alsaffar M., Pemberton L., Echavarria K.R.* An Eye Tracking Study of Viewing Behaviour and Preferences of Arabic, English and Chinese Users // Proceedings of the 32nd International BCS Human Computer Interaction Conference. – BCS Learning & Development, 2018. – P. 1–13. – DOI: 10.14236/ewic/HCI2018.51
- Biswas D., Abell A., Chacko R.* Curvy Digital Marketing Designs: Virtual Elements with Rounded Shapes Enhance Online Click-through Rates // Journal of Consumer Research. – 2024. – Т. 51, № 3. – P. 52–57. – DOI: 10.1093/jcr/ucad078
- Charlesworth T. E. S.* et al. Echoes of Culture: Relationships of Implicit and Explicit Attitudes with Contemporary English, Historical English, and 53 Non-English Languages // Social Psychological and Personality Science. 2024. – Т. 15. – № 7. – P. 812–823. – DOI: 10.1177/19485506241256400
- Formanowicz M.* et al. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated with Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Personality and Social Psychology Bulletin. 2024. – P. 1–42. – DOI: 10.1177/01461672241238418
- Hofstede G., Bond M.H.* Hofstede's Culture Dimensions: An Independent Validation Using Rokeach's Value Survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1984. – V. 15. – No. 4. – P. 417–433. – DOI: 10.1177/0022002184015004003
- Guntuku S.C.* et al. Studying Cultural Differences in Emoji Usage across the East and the West // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2019. – V. 13. – P. 226–235. – DOI: 10.1609/icwsm.v13i01.3224.
- Kohavi R., Longbotham R.* Online Controlled Experiments and A/B Tests // Encyclopedia of Machine Learning and Data Science. – New York, NY : Springer, 2023. – P. 1–13. – DOI: 10.1007/978-1-4899-7502-7_891-2
- Kumar S., Kulkarni C.S.* A/B Testing in Cross-Cultural Contexts: Investigating the Influence of Cultural Factors on A/B Test Results and Optimization Strategies for Global Audiences // Journal of Mathematical & Computer Applications. 2022. – V. 1. – No. 4. – P. 4. – DOI: 10.47363/JMCA/2022(1)161

Minkov M., Kaasa A. Aligning Schwartz's Model of Culture with That of Minkov-Hofstede // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2024. – V. 24. – No. 1. – P. 129–148. – DOI: 10.1177/14705958241235021

Quin F. et al. A/B Testing: A Systematic Literature Review // *Journal of Systems and Software*. 2024. – V. 211. – P. 1–46. – DOI: 10.1016/j.jss.2024.112011

Savvin I.A. Gulf Pidgin Arabic as a Communication Tool of Migrant Workers in the ARAB Countries of the Persian Gulf // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2024. – V. 2. – No. 1. – P. 87–101. – DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-87-101

Rapp A. et al. How Do People Experience the Images Created by Generative Artificial Intelligence? An Exploration of People's Perceptions, Appraisals, and Emotions Related to a Gen-AI Text-to-image Model and Its Creations // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2025. – V. 193. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.ijhcs.2024.103375

Zaharna R.S. Understanding Cultural Preferences of Arab Communication Patterns // *Public Relations Review*. 1995. – V. 21. – No. 3. – P. 241–255. DOI:10.1016/0363-8111(95)90024-1

Zahle J. Reactivity and Good Data in Qualitative Data Collection // *European Journal for Philosophy of Science*. 2023. – V. 13. – No. 1. – P. 1–10. – DOI: 10.1007/s13194-023-00514-z

Zhou G. et al. Semantics and Sentiment: Cross-lingual Variations in Emoji Use // *Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. – 2024. – P. 18698–18712. – DOI: 10.18653/v1/2024.emnlp-main.1041

References

Abrueva, M. Vzaimosvyaz' rechi i myshleniya [The Interrelation of Speech and Thought]. In *Dialog, integratsiya nauk i kul'tur v protsesse nauchnogo i professional'nogo obrazovaniya*. Vol. 1, no. 1, 2025, pp. 199–200. (In Russ.)

Bourdieu, P. *Social'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]*. Moscow, Institut eksperimental'noj sotsiologii; Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1994. 336 p. (In Russ.)

Musabekova, M. Teoreticheskie osnovy etnolingvistiki [Theoretical Foundations of Ethnolinguistics]. In *Zarubezhnaya lingvistika i lingvodidaktika*, no. 2(1/S), 2024, pp. 232–236. (In Russ.)

Pintin, Ch. Yazyk i kul'turnaya identichnost': rol', vzaimosvyaz' i vyzovy v epokhu globalizatsii [Language and Cultural Identity: Role, Interrelation, and Challenges in the Era of Globalization]. In *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 2–2(101), 2025, pp. 272–275. (In Russ.)

Adobe. Adobe Global Emoji Trend Report 2021 Key Findings, 2021, URL: <https://www.inputmag.dk/wp-content/uploads/2021/07/Adobe-Global-Emoji-Trend-Report-2021-Findings.pdf> (date of access: 02.07.2025)

Ali-Chand, Z., Naidu, R. Exploring the Impact of Emojis on Paralanguage in Social Media Communication Among University Students. In *English Language Teaching*. Vol. 17, no. 9, 2024, pp. 84–106. DOI: 10.5539/elt.v17n9p84

Alsaffar, M., Pemberton, L., Echavarria, K.R. An Eye Tracking Study of Viewing Behaviour and Preferences of Arabic, English and Chinese Users. In *Proceedings of the 32nd Interna-*

tional BCS Human Computer Interaction Conference, BCS Learning & Development, 2018, pp. 1–13. DOI: 10.14236/ewic/HCI2018.51

Biswas, D., Abell, A., Chacko, R. Curvy Digital Marketing Designs: Virtual Elements with Rounded Shapes Enhance Online Click-through Rates. In *Journal of Consumer Research*. Vol. 51, no. 3, 2024, pp. 552–570. DOI: 10.1093/jcr/ucad078

Charlesworth, T. E. S. et al. Echoes of Culture: Relationships of Implicit and Explicit Attitudes with Contemporary English, Historical English, and 53 Non-English Languages. In *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 15, no. 7, 2024, pp. 812–823. DOI: 10.1177/19485506241256400

Formanowicz, M. et al. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language is Associated with Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness. In *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2024, pp.1–42. DOI: 10.1177/0022002184015004003

Hofstede, G., Bond, M.H. Hofstede's Culture Dimensions: An Independent Validation Using Rokeach's Value Survey. In *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 15, no. 4, 1984, pp. 417–433. DOI: 10.1177/0022002184015004003

Guntuku, S.C. et al. Studying Cultural Differences in Emoji Usage across the East and the West. In *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. Vol. 13, 2019, pp. 226–235. DOI: 10.1609/icwsm.v13i01.3224

Kohavi, R., Longbotham, R. Online Controlled Experiments and A/B Tests. In *Encyclopedia of Machine Learning and Data Science*, New York, NY, Springer Publ., 2023, pp. 1–13. DOI: 10.1007/978-1-4899-7502-7_891-2

Kumar, S., Kulkarni, C.S. A/B Testing in Cross-Cultural Contexts: Investigating the Influence of Cultural Factors on A/B Test Results and Optimization Strategies for Global Audiences. In *Journal of Mathematical & Computer Applications*. Vol. 1, no. 4, 2022, pp. 1–4. DOI: 10.47363/JMCA/2022(1)161

Minkov, M., Kaasa, A. Aligning Schwartz's Model of Culture with That of Minkov-Hofstede. In *International Journal of Cross Cultural Management*. Vol. 24, no. 1, 2024, pp. 129–148. DOI: 10.1177/14705958241235021.

Quin, F. et al. A/B Testing: A Systematic Literature Review. In *Journal of Systems and Software*. Vol. 211, 2024, pp. 1–46. DOI: 10.1016/j.jss.2024.112011

Savvin, I.A. Gulf Pidgin Arabic as a Communication Tool of Migrant Workers in the ARAB Countries of the Persian Gulf. In *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. Vol. 2, no. 1, 2024, pp. 87–101. DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-87-101

Rapp, A. et al. How Do People Experience the Images Created by Generative Artificial Intelligence? An Exploration of People's Perceptions, Appraisals, and Emotions Related to a Gen-AI Text-to-image Model and Its Creations. In *International Journal of Human-Computer Studies*. Vol. 193, 2025, pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2024.103375

Zahama, R.S. Understanding Cultural Preferences of Arab Communication Patterns. In *Public Relations Review*. Vol. 21, no. 3, 1995, pp. 241–255. DOI: 10.1016/0363-8111(95)90024-1

Zahle, J. Reactivity and Good Data in Qualitative Data Collection. In *European Journal for Philosophy of Science*. Vol. 13, no. 1, 2023, pp. 1–10. DOI: 10.1007/s13194-023-00514-z

Zhou, G. et al. Semantics and Sentiment: Cross-lingual Variations in Emoji Use. In *Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2024, pp. 18698–18712. DOI: 10.18653/v1/2024.emnlp-main.1041

ВЕСТНИК КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научный журнал

2026 № 1(116)

**Контакты редакции: e-mail: culturology-journal@inion.ru
ИНИОН РАН. Отдел культурологии**

Дизайн обложки А.А. Демочкина

Корректоры

П.И. Горбунов, М.П. Крыжановская

Подписано к печати 5.12.2025. Формат 60 х84/16

Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 14,1

Тираж 800 экз. Заказ №

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–74023

Институт научной информации

по общественным наукам РАН,

Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: 8 (499) 124-32-15

e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии

АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6